

История
Общество
Политика
2024
№4(32)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 4(32)
2024

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2024. №4 (32)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.12.2024

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Л.В. Ланник - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Л. Черноперов - доктор исторических наук, доцент, профессор Ивановского государственного университета;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2024
© Коллектив авторов, 2024

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

**N 4 (32)
2024**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2024. №4 (32)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/12/2024

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

L.V. Lannik - doctor of historical sciences, Leading Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.L. Chernoperov - doctor of historical sciences, associate professor, professor, Ivanovo State University;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2024

© Authors, 2024

Содержание

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Гольцов А.Н.* Политико-правовые преобразования в Британской империи в годы Первой Мировой войны 6
- Денисов С.И.* Правовое регулирование социально-трудовых отношений Германии на завершающем этапе Первой Мировой войны 15

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ИДЕОЛОГИИ

- Дубровский А.М.* Идеология большевиков и вожизм 21
- Цуканова В.О.* Образ солдата в романах Р. Олдингтона 36
- Шендыгаев Д.И.* Взаимоотношения внутри британской армейской элиты в годы Первой Мировой войны 43

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Зайцев С.В.* Сотрудничество России и Китая по обеспечению безопасности в Персидском заливе 54
- Муталибова Ж.Б.* Энергетическая дипломатия России и Китая в Африке: Франция как стратегический союзник в области устойчивого развития и поддержки энергетических проектов 60

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Дубровский А.М., Ковеля В.В., Федосов А.В., Шинаков Е.А.* Украинская историография средневековой Руси в конце XX – начале XXI вв.: концепции, истоки, тенденции 67
- Шинаков Е.А., Симиохин Г.Ю.* К вопросу о возникновении термина «Дранг нах Остен» и его периодизации в историографии 79
- Артамошин С.В.* Анатомия «гештальтов»: анализ проекта осмысления консервативной революции в книге Г. Сипливого 83

- О сетевом издании «История. Общество. Политика» 88**

ПОЛИТИКА И ПРАВО

УДК 94

А.Н. Гольцов

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена анализу политико-правовых преобразований, происходивших в Британской империи в годы Первой мировой войны. В исследовании рассматриваются ключевые изменения в политической системе метрополии и доминионов, а также влияние этих изменений на международные отношения и внутреннюю политику империи в целом. Особое внимание уделено основным институтам власти Британской империи в процессе принятия решения о вступлении в войну, изменениям в законодательстве, связанным с введением военного положения, а также последствиям военных действий для конституционного строя империи. С учетом поставленных цели и задач отдельное внимание уделено исследованию роли колониальных владений в обеспечении ресурсами и людскими резервами в условиях ведения боевых действий, а также их вклад в послевоенное устройство мира.

Ключевые слова: Британская империя, метрополия, доминионы, колонии, Первая мировая война, Закон о защите Королевства, DORA, Военный кабинет, Имперский военный кабинет

Goltsov A.N. Political and legal transformations in the British Empire during the First World War

Abstract: The article is devoted to the analysis of political and legal transformations taking place in the British Empire during the First World War. The study considers the key changes in the political system of the metropolis and dominions, as well as the impact of these changes on international relations and domestic policy of the empire as a whole. Particular attention is paid to the main institutions of power of the British Empire in the process of making the decision to enter the war, changes in legislation associated with the introduction of martial law, as well as the consequences of hostilities on the constitutional order of the Empire. In view of the aim and objectives, special attention is paid to the study of the role of colonial possessions in providing resources and manpower reserves in the context of warfare, as well as their contribution to the post-war world order.

Keywords: British Empire, metropolis, dominions, colonies, World War I, Defence of the Realm Act, DORA, War Cabinet, Imperial War Cabinet

Первая мировая война, жестоко оборвавшая один из самых благополучных периодов истории – La Belle Époque – вдохновила многочисленные исследования в области истории, политики, права и международных отношений, конечной целью которых было выявление не только истоков военного конфликта, но и особенностей внутренней политики государств-участников, изменений политико-правовой системы, направленной на укрепление государственности и формирование должного отношения гражданского общества к власти и принятым решениям, особенностей складывания нового миропорядка.

В условиях третьего десятилетия XXI века, в период острых дискуссий и противоречий на международной арене относительно внешнеполитических трансформаций в ведущих государствах мира заявленная тема приобретает особую актуальность, поскольку исследование политико-правовых преобразований позволяет глубже понять корни современных международных отношений и государственного устройства многих стран. Хронологические рамки исследования обоснованы тем, что в ходе войны Британская империя столкнулась с необходимостью адаптации своей политики, в том числе колониальной, к новым вызовам. Анализ политико-правовых преобразований в Британской империи в годы Первой мировой войны

позволит понять, каким образом крупнейшая империя того времени трансформировала свои правовые институты под влиянием военных событий.

Заявленная тема исследования актуализируется также и тем, что Первая мировая война ускорила многие процессы, направленные на расширение гражданских прав и свобод, в том числе права голоса для женщин и рабочего класса, создала предпосылки для участия доминионов в политической и экономической жизни метрополии. Политические и правовые трансформации в Британской империи оказали значительное влияние на международную арену, особенно в контексте создания Лиги Наций и последующих договоров о мире. Таким образом, исследование политико-правовых преобразований в Британской империи в годы Первой мировой войны актуально как с точки зрения исторического анализа, так и для понимания текущих мировых тенденций в области международного права и государственной политики.

Целью исследования, в рамках заявленной темы, является анализ политико-правовых преобразований в Британской империи в годы Первой мировой войны, их влияние на внутреннюю и внешнюю политику метрополии, а также оценка последствий этих изменений для колониальных владений и международной системы в целом.

Достижение поставленной цели возможно через решение ряда задач:

– изучить внутривнутриполитическую ситуацию в Британской империи накануне и в годы Первой мировой войны, предпосылки политико-правовых преобразований обращая внимание на распространение идей федерализма и возможности трансформации империи с акцентом на взаимоотношения доминионов и метрополии;

– проанализировать изменения в законодательстве и правовой системе Британской империи определяя последствия проведенных преобразований для дальнейшего развития британской государственности.

Первая мировая война стала демонстрацией сплоченности Британской империи, что дало новую надежду федералистам. Доминионы немедленно включились в борьбу вместе с метрополией, еще до того, как король обратился к ним за помощью. Доминионы руководили военными операциями против немецких колоний в Африке и на Тихом океане, где решали условия капитуляции противника без вмешательства Великобритании. Австралийцы и новозеландцы принимали участие в Галлиполийской экспедиции и обороне Суэцкого канала от турок, канадцы сражались на Западном фронте. Однако колониальные экспедиционные силы не сливались с британскими войсками, они были переданы под национальное командование, прикрепленное к британскому штабу. В Канаде даже существовало Министерство военно-морских сил, которое базировалось в Лондоне и возглавлялось членом канадского кабинета министров. Следует отметить, что, за исключением военно-морских сил, переданных в распоряжение Адмиралтейства, правительства автономных колоний были свободны в определении использования своего людского и экономического потенциала, но в первые несколько лет они не принимали никакого участия в руководстве войной. Эта непоследовательность была следствием двусмысленного положения, которое автономные государства занимали в составе империи. Признанный в 1907 году «статус доминиона» был не более чем пустой формулой, если Великобритания продолжала проводить политику, которую она могла проводить без оглядки на доминионы. В сложившихся условиях речь шла не о независимой внешней политике молодых государств, а лишь об участии в принятии решений, касающихся конфликта, в который были вовлечены их войска. В своих выступлениях Р. Борден не раз задавался вопросом относительно того, что, если это война всей империи, почему только британские государственные деятели должны определять методы ее ведения. Военный кабинет остался верен доктрине, что «власть не делится». Он лишь согласился допускать на свои заседания в личном качестве колониальных премьер-министров, что не означало никаких изменений в конституционных

отношениях внутри империи. Чтобы не столкнуться с общим требованием правительств доминионов о таких изменениях, он под сомнительными предложениями отказался от созыва Имперской конференции, назначенной на 1915 год.

Однако приближалось время, когда эту проблему нужно было изучить досконально. В доминионах мнение менялось. Официальная пропаганда старательно взращивала имперский патриотизм. Но человеческие потери, высокие налоги и перспектива еще больших жертв вызвали явные признаки усталости. В Австралии идея призыва в армию была отвергнута на референдуме в сентябре 1916 года, в Южной Африке Национальная партия Джеймса Герцога провозгласила, что война империи не является войной Южно-Африканского Союза, и часть партии снова начала мечтать о независимости, в Канаде франко-канадцы все более сдержанно относились к войне на стороне Великобритании.

Когда в декабре 1916 года Ллойд Джордж стал премьер-министром, он понимал необходимость уступок. Одновременно с созывом Имперской конференции, отложенной его предшественниками, он объявил о создании нового органа – Имперского военного кабинета. Помимо пяти британских членов Военного кабинета, в него должны были войти секретарь по делам колоний и секретарь по делам Индии, премьер-министры доминионов и представители Индии. Кабинет должен был изучить неотложные проблемы, касающиеся ведения войны и условий, при которых, по согласованию с союзниками важно предусмотреть ее завершение, а также проблемы, которые возникнут после этого [4], словом, те вопросы, по которым Г. Асквит в 1911 году отказался принимать какие-либо решения.

В течение 1917 и 1918 годов был проведен ряд секретных встреч. Трудно сказать, какое реальное влияние имел Военный кабинет. Был ли он реальным «исполнительным органом», ответственным за обсуждение и решение сложных проблем ориентации военной политики, или просто комитетом для консультаций и информации, на рассмотрение которого выносились решения, уже принятые исключительно Британским военным комитетом? Несомненно, это было то или другое, в зависимости от обстоятельств. Его важность заключалась не столько в том, чем он был, сколько в том, что он собой представлял. В этом смысле термин «кабинет министров» был особенно уместен, поскольку не было парламентской ответственности, он предусматривал равенство участников. На этой основе колониальные премьер-министры считали возможным строить будущие отношения между самоуправляемыми нациями империи.

Выступая 3 апреля 1917 года перед Имперской парламентской ассоциацией, Роберт Борден сказал: «Возможно, в тени войны мы не осознаем ясно меру недавнего конституционного развития... конституционного положения, возникшего в результате созыва Имперского военного кабинета. Британская конституция является наиболее гибким инструментом управления, когда-либо созданным. Она окружена определенными законодательными ограничениями, но они не имеют характера, способного помешать замечательному развитию, о котором я буду говорить. Должность премьер-министра, полностью признанная постепенно развивающимися соглашениями Конституции, хотя и совершенно неизвестная формальным постановлениям закона, наделена властью и авторитетом, которые в новых условиях, требующих прогресса и развития, имеют неопределимое преимущество. Недавнее осуществление этой великой власти привело к прогрессу, который может сдержать зародыш и определить метод конституционного развития в ближайшем будущем. Только в течение последних нескольких дней была завершена полная неизмеримость этого прогресса [8].

«Впервые в истории Империи в Лондоне заседают два кабинета, оба надлежащим образом сформированные и оба осуществляющие четко определенные полномочия. В каждом из них председательствует премьер-министр Соединенного Королевства. Один из них обозначен как «Военный кабинет», который в основном занимается такими вопросами, касающимися

ведения войны, которые в первую очередь касаются Соединенного Королевства, другой обозначен как «Имперский военный кабинет», который имеет более широкие цели, юрисдикцию и персонал. Для его обсуждения были вызваны представители всех самоуправляющихся доминионов Империи. Мы встречаемся там на условиях равенства под председательством первого министра Соединенного Королевства; мы встречаемся там как равные; он является первым среди равных. Министры из шести стран заседают вокруг Совета Правления, все они ответственны перед своими соответствующими парламентами и народами стран, которые они представляют. Каждая страна имеет свой голос по вопросам, представляющим общий интерес и высшим важность по мере продолжения обсуждений; каждый сохраняет нетронутой свою совершенную автономию, свое самоуправление и ответственность своих министров перед своим собственным электоратом. В течение многих лет мысль государственных деятелей и студентов в каждой части Империи была сосредоточена вокруг вопроса о будущих конституционных отношениях; может быть, теперь, как и в прошлом, необходимость, навязанная великими событиями, дала ответ [8].

«Имперский военный кабинет, как он был сформирован сегодня, был созван для определенных и конкретных целей, публично заявленных, которые включают вопросы, представляющие наиважнейший интерес для всей Империи. С созданием этого кабинета наступила новая эра и была написана новая страница истории. Не мне пророчествовать о будущем значении этих нынешних событий; но те, кто вложил мысли и энергию во все усилия для полного конституционного развития заморских стран, могут быть прощены за веру в то, что они видят в этом рождение нового и большего Имперского Содружества» [8].

Можно задаться вопросом, не был ли оптимизм Р. Бордена направлен прежде всего на то, чтобы успокоить колониальное общественное мнение? Он прекрасно понимал, как трудно будет превратить Имперский военный кабинет в настоящее правительство империи. Премьер-министры не могли лично присутствовать в Лондоне, не пренебрегая своими внутренними делами, и не могли быть заменены, когда нужно было принимать важные решения, за которые они были бы подотчетны своему парламенту. Созданный для решения конкретной ситуации и преследующий простую цель победы, сможет ли Имперский кабинет сохранить единство цели, столкнувшись со сложными проблемами мира и послевоенного периода? Не вернется ли британское правительство к своей доктрине неделимой власти? Конечно, по всей империи федералистские силы работали над тем, чтобы сделать это переходное имперское правительство окончательным. В двух книгах, опубликованных в 1916 году, оксфордский историк Лайонел Кертис повторил темы, изучавшиеся группами журнала «Круглый стол» с 1910 года: «Как можно предоставить гражданину доминионов такую же роль во внешней политике, как и гражданину Британских островов?» «Преждевременное введение элементов самоуправления представляет собой кратчайший путь к анархии». Л. Кертис выступил инициатором принципиально нового подхода к устройству британской колониальной системы, впервые предложив заменить термин Британская империя на Содружество Наций. Кроме того, он стал одним из первых инициаторов трансформации системы имперского управления, предполагавшей включение в нее представителей самоуправляющихся доминионов [6, с. 453].

Тот факт, что доминионы были вовлечены в войну, решение о которой принимало правительство в Лондоне, ответственное только перед британским общественным мнением, подтвердил несостоятельность «сотрудничества», за которое выступали Имперские конференции. При заключении мира опыт повторится. Федералисты считали, что без промедления империя должна быть построена на федеративной основе с помощью конвента, созданного после войны и уполномоченного разработать конституционный план. Эти же федералисты приветствовали создание Ллойд Джорджем Имперского военного кабинета в 1917 году как начало будущего

федерального кабинета. Резолюция, принятая Имперской военной конференцией в том же году, умерила их энтузиазм.

В резолюции имперской конференции 1917 года было закреплено право голоса доминионов в общеимперских внешнеполитических решениях и установлено, что в будущем сотрудничество будет проводиться на основе «постоянных консультаций и совместных действий» [3].

Переходя к преобразованиям в области права важно отметить, что накануне Первой мировой войны в Британской империи было закреплено возникновение интервенционистского государственного и административного права. Война выступила катализатором этого процесса. В августе 1914 года британское правительство опубликовало документ экономического планирования, устанавливающий беспрецедентный в истории Соединенного Королевства интервенционизм. Кругооборот капитала и товаров регулировался, также, как стратегические услуги и производство в значительной степени контролировалось государством (железные дороги, уголь, боеприпасы и т. д.). Чтобы поддержать военные усилия, государственные органы вложили значительные средства в образование и исследования для разработки инноваций. Лидеры бизнеса активно участвовали в государственных проектах, их приглашали на встречи министров, что не было лишено рисков возникновения конфликта интересов. Что касается граждан, то к ним применялись ограничительные меры, в частности в области потребления продуктов питания или алкоголя на основании Закона о защите Королевства 1914 года [10, р. 110.]. С точки зрения «административной машины» Первая мировая война привела к массовой вербовке государственных служащих. Было создано двенадцать новых министерств. Если семь из них не переживут 1920-е годы, пять останутся навсегда (министерства занятости, пенсионного обеспечения, здравоохранения, воздушного сообщения и транспорта). Усиливается практика создания министерских подкомитетов, равно как и создание государственных агентств.

Несомненно, Первая мировая война изменила лицо государства и его законодательство. Как указывает Денис Барангер, «в Англии было введено «публичное право», а вместе с ним и определенный подход к государству в его отношениях со своими подданными» [7]. Эти отчеты носят более субъективный характер в той степени, в которой государство принимает позитивные меры в отношении лиц, находящихся под управлением, с экономической и социальной точки зрения. Это неизбежно приводит к спорам, когда получатели услуг считают себя обиженными или недовольными. На основе процедуры, инициированной «прерогативными приказами», судебный контроль за действиями министров и местных администраций становится автономным и совершенствуется, в частности, определяя процессуальные правила, которые Администрация должна соблюдать для соблюдения прав граждан.

Однако исключительные обстоятельства Первой мировой войны позволили администрациям еще больше расширить свое вмешательство на основе огромных полномочий общего права, предоставленных законом. По их мнению, если эти прерогативы временно подорвут верховенство закона, их судебный контроль будет способствовать обогащению публичного права посредством новой интерпретации конституционных полномочий Короны.

Первая мировая война положила начало важной работе юриспруденции в области публичного права. Действительно, использование исполнительной властью исключительных полномочий в новом контексте истории Соединенного Королевства создало серьезную проблему для прав и свобод личности и, в более широком смысле, для принципа верховенства закона в той степени, в которой роль судов в этот период ограничена. Если с XVII века несколько случаев потребовали приостановки действия таких текстов, как Habeas Corpus, то четыре года конфликта в начале XX века привели к законодательным изменениям.

Фактически, у парламента и судов не было другого выбора, кроме как полагаться на своего рода диктатуру общественной безопасности со стороны правительственной коалиции, предполагающей минимальный контроль над принимаемыми ею актами. Суды с определенным уважением относились к решениям администрации в состоянии войны, тем более что в начале XX века судебный надзор не пользовался таким успехом, как сегодня. Судьи, однако, позаботились о создании структуры, которая, хотя и отличается от общего права, вероятно, будет ограничивать власть правительства. Вопреки тому, что утверждал Альберт Вэнн Дэйси, появление административного права не противоречит принципу верховенства права, а обогащает его новым аспектом, специфичным для отношений, которые установились между интервенционистским государством и гражданином во времена войны [1].

Правовая основа исполнительных военных полномочий содержится в восьми документах, принятых в период с 1914 по 1918 год для защиты Королевства. Селин Руанье посвятила этим текстам справочное исследование. Эти документы были предназначены для регулирования состояния войны, которое выходит за рамки исключительных обстоятельств и чрезвычайного положения. Введенная система понимается следующим образом:

«Парламент наделяет монарха в Совете полномочиями принимать все меры (постановления, распоряжения в Совете) для определения полномочий Адмиралтейства, Армейского совета и других лиц, действующих от его имени, по охране общественной безопасности и обороне Королевства. Среди различных положений этих документов и, в частности, Закона о защите королевства 1914 года, есть возможность для правительства создавать военные трибуналы, наделенные полномочиями выносить смертный приговор любому лицу, имевшему намерение помочь врагу. Согласно этому закону консолидации, такая система существует до тех пор, пока длится война. Что касается пространственного охвата этих текстов, то первые два закона об обороне предусматривают, что они распространяются «на территорию, которую необходимо защищать в интересах или ситуации вооруженных сил Его Величества», но общность положений Закона о консолидации позволяет правительству распространить действие правил на всю территорию. По сути, немногие области избегают применения DORA, поскольку DORA изменяет нормативное регулирование таких сфер как пресса, контроль над иностранцами, пути сообщения, юрисдикция военных судов, собственность, свобода передвижения» [11].

Анализируя заключение, предложенное Селин Руанье, легко осознать риски для свобод и прав собственности, к которым особенно привязаны британцы. Поэтому неудивительно, что некоторые авторы утверждают, что появление упомянутого режима представляет собой «войну против публичного права», выражение, которое не было очевидным для британских юристов начала XX века. Именно по этой причине Селин Руанье начинает с этой формулировки, чтобы продемонстрировать, что «размышления, которые DORA вызвала среди британских авторов, составили отправную точку этого другого подхода к государству в его отношениях с подданными в Соединенном Королевстве. Фактически именно Первая мировая война позволила британской доктрине переосмыслить условия существования некоторых проявлений правового волюнтаризма, а вместе с ним и государства» [11].

Австралия, Новая Зеландия, Канада и Южная Африка уже в начале Первой войны воспользовались статусом относительной автономии как доминионы. Новая Зеландия увидела свои собственные институты, признанные Законом о Конституции Новой Зеландии 1852 года. В 1867 году Канада стала федерацией на основании Закона о Британской Северной Америке, который вместе с другими законами сформировал первый конституционный инструмент нынешней федеральной Канады. Австралия получила аналогичный статус в 1900 году в соответствии с Законом об Австралийском Содружестве. Лишь в 1909 году Южная Африка получила

эквивалентную степень автономии в соответствии с Законом о Южной Африке. Так называемые белые поселения получают доступ к «самоуправлению», в отличие от других территорий, населенных преимущественно туземцами, остающимися под непосредственным контролем Лондона.

В свете этого исторического напоминания Великая война, похоже, не сыграла определяющей роли в процессе обретения независимости, который уже шел полным ходом в конце XIX века. Однако такой вывод слишком поспешен, поскольку он затмевает события между 1914 и 1918 годами, которые усилят автономистские стремления. Например, в Квебеке в 1918 году произошел бунт, аналогичный ирландскому, против закона о воинской повинности. В 1916 – 1917 годах австралийцы дважды отвергли текст, направленный на увеличение контингента. Тем не менее, в конце войны почти полтора миллиона человек из доминионов мобилизуются на родину. Последствия этого массового участия двояки: «центробежная» тенденция колонизированных стран и дистанцирование от метрополии, которая привлекла к участию население, мало обеспокоенное конфликтом, зародившимся в Европе. Добавляется третья волна: желание людей контролировать свою судьбу. Это желание будет выражаться не только в владениях. Он также отмечает развитие избирательного права в материковой Англии. Этой цели служит Закон о народном представительстве 1918 года, который предоставляет право голоса женщинам старше 30 лет и мужчинам старше 21 года. Только после принятия закона в 1928 году избирательное право стало полностью равным для мужчин и женщин.

Послевоенные годы показали поразительное расхождение между лидерами доминионов и британским правительством в их оценке событий, произошедших в 1919 году. Доминионы считали, что их права были признаны в достаточной степени, и, за исключением Я. Смэтса, империалиста и нераскаившегося строителя системы, больше не беспокоились о конституционной конференции. В Англии от идеи центральной исполнительной власти, способной обеспечить дипломатическое единство, не отказались. Были предприняты попытки воскресить Имперский кабинет и превратить его, по словам Д. Керзона, министра иностранных дел, в новый и могущественный орган власти, решения которого будут не только решениями британского правительства, но и решениями Британской империи. Колониальные парламенты неохотно принимали участие в конференции, поэтому название Имперский кабинет мира было отменено в пользу более нейтрального названия Конференция премьер-министров. Конференция 1921 года ограничилась довольно расплывчатым текстом, одоблив практику прямых контактов между премьер-министрами, и объявила, что ввиду конституционных изменений, произошедших с 1917 года, созыв конституционной конференции не имеет смысла. Британские министры пришли к выводу, что доминионы, удовлетворенные тем, что им предоставлены равные права с Великобританией, оставляют руководство империей за Великобританией.

В сложившейся ситуации казалось достаточным принять общую генеральную линию политики на имперских конференциях, а тем временем передавать информационные документы министрам доминионов. Исходя из этого унитарного тезиса, министры доминионов были включены в состав британской делегации на Вашингтонской конференции (1921). Это было отступлением от их позиции 1919 года. Несмотря на реакцию на эту процедуру даже среди самых преданных унитариев, лондонское правительство, возглавляемое пожилыми людьми, укоренившимися в империалистических традициях, продолжало придерживаться этого курса. Исключение было сделано для Ирландии, где, в условиях крайне сложной ситуации, было признано Свободное государство. И снова инициатива исходила от доминионов.

Подводя итоги исследования важно отметить, что Первая мировая война оказала существенное воздействие на все важнейшие сферы жизни британского общества, в том числе на характер и методы управления страной. Настоятельная потребность военного времени в

быстром принятии решений и энергичных действиях привела к значительному перераспределению полномочий в органах государственного управления в пользу исполнительной власти. Кабинет министров получил право издавать законы при помощи указа, без консультаций с парламентариями. Принятый 8 августа 1914 г. Закон о защите Королевства и многочисленные дополнения к нему заметно расширили полномочия исполнительной власти в социально-экономической сфере [10, р. 110.]. Одновременно с этим существенно уменьшились роль и значение парламента в жизни общества. Многие важнейшие вопросы ведения войны решались без обсуждения членами палаты общин. Последние не только не имели доступа ко всей необходимой для их работы информации, но часто не могли открыто обсуждать важнейшие проблемы, стоявшие перед страной. Более того, вопросы, которые парламентарии планировали задать в неофициальном порядке, корректировались, и на практике в стенах палаты общин нельзя было услышать ничего, что могло бы нарушить требование секретности [2, с. 171].

Для консолидации усилий всего общества и демонстрации единства политического истеблишмента страны лидеры ведущих партий Великобритании договорились установить на время войны «партийное перемирие» и отказаться от публичной критики друг друга.

С точки зрения анализа трансформации правовой системы империи и правового статуса доминионов важны были решения имперских конференций 1920 – 1930-х гг. Так, юридическое закрепление государственного суверенитета этих государств и возможности проводить собственную внутреннюю и внешнюю политику, отличную от политики метрополии, начинается с решений имперской конференции 1926 года, на которой была принята так называемая Декларация Бальфура. Согласно этой декларации, официально признавалась полная самостоятельность доминионов в вопросах внутренней политики. Знаменитая формула лорда Бальфура определила доминионы как «автономные сообщества Британской империи, равные по статусу, никоим образом не подчиненные одно другому ни в одном из аспектов своей внутренней или внешней политики, но при этом объединенные общей приверженностью Короне и составляющие свободную ассоциацию членом Британского Содружества наций» [9, р 58]. Провозглашенное равенство членом Содружества с метрополией в государственно-правовом смысле вызвало трансформацию системы управления и взаимоотношений доминионов с метрополией [5, с. 118]

Последствия Первой мировой войны до сих пор нельзя оценить только с внутренней точки зрения и через появление административного права Британии. Они посеяли семена волны деколонизации, которая выйдет за рамки 1970-х годов и приведет к переосмыслению как формы государства, так и ключевых концепций британского конституционного права.

Библиографический список

1. Дайси А. В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской Конституции: учебное пособие / А.В. Дайси; ред. П. Г. Виноградов; пер. О. В. Полторацкая. – Москва: Тип. И. Д. Сытина и К°, – 1905. – 681 с.
2. Жолудов М.В. Примирение ради победы: партийно-политическая ситуация в Великобритании в годы Первой мировой войны / М.В. Жолудов // Война и мир в Отечественной и мировой истории: материалы международной научной конференции: в 2 т. Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Санкт-Петербург, 27 марта 2020 года. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, – 2020. – С. 169 – 175.
3. Звавич И.И. Оттавская конференция // Мировое хозяйство и мировая политика. – 1932. № 7 – 8. – С. 101 – 116.
4. Ллойд Джордж, Дэвид. Военные мемуары / Давид Ллойд Джордж; пер. с англ. И. Звавича; с

- предисл. Ф.А. Ротштейна. – М., 1934 – 1938. – 5 т. Т. 1-2. – 1934. – 678 с.
5. Макарова Е.А. Имперские конференции в системе взаимодействия британского Содружества наций // Вестник НовГУ. – 2015. №7 (90). – С. 117 – 120.
  6. Сагимбаев А.В. Концепция Британского Содружества в деятельности группы «Круглого стола» в начале XX века / А.В. Сагимбаев // Научный диалог. – 2021. – № 7. – С. 449 – 462.
  7. Varanger D. Writing the unwritten Constitution. An Introduction to British Political Law, PUF, – 2008, – 189 p.
  8. Imperial affairs, 1917 imperial war cabinet (Trans.: Parliamentary Papers, Cd. 9005.) – URL: https://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/Misc/imp_1917.html (дата обращения: 21.11.2024).
  9. Judd D. Balfour and the British Empire. A Study in Imperial Evolution, 1874 – 1932. London – New-York, – 1968. – 392 p.
  10. Rothwell V.H. British War Aims and Peace Diplomacy, 1914-1918. – Oxford: Oxford University Press, – 1971. – 315 p.
  11. Roynier Céline, «Le droit public britannique et la guerre» Histoire & Droit Militaire. – URL: <https://www.histoire-droit-militaire.fr/items/show/7976> (дата обращения: 21.11.2024).

Сведения об авторе:

Гольцов Андрей Николаевич, аспирант Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, e-mail: goltsov1@yandex.ru

УДК 94(430).084

С.И. Денисов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ГЕРМАНИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Основной акцент при рассмотрении темы сделан на характеристику «Закона о вспомогательной службе Отечеству» от 5.12.1916 г. Закон представляет собой один из важнейших этапов в развитии немецкого трудового права. С одной стороны, документ выражал стремление военного руководства добиться тотальной милитаризации экономики и мобилизации всех материальных и человеческих ресурсов путем введения трудовой повинности в условиях войны, которая впервые велась промышленным путем. Однако, немецкое правительство пошло на многочисленные уступки, с другой стороны, например, для разрешения трудовых споров закон предусматривал систему арбитражных комитетов, укомплектованных на паритетных началах. Таким образом, государство не только впервые юридически признало профсоюзы равноправными партнерами предпринимателей в переговорах и установило отношения социального партнерства между экономическими ассоциациями работников и работодателей. Закон также проложил путь к расширению прав и возможностей работников и расширению влияния профсоюзов.

Ключевые слова: История Германии, история права Германии, история трудового права, «Закон о вспомогательной службе Отечеству», профсоюзы.

Denisov S.I. Legal regulation of social and labour relations in Germany at the final stage of the first world war

Abstract: The main focus when considering the topic is on the characteristics of the "Law on Auxiliary Service to the Fatherland" dated 12/5/1916. The law represents one of the most important stages in the development of German labor law. On the one hand, the document expressed the desire of the military leadership to achieve the total militarization of the economy and the mobilization of all material and human resources by introducing conscription in a war that was first conducted industrially. However, the German government made numerous concessions, on the other hand. For example, to resolve labor disputes, the law provided for a system of arbitration committees staffed on a parity basis. Thus, the state not only legally recognized trade unions as equal partners of entrepreneurs in negotiations for the first time and established social partnership relations between economic associations of employees and employers. The law also paved the way for the empowerment of workers and the expansion of the influence of trade unions.

Keywords: History of Germany, history of German law, history of labor law, "Law on Auxiliary service to the Fatherland", trade unions.

Первая мировая война стала тяжелым испытанием для экономики всех воюющих государств, поскольку её участникам вскоре пришлось приспособиться к условиям позиционной войны. Соответственно, все производство пришлось приспособить к требованиям войны. Особенно серьёзно пострадали государства, отрезанные от внешних рынков английской морской блокадой. Материальное превосходство Антанты проявилось уже в сражениях при Вердене и на Сомме. Пауль фон Гинденбург и Эрих Людендорф, которым в августе 1916 года было передано командование армией, оперативно отреагировали на изменившуюся ситуацию и приняли так называемую программу Гинденбурга. Этот комплекс мер, получивших решительную поддержку со стороны крупной военной и хозяйственной элиты, предусматривал увеличение количества солдат и производства вооружений. Тем самым государство продемонстрировало свою решимость в вопросе дальнейшей милитаризации экономики. Одной из таких мер явилась милитаризация рынка труда. Её правовые основы были закреплены в законе о службе патриотической помощи, вступившем в силу 5 декабря 1916 года.

Закон о вспомогательной службе привлек большое внимание в исследованиях Первой мировой войны и социальной политики Империи. Однако мнения относительно его исторического значения расходятся. Для некоторых историков право и выраженное в нем стремление

к полной мобилизации всех экономических и социальных ресурсов являются свидетельством концепции «тотальной войны» или «тотализации войны» (С. Ферстер).[3] В этом контексте следует особо отметить ставшее возможным благодаря закону введение принудительного труда для военнопленных и депортированных.

Как отмечает в своей статье Лебедев «Этот закон являл собой высшую степень милитаризации страны. Война со стороны Германии приобретала тотальный характер... Густав Штреземан отмечал, что страна превратилась в одну большую фабрику.» [2, с.809]

Государственное принуждение компенсировалось мерами социальной политики: на всех предприятиях с числом сотрудников более 50 человек пришлось создать постоянные трудовые комитеты. [5, s. 114]. Это ввело корпоративное трудовое право, включая автономию при ведении коллективных переговоров, а профсоюзы были признаны представителями работников.

Другие авторы рассматривают закон как один из важнейших шагов на пути к современному государству всеобщего благосостояния. С их точки зрения, она представляет собой последовательное дальнейшее развитие социального законодательства эпохи Бисмарка и империи Вильгельма. [6] Согласно этой интерпретации, влияние войны привело лишь к ускорению и радикализации уже существующих социально-политических событий. По их мнению в этом законе можно также увидеть начало отношений социального партнерства между государством, работодателями и профсоюзами, «поскольку (под давлением СДПГ и профсоюзов) во всех крупных компаниях с не менее 50 рабочих, которые будут представлять интересы рабочих и профсоюзное движение, политически признанное представителем рабочей силы». [7, s. 574.]

В этом отношении закон имел фундаментальное значение для дальнейшего развития немецкого государства всеобщего благосостояния. Хотя она была составной частью «системы военного абсолютизма» Людендорфа (Ганс-Ульрих Велер) и реакцией на «тотальную» войну. [8, s. 117f].

Однако исследования сходятся во мнении, что попытка тотальной мобилизации была лишь одной из многих тенденций. Кроме того, эти усилия никогда полностью не достигали своей цели.

В своей первой редакции, разработанной при совместном участии представителей Верховного командования и тяжелой промышленности, законопроект преследовал цели, которые служили сугубо военным и военно-экономическим интересам. Имеющиеся в наличии трудовые ресурсы должны быть полностью мобилизованы и вовлечены в производственную деятельность, в первую очередь, связанную с интересами войны. Наряду с эти предстояло ограничить текучесть рабочей силы. Кроме того, он предусматривал милитаризацию трудовых отношений и введение тотального контроля над экономикой со стороны военного руководства и предпринимателей. Хотя усилия Верховного командования по увеличению производства вооружений не вызвали сколько-нибудь существенного сопротивления, обязательная работа для мужчин и, прежде всего, планы включения в нее женщин также встретили сильное сопротивление. Состоялась широкая общественная и парламентская дискуссия, в ходе которой либеральные и социал-демократические члены рейхстага, а также профсоюзы выдвинули встречные предложения. Поскольку Верховное командование армии в это время опасалось прорыва противника в битве на Сомме и должно было учитывать проблемы со снабжением во внутренних районах, оно было вынуждено пойти на уступки и принять некоторые изменения в закон.

Левым партиям в лице либералов и социал-демократов удалось пролоббировать требуемые изменения. Они предусматривали формирование в учреждениях и на предприятиях комитетов рабочих и служащих, создание системы согласительных комиссий на основе

паритетности, расширение прав профсоюзов. Кроме того, в текст удалось добавить положение, которое ограничивало бы действие Закона периодом военного времени.

Обращает на себя внимание стиль изложения норм в правовом акте. Ни в его названии, ни тем более в его статьях отсутствует формулировка понятия «трудовая повинность». Напротив, все понятия отражены в духе «гражданского мира.» На это обращает внимание и само название правового акта – "Закон о вспомогательной службе Отечеству". Воззвание к чувству патриотизма должно было не только обеспечить лояльность общества к мероприятиям Закона, но и наглядно проиллюстрировать иностранным государствам единство немецкой нации и несокрушимую уверенность немцев в победе.

Вступивший в силу в декабре 1916 г. документ состоял из 20 статей. В §1 определялся круг лиц на которых распространялось его действие. Закон предписывал всеобщую трудовую повинность для всех мужчин, не годных к военной службе, в возрасте от 17 до 60 лет. [4] Во втором параграфе в качестве вспомогательной службы Отечеству определялась работа на предприятиях, имевших прямое или косвенное значение для ведения войны и обеспечения армии и тыла. «Все лица, которые работают в органах власти, официальных учреждениях, в военной промышленности, в сельском и лесном хозяйстве, в сфере ухода за больными, в военных организациях любого рода или в других профессиях или компаниях, которые используются для целей ведения войны или национального обеспечения, имеют прямое или косвенное значение, пока число этих людей не превысит потребности.» [4]

Руководство вспомогательной службой Отечеству возлагалось на специально созданное Военное управление при Прусском военном министерстве. Последнее в силу закрепленного в Конституции Германского рейха федеративного государственного устройства традиционно выполняло функции отсутствующего военного рейхсминистерства и координировало деятельность военных министерств крупнейших союзных государств, сохранивших остатки суверенитета: Баварии, Саксонии и Вюртемберга.

К компетенции Военного управления относилось определение предприятия и профессии в качестве необходимых в условиях войны, установление оптимальной численности рабочих, занятых на этом предприятии или в этой сфере деятельности, назначение офицеров, председательствующих в комиссиях, а также утверждение кандидатур членов комиссий, представленных работодателями, рабочими и служащими. Конфликты, связанные с деятельностью комиссий, рассматривало Центральное ведомство, образованное при Военном управлении.

На местах полномочия Военного управления делегировались специально созданным в каждом военном округе комитетам и комиссиям при заместителе начальника штаба армейского корпуса. Данные комитеты рассматривали жалобы по вопросам принудительных переводов рабочих в другие отрасли и на другие предприятия (§ 4). [4]

Законом была предусмотрена подача апелляций на действия этих структур.» Апелляция на решение комитета (пункт 2 статьи 4) подается в центральный аппарат, создаваемый при Военном министерстве, который состоит из двух офицеров Военного министерства, один из которых является председателем, двух должностных лиц, назначаемых рейхсканцлера и одного представителя центрального органа федеральной земли, назначающего должностное лицо, которому принадлежит компания, организация или лицо, занимающееся данной профессией, а также по одному представителю от каждого работодателя и работника.» (§ 6). [4]

Одной из основных целей Закона стало предотвращение такого распространенного явления как текучка кадров. Для учета рабочих на предприятии и в отрасли предполагалось создание особых комиссий (§7), которые занимались регистрацией всех лиц, подлежащих призыву на вспомогательную службу, принимали решения о переводе рабочего на другое предприятие и осуществляли это решение на практике. В соответствии с положениями восьмого

параграфа при переводе на работу в рамках вспомогательной службы по возможности должны были учитываться возраст, семейное положение, место жительства, состояние здоровья, прежнее занятие лица, подлежащего призыву, а также соответствие предполагаемого заработка расходам по содержанию работника и его иждивенцев.

Однако эти расплывчатые определения быстро приобретали второстепенное значение перед лицом соображений военной и государственной необходимости. Как следствие правительство активизировало свои попытки регулирования политики занятости. Отныне предпринимателям запрещалось принимать на работу лиц, работающих на предприятиях военного значения и не имеющих разрешения на перемену рабочего места.

Для обеспечения поддержки рейхстага и лояльности рабочих правительство было вынуждено пойти на создание согласительных комиссий (§ 9). В их задачи входило принятие решений об обоснованности смены места работы по инициативе рабочего, а также о справедливости отказов работодателей в выдаче удостоверения для перехода на другое предприятие. С согласия Военного управления функции этих органов могли исполнять уже существующие военные комиссии. В случае необходимости данные комиссии получили право самостоятельно выдавать подобные удостоверения. Эта же комиссия выступала в роли согласительной комиссии в случае трудового конфликта на предприятии, причем определения Закона позволяли согласительной комиссии принять решение даже в случае неявки в суд представителей одной из сторон или ее отказа пойти на компромисс. При разборе трудовых конфликтов входящие в состав комиссии заинтересованные представители рабочих, служащих и работодателей не могли воздействовать на принимаемые решения.

Если работодатель не подчинялся решениям согласительной комиссии, то рабочие и служащие получали право самостоятельной выдачи удостоверений, разрешающих смену места работы. Напротив, если рабочие и служащие не выполняли решение третейского суда, то лишались права получить удостоверение и соответственно перейти на другое предприятие. Примечательно, что веским основанием для принятия комиссией решения в пользу рабочего или служащего считалась перспектива улучшения условий труда в рамках вспомогательной службы. Фактически государство закрепило за собой роль третейского судьи в конфликтах между предпринимателями и профсоюзами. Тем самым в Законе отразилось становление германского варианта корпоративной экономики.

Во всех органах, учрежденных Законом, председательствовал назначаемый Военным управлением офицер с правом решающего голоса. В состав комиссий входили также высшие государственные чиновники, назначаемые рейхсканцлером или Центральным управлением земли, и равное количество представителей от рабочих, служащих и работодателей. В соответствии с федеративным устройством Германского рейха в состав комиссий могли входить чиновники заинтересованной земли. Определения Закона относительно состава комиссий отражали также усиление в период войны роли "групп интересов" (организаций предпринимателей и рабочих), получивших доступ к процессу принятия политических решений в обход представительных институтов.

Основной уступкой профсоюзам стало законодательное закрепление необходимости создания на предприятии с числом рабочих и служащих более 50 комиссий рабочих и служащих, избирающихся тайным голосованием. Впервые законные основания для образования подобных органов были созданы в упоминаемых в тексте Закона дополнениях к Промысловому уставу 1891 г., а также в принятых в Баварии в 1900 г., а в Пруссии в 1905 г. дополнениях к Правилам ведения горных работ. «Постоянные рабочие комитеты должны существовать во всех компаниях, работающих в сфере патриотической помощи, к которым применяется раздел VII Торгового кодекса, и в которых обычно работает не менее пятидесяти рабочих.» [4].

Если в таких компаниях нет постоянных рабочих комитетов в соответствии со статьей 134 ч Торгового кодекса или горным законодательством, они должны быть созданы. Члены этих рабочих комитетов избирались из их числа совершеннолетними работниками предприятия или подразделения предприятия прямым и тайным голосованием по принципам пропорционального представительства.

«В соответствии с теми же принципами и с теми же полномочиями в компаниях типа, упомянутого в пункте 1, с более чем пятьюдесятью работниками, подлежащими страхованию в соответствии с Законом о страховании работников, должны быть созданы специальные комитеты (комитеты работников) для этих работников.» (§11) [4].

В новом Законе комиссии рабочих и служащих впервые признавались государством как полноправные представители интересов рабочих и служащих и равноправные партнеры по переговорам с предпринимателями. Они получили право доводить до сведения работодателя пожелания и жалобы работников по вопросам охраны труда и заработной платы. При отсутствии на предприятии рабочей комиссии рабочие получили право обратиться в согласительную комиссию. Причем действие данных предписаний распространялось и на лиц, занятых в сельском хозяйстве. Признавая за рабочими и служащими новый политический статус и организационные возможности, государство попыталось интегрировать профсоюзы в политическую систему и увязать их деятельность с военными устремлениями рейха.

Попытка ограничения предпринимательского абсолютизма со стороны государства отражается в предполагаемом увеличении прозрачности управления предприятием. На основании норм ст. 17 «Должна быть предоставлена информация по вопросам занятости и труда, а также о заработной плате и условиях работы, требуемая публичным объявлением или прямым запросом военного министерства или комитетов».[4]. Исходя из положений закона военное министерство имеет право поручить представителю инспектировать компанию. Предпринимателю вменялось в обязанность предоставлять сведения о положении на предприятии, а также по вопросам занятости и зарплаты. Причем уполномоченные Военного управления получили право на осмотр предприятия с целью контроля.

Для нарушителей закона были предусмотрены санкции, как связанные лишением свободы, так со штрафом: «наказываются лишением свободы на срок до одного года и штрафом до десяти тысяч марок, либо одним из этих наказаний, либо лишением свободы:

1. который не выполняет направление на работу, полученное на основании части 3 статьи 7, или упорно отказывается выполнять порученную ему работу без неотложной причины;
2. кто нанимает работника в нарушение положений статьи 9, абзаца 1;
3. кто не предоставляет информацию, предусмотренную статьей 17, в установленный срок или заведомо предоставляет при предоставлении информации неверную или неполную информацию.» [3]

В разработке и принятии Закона, а также в его окончательных формулировках отразился процесс развития парламентской системы в рейхе. Одновременно он свидетельствовал о закреплении за рейхстагом ключевой роли в качестве легитимационной инстанции. Главные положения Закона Военное управление должно было согласовывать с комиссией рейхстага, состоящей из 15 членов нижней палаты. Примечательно, что комиссия получила право заседать в перерывах между парламентскими сессиями, а также возможность запрашивать у Военного управления необходимые сведения и вносить предложения по решениям, принимаемым в рамках реализации Закона.

Введение в действие Закона о вспомогательной службе было связано со значительными трудностями. Далеко не все 1,7 млн. призванных на военную службу специалистов смогли быть замещены работниками других отраслей промышленности, прежде всего женщинами

или детьми. Более миллиона годных к военной службе работников как незаменимые специалисты продолжали работать в тылу по так называемой брони. Однако свое действие Закон прекратил только после политической катастрофы 1918 г. 12 ноября 1918 г. он был отменен Советом народных уполномоченных; свою силу сохраняли только определения относительно согласительных комиссий по трудовым конфликтам.

Таким образом, «Закон о вспомогательной службе Отечеству» имел не только определенное значение для структур военной экономики. Как отмечалось в одной из прежних публикаций «нормами данного документа предусматривалось создание системы согласительных комиссий для разрешения трудовых конфликтов, формируемых на паритетных основах. Тем самым государство впервые законодательно признало профсоюзы в качестве равноправного партнера по переговорам наряду с предпринимателями.» [1, с.53]. Данный документ впервые признал экономическое и социально-политическое значение профсоюзов как представителей интересов рабочих и служащих и установил такую форму отношений между государством, предпринимателями и профсоюзами, как социальное партнерство. Она пережила Первую мировую войну и наложила отпечаток на трудовое законодательство Веймарской республики.

Библиографический список

1. Денисов, С. И. Становление и эволюция законодательства о профсоюзах и рабочих организациях в Веймарской республике / С. И. Денисов // История. Общество. Политика. – 2023. – № 2(26). – С. 52-60
2. Лебедев, А. С. Положение на Восточном фронте Первой мировой войны на весну 1916 года / А. С. Лебедев // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 15. – С. 804-811.
3. Ферстер, С. Тотальная война: концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861-1945 гг. / С. Ферстер // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. — М., 2005, С.11-29
4. Gesetz über den vaterländischen Hilfsdienst, 5. Dezember 1916 // URL: https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Gesetz_%c3%bcber_den_vaterl%c3%a4ndischen_Hilfsdienst (Дата обращения 10.05.2024)
5. Kocka J. Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914-1918, Göttingen 1978, 239S
6. Metzler G. Der deutsche Sozialstaat. Vom bismarckschen Erfolgsmodell zum Pflegefall, München: DVA 2003, 269 S.
7. Münkler H. Der Große Krieg: die Welt 1914 bis 1918. Berlin: Rowohlt Berlin, 2013. 923 S.
8. Wehler, H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Band 4: Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten 1914-1949, München 2003, 1173 S.

Сведения об авторе:

Денисов Сергей Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. E-mail sergeidenis@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И ИДЕОЛОГИИ

УДК 93/94.930.85

А.М. Дубровский

ИДЕОЛОГИЯ БОЛЬШЕВИКОВ И ВОЖДИЗМ

***Аннотация:** В статье показано, как в идеологии партии большевиков развивалась идея вождя. Первоначально представление о вождях партии развил В.И. Ленин, дав своему рассуждению главным образом экономическое обоснование. Формируя культ Ленина после его смерти, Сталин выдвинул ряд характеристик, которые были приложимы к Ленину как вождю партии, а в перспективе они же должны были применяться к самому Сталину. В отличие от Ленина, Сталин в своих размышлениях о необходимости для партии/страны одного вождя, а не коллегиальное управление, ориентировался на традиции русского народа, на его патриархальное сознание. Активным образом культ Сталин стал формироваться с конца 1920-х гг. Большевистский вождизм в большей степени был реализован в политической практике, чем в теории. Идея несомненно овладела широкими партийными массами. Вождизм стал частью духовной жизни страны, поскольку отразился не только в публицистике, но и в искусстве, в системе образования и воспитания.*

***Ключевые слова:** вождизм, идеология, В.И. Ленин, И.В. Сталин, партия, большевики.*

Dubrovsky A.M. Bolshevik Ideology and Vozhdism

***Abstract:** The article shows how the idea of a leader developed in the ideology of the Bolshevik party. Initially, the idea of the leaders of the party was developed by V.I. Lenin, who gave his reasoning mainly an economic justification. Forming the cult of Lenin after his death, Stalin put forward a number of characteristics that were applicable to Lenin as the leader of the party, and in the long run they should have been applied to Stalin himself. Unlike Lenin, Stalin, in his reflections on the need for a single leader for the party / country, rather than collegial governance, was guided by the traditions of the Russian people, their patriarchal consciousness. The cult of Stalin began to form in an active way from the end of the 1920s. Bolshevik leadership was more realized in political practice than in theory. The idea undoubtedly captured the broad masses of the party. Leadership has become a part of the spiritual life of the country, as it has been reflected not only in journalism, but also in art, in the education and upbringing system.*

***Keywords:** Leadership, ideology, V.I. Lenin, I.V. Stalin, party, Bolsheviks.*

Вождизм обычно понимается как политика, направленная на утверждение одного человека в роли непререкаемого руководителя, обладателя харизмы, сверхчеловеческих качеств. Мудрость и правота такого человека не вызывает сомнений. В личности вождя заключена харизма – особая одарённость, исключительность личности. По сути, уже при жизни В.И. Ленина зарождался/проявлялся вождизм. По отношению к Ленину вождизм существовал и после его смерти, усиленно поддерживаемый руководством партии большевиков. В верности ленинизму клялись все руководители партии. Каждый из них считал себя учеником и последователем Ленина.

Естественно, что вождизм, как и всякое политическое явление, нуждается в идеологическом оформлении. Поэтому наряду с культом исторических героев, который получил жизнь в СССР с 1930-х гг., в духовной жизни партии большевиков и страны в целом идея вождя жила, пропагандировалась и тиражировалась в разных формах.

Истоки её лежали в ленинских идеях, прежде всего в идее партии нового типа, какую Ленин и создавал в начале своей революционной деятельности. В отличие от прежних социал-демократических партий, активно действовавших в парламентах, это была партия, нацеленная на свержение капиталистического строя, партия решающего штурма. Поэтому, по мысли Ленина, она должна была быть жёстко централизованной, сплочённой, дисциплинированной. Естественно, что личности (или одна личность), поставленные в центр такой организации, должны были обладать командирскими чертами, особенно в самый ответственный период – период штурма.

О вождах партии Ленин рассуждал уже в начале своей политической деятельности:

«Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им» [16, с. 375].

Ленин формулировал качества, свойственные вождям, то есть обрисовывал идеал такого партийного лидера: «широкий политический кругозор», «революционная энергия», «организаторский талант» [15, с. 364].

«Без "десятка" талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса», – писал Ленин ещё в 1902 г. [18, с. 121-122].

Уже находясь во главе государства, Ленин теоретически обосновал и диктаторский характер власти советского руководителя, а по сути, и партийного вождя. Именно такая власть оказалась особенно необходимой в то время, когда партия возглавила государство и брала под контроль все стороны жизни страны. Этой власти Ленин дал экономическое обоснование:

«Всякая крупная машинная индустрия – т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма – требует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? – Подчинением воли одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников одной работы, напоминать большое мягкое руководство дирижёра. Оно может принимать резкие формы диктаторства, – если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо» [17, с. 200].

Советского руководителя Ленин определённо назвал «диктатором во время работы» [17, с. 200]. На первый взгляд, рассуждение Ленина посвящено чисто хозяйственной сфере жизни. И в главном это так. Он обратился к размышлениям о диктаторской роли руководителя в связи с дискуссией из-за декрета об управлении железными дорогами. Однако, Ленин ставил вопрос шире: «Совместимо ли вообще назначение отдельных лиц, облакаемых неограниченными полномочиями диктаторов, с коренными началами Советской власти» [17, с. 198]. Он отвечал на этот вопрос положительно. Следовательно, такая диктаторская власть могла, при необходимости, распространяться на разные сферы жизни. Во всяком случае, Ленин дал своё обоснование необходимости диктаторских полномочий для отдельного лица и указал на то, что это не противоречит принципам новой власти.

Итак, Ленин высказал мысли, которые приближали партию к вождизму, теоретически обосновывали этот подход. Они могли лечь в основу официального идеологического

оформления культа вождя. Однако в идеологии партии – в решениях съездов и конференций, в руководящих документах – эта ленинская идея не отразилась. Она применялась на практике всё более и более в форме крепнувшего единоначалия, сокращения коллегиальности в руководстве разными областями жизни.

О характере культа Ленина свидетельствовала партийная печать. 14 марта 1923 г. «Правда» была посвящена 25-летию юбилею Российской Коммунистической партии. В обращении ЦК партии «Трудящимся Союза Советских Социалистических Республик» о Ленине говорилось как об «учителе нашей партии». В статье Бухарина «Чем мы побеждаем» о Ленине говорилось очень мало, правда, автор включил в текст такую характеристику: «Всегда гениальные глаза Ленина». Вместе с тем Бухарин указывал на «признания в ошибках (да ещё каких!) со стороны Ленина». Все эти статьи были помещены на первой странице главной партийной газеты. Об ошибках Ленина «вместе с партией» писал и Е. Преображенский в статье «Вождь партии», помещённой на 4 странице газеты. И в этой же статье автор употреблял такие характеристики вождя: «несравненный тактический гений», «с гениальной глубиной анализа и чисто сверхчеловеческим чутьём», «могучий лев, готовящийся схватить врага за горло», «гениальная интуиция». Заметно, что эпитет «гениальный» прочно вошёл в характеристику Ленина. Но при этом соратники по партии просто и смело говорили и об ошибках вождя. Там же, на 4-й странице Н. Осинский в статье «Ленин» писал о «будничной» и «нормальной» внешности Ленина, о том, что в разговоре «ничего "особенного", "замечательного", "глубокого" он вам не скажет». Порой у того же автора проскальзывало сравнение, казалось бы, мало подходящее к характеристике гениального вождя: «Он сминал перед собою сомнения, точно кабан тростник».

В основе культа Ленина было признание интеллектуального превосходства этого вождя над другими, его политического чутья. Эти качества были испытаны и при спорах о необходимости восстания в октябре 1917 г., и в дискуссиях по поводу Брестского мира с Германией, и при повороте к новой экономической политике. В этих судьбоносных событиях Ленин оказывался правым, а его оппоненты – нет. И жизнь убеждала всех в этом.

Рядом с культом Ленина в более скромных размерах оформлялся культ другого вождя партии – Троцкого. В том же номере «Правды», в нижней части 4-й страницы была помещена большая статья Радека «Лев Троцкий – организатор победы». Сподвижник Троцкого писал о роли этого вождя в создании Красной Армии:

«Троцкий один из лучших писателей мирового социализма, и ему эти литературные качества не мешали быть первым вождём, первым организатором первой армии пролетариата».

Радек писал об «организаторском гении» Троцкого, о «мужественном подходе к идее использования (так!) военных специалистов для строения армии», о «пламенной вере Троцкого в нашу социальную силу», о его «железной воле», «железной энергии», «стальной фигуре», «великом умственном, даже военном авторитете». «неслыханном сосредоточении воли».

«Русская революция действовала тут через мозг, нервную систему и сердце этого великого своего представителя. Только человек, так работающий, как Троцкий, только человек, так не щадивший себя, как Троцкий, только человек, умеющий так говорить солдату, как говорил Троцкий, – только такой человек мог сделаться знаменосцем вооружённого трудового народа. Он был всем в одном лице».

По верному определению Н. Валентинова, это была «безудержная апология Троцкого» [7, с. 14].

Только двум вождям были посвящены специальные статьи в большом восьмистраничном юбилейном выпуске «Правды». Наполненная восхвалением Троцкого, статья Радека воспринималась как заявление о том, кто будет наиболее достоин занять пост глубоко больного Ленина после его кончины. Впереди был XII съезд партии, на котором мог стать вопрос о новом вожде.

Таким образом, вождизм, то есть признание высочайшего авторитета и даже культ вождя вписывались в жизнь партии и формировали сознание большевиков. А тот, кто вошёл в партию уже в советских условиях, воспринимал этот культ как норму партийной жизни.

Строгая централизация внутри партии, да ещё провозглашённое на X съезде (1921 г.) запрещение фракций – объединений внутри партии на основе особых взглядов – были теми условиями, которые стихийно воспитывали в членах партии единомыслие, ориентацию на вождя, его мнение, на подчинение вождю.

После смерти Ленина в 1924 г. в партию, в порядке «ленинского призыва», пошёл поток малообразованных людей. Они слабо или совершенно не разбирались в тех дискуссиях, которые впоследствии разворачивались в партийной печати. Тем сильнее сказывалась ориентировка на мнение авторитетной личности, определённого вождя. «Нам, товарищ, думать неча, когда думают вожди», – иронично выразил позицию таких людей В. Маяковский.

Уже в 1920-х гг., развивался культ нового вождя. Не исчезнувший при этом культ Ленина узаконивал власть наследника. В журналах 1924 г. издания рядом с ленинианой помещались статьи Сталина, создавая в сознании населения уверенность в единстве действий и мыслей этих лидеров [6, с. 101]. Вероятно, уже к лету 1926 г. мнение о Сталине как идейном наследнике Ленина утвердилось в массах [6, с.102]. А культ Троцкого по мере его поражений в столкновениях со Сталиным сворачивался и в официальных изданиях сошёл на нет.

После смерти Ленина Сталин ввёл в словарь партийной идеологии и пропаганды такие словосочетания и формулировки по отношению к Ленину как «гениальнейший из гениальных вождей пролетариата», «Ленин был, как всегда, прав», «он зажёл сердца рабочих и крестьян всего мира» «руководитель высшего типа», «горный орёл нашей партии», «новый вождь новых масс», «гений революционных взрывов», «гениальная прозорливость» [24, с. 53, 55, 61, 64; 25, с. 48, 50, 51]. Если у Ленина осмысление роли руководителей партии и характера их деятельности не приводило к выводам о гениальности этих вождей, не доходило до их превознесения и воспевания, то в выступлениях Сталина, в его формулах-определениях эта грань была пройдена и оставлена далеко позади. Вождь (гений) был поставлен на недостижимую высоту, о чём ясно говорил образ горного орла. Вождь никогда не делал ошибок. Понятие вождизма получила новое качество. В него вошёл тот набор представлений, определений, характеристик, которые были впоследствии приложены к Сталину. Таким образом, Сталин сам готовил свой культ.

Однако, истоки сталинской идеи вождя были иными, чем у Ленина. В отличие от Ленина, Сталин опирался не на представления об экономической или иной необходимости лидера-диктатора, а на традиционные основы российской действительности, на психику народа. Он не сформулировал этой позиции в своих трудах. Поэтому, чтобы её заметить, нужно обратиться к свидетельствам современников об устных высказываниях Сталина.

В 1927 г. он приехал в Ленинград. После собрания партийного актива Сталин ужинал на квартире у С.М. Кирова вместе с хозяином квартиры и П.И. Чагиным, старым другом Кирова, бывшим редактором газеты «Бакинский рабочий». После ужина зашёл разговор о положении в партии.

«Смерть Ленина – страшная утрата для партии, – сказал Киров. – Нам надо всем сплотиться и постараться коллективом заменить Ильича». Сталин молча слушал, потом

сказал: "Да, конечно, ЦК, коллектив – это всё очень хорошо. Но русский мужик царист: ему нужен один". При этих словах он поднял кверху указательный палец. Наступила пауза. Собеседники были ошеломлены» [4, с. 110].

Обратим внимание на то, что Сталин поднял палец, высказывая свою мысль. Этот жест означал, что он эту мысль о народе-царисте считал важной, значительной, следовательно, он над ней долго размышлял, и она превратилась в его убеждение. В рассуждениях Сталина отразилась та настойчивая мысль, которая постоянно была у Ленина и всего партийного руководства – пролетарская революция победила в крестьянской стране! Народ СССР — это главным образом крестьяне. Следовательно, по мысли Сталина, ему нужно было ориентироваться на те традиции, которые сложились в крестьянской среде, учитывать именно эти традиции, именно крестьянскую психологию в своей политике.

В 1930-е гг. Сталин снова возвращался к идее вождя. В тесном кругу родственников он, случалось, проговаривался о том, что было годами выношено им. Как отметила его родственница М.А. Сванидзе в дневнике от 29 апреля 1935 г., «он как-то сказал об овациях, устраиваемых ему, – народу нужен царь, т.е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать» [12, с. 176]. В этом высказывании примечательна деталь – «и работать». В пору первых пятилеток, когда приходилось задумываться о стимулах к труду, для Сталина наличие «царя», его обращений с призывами к народу, были важными средствами воздействия на массы для их мобилизации на выполнение важнейших хозяйственных задач. В этом было оправдание необходимости «царя» в новых исторических условиях.

Прошло несколько дней после того, как прозвучали и были записаны цитированные слова Сталина, и он снова вернулся к той же мысли. 9 мая, как писала Сванидзе, «Иосиф опять высказал мысль о фетишизме народной психики, о стремлении иметь царя» [12, с. 177].

Следовательно, на протяжении ряда лет – по меньшей мере со второй половины 1920-х гг. до середины 1930-х – Сталин размышлял о необходимости вождя в партии и стране, о готовности народа принять идею вождизма, о том, что именно он может и должен взять на себя такую роль в истории страны.

Мысль Сталина была вполне реалистической. Веками, с объединения русских земель вокруг Московского княжества, в стране развивалась и действовала деспотическая власть, не ограниченная ни писанным законом, ни неписаной традицией. Для большинства населения её присутствие (в виде власти местных начальников) усугублялось крепостным положением, крепостнической психологией. И хотя со времён Петра I эта власть европеизировалась, в восприятии большинства населения положение оставалось прежним. Народ и после революции скорее был готов к отношениям с деспотической властью, надеясь на её милость, чем к демократическим порядкам, которые позволяли бы отстаивать свои права. Таким образом, рассуждения Сталина о народе-царисте основывались на его жизненном опыте и были оправданы. Народ был готов принять культ его личности. И как царя с далёких времён народ наделял необыкновенными качествами, так и в вожде страны люди с чертами средневекового мышления готовы были видеть человека совершенно особенного, выдающегося, гениального.

Я. Плампер, который изучал развитие культа Сталина по материалам газеты «Правда», писал о том что «зарождение культа Иосифа Сталина (1879-1953) следует отнести к 21 декабря 1929 года, когда по случаю 50-летия Сталина в различных СМИ – и в первую очередь в таких центральных газетах как "Правда", - развернулась широкомасштабная кампания по его возвеличению» [20, с. 7].

Думается, что формирование культа началось незаметно и постепенно, скромно на первых порах. На эту мысль наводят такие факты.

В ночь с 21 на 22 января 1924 г. именно Сталин как генсек ЦК партии разослал на места телеграмму о смерти Ленина и о дате похорон. До постановления ЦК партии он распоряжался о проведении митингов, траурных демонстраций. В партийных рядах это создавало иллюзию его права на преемственность функций вождя большевиков [6, с. 100-101].

Исследователи давно заметили, что в журналах за 1924 г. рядом с ленинианой помещаются статьи Сталина, создавая в сознании населения уверенность в единстве действий и мыслей этих вождей, в их преемственности [6, с. 101]. С конца 1920-х гг. Сталин стал героем детских журналов «Чиж» и «Ёж», со страниц которых он «предстает перед читателями как ученик и друг Ленина» [6, с. 114].

В 1928 в издательстве «Молодая гвардия» был опубликован роман С. Малашкина «Сочинение Евлампия Завалишина о народном комиссаре и о нашем времени». Член ВКП(б), человек, друживший с Молотовым, автор чувствовал атмосферу внутри партии, улавливал новые веяния, знал большевизм изнутри. В его романе говорилось о XV съезде партии, на котором Сталин выступал с политическим отчетом ЦК:

«Докладчик был выше среднего роста, с приподнятым кверху крутыми плечами, с бледно-желтым и немного рябоватым лицом, с блестящими, то и дело вспыхивающими чёрным огнём глазами, с обвислыми чёрными, с едва заметной проседью усами, с низко подстриженными зачёсанными назад чёрно-серебристыми жёсткими волосами; одет он был просто, обычно, как всегда: на нём был не то светло-зелёный, не то светло-синий военный френч, но без всяких военных знаков, застёгнутый на все пуговицы; на нём были такого же цвета военные брюки, но не галифе, и были заправлены в мягкие светлые и высокие до самых колен сапоги. Сейчас он стоял ровно, неподвижно, как скала... дождался окончания одачи. Казалось, что этому гулу не будет конца» [19, с. 614].

Простота внешнего облика Сталина и вместе с тем сравнение со скалой, возвышающее вождя, обожание со стороны партийцев - во всём этом уже чувствуется некое преклонение, зародыш формирующегося культа.

В 1929 г., когда Сталину исполнилось 50 лет, появился подходящий повод для пропаганды его заслуг, для формирования его облика как выдающегося вождя партии. Но на каком материале это можно было сделать? В октябрьских событиях 1917 г. Сталин никакой видной роли не играл. Тут он заметно проигрывал Троцкому и Ленину, даже Антонову-Овсеенко, ведь тот арестовал Временное правительство. Эпизод был воспет в литературе: «Кто тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!». Раздуть свою роль в этих событиях было невозможно – немалое количество участников и свидетелей было живо. Подходящим материалом могла быть только гражданская война и его деятельность на разных фронтах. Так появилась статья К.Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия».

Оглядываясь на недавно прожитые годы, Ворошилов писал о том, что в стране произошли «громкие изменения» и со всеми ними «неразрывно связана богатая и многогранная революционная деятельность товарища Сталина». И вот, оказывается, развёртывающаяся и клокочущая борьба последних лет как-то заслонила «значение товарища Сталина как одного из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны» [9, с. 42-43]. Автор не решил употребить слова «самый выдающийся», ведь все помнили, что председателем Революционного Военного совета республики и народным комиссаром по военным и морским делам, создателем Красной армии был Троцкий. Тем не менее, Ворошилов подчеркнул уже в начале статьи, что Сталину принадлежит «исключительная роль» в истории гражданской войны.

«В период 1918-1920 годов товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком которого Центральный Комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Он не спал ночей, он

организовывал, он брал в свои твёрдые руки руководство, он ломал, был беспощаден – и создавал перелом, оздоравливал обстановку» [9, с. 42].

Сталин сам читал и правил статью, корректируя высказывания о нём старого товарища. Так, Ворошилов писал, что «у Сталина ошибок было меньше, чем у других». Просматривая текст работы перед её опубликованием, Сталин написал на полях рукописи: «Клим! Ошибок не было. Надо выбросить этот абзац» [23, с. 326]. Указание было выполнено. Таким образом, Сталин совершенно сознательно направлял процесс оформления культа его личности, процесс формирования идеи вождизма в партии.

Следующей заметной работой, посвящённой Сталину и формирующей культ его личности, была брошюра Радека «Зодчий социалистического общества», опубликованная сперва в виде статьи в «Правде» 1 января 1934 г., а потом отдельной брошюрой в Ленинграде и Москве.

К означенному году Радек пережил многое. Он, близкий к Троцкому человек, спасая себя после высылки Троцкого из СССР, перешёл на сторону Сталина. Он прекрасно представлял себе, что за руководитель Сталин. Это видно по анекдоту, сочинённому Радеком: «Я ему посылку, он мне следствие, я ему довод, он мне заключение, я ему цитату, он мне ссылку».

Радек боялся Сталина и прекрасно понимал, что свою верность вождю нужно было продемонстрировать. Как? Прежде всего, воспеванием его дел, его личности. Именно на этой основе и был написан его труд.

Можно высказать предположение о том, что Сталин избрал Радека для написания этого сочинения далеко не случайно. Он, вероятно, помнил статью Радека о Троцком в «Правде» от 14 марта 1923 г.

Теперь перед Радеком как испытанным сладкопевцем вставала задача в статье о Сталине превзойти то, что было написано им о Троцком. Он, видимо, понимал, что Сталин помнит его работу 1923 года. Поэтому в новом труде чувствуется торопливое желание угодить в большей мере, чем в рассмотренной выше статье о патриотизме.

Положение придворного панегириста было сложным. Для высказывания мыслей, которые не должны были показаться грубой лестью в адрес Сталина, Радек избрал жанр научной фантастики. Его книжечка была представлена как лекция из исторического курса о победе социализма, прочитанного в далёком для 1935 года 1967 году в школе междупланетных сообщений в пятидесятую годовщину Октябрьской революции. Такой приём позволял прозрачно намекнуть на то, что и спустя десятилетия память о великих делах Сталина будет жить в сознании новых поколений советских людей.

В лекции Сталин был определён как наследник Ленина. Он, по словам Радека, *«разработал и развил учение Ленина о неравномерности развития капитализма как предпосылку учения о возможности построения социализма в одной стране»* [22, с. 10].

Эти слова были выделены курсивом как очень важные. В отличие от статьи Ворошилова, брошюра Радека формировала представление о Сталине уже не только как о активном участнике гражданской войны, но и как об основателе партии («он основал партию снизу»), творце Октябрьской революции. Об этом Радек писал обобщённо, без указания на факты (да и где было набрать убедительных фактов?):

«Годы Октябрьской революции видели Сталина не только в штабе революции, но чаще на передовой боевой линии. Он видит революцию не через сообщения, - он смотрит ей прямо в лицо, он видит её величайшие взлёты, и он видит её дно» [22, с. 16].

Какая «передовая боевая линия» имелась ввиду, где она проходила, если её воспринимать как линию фронта? Об этом автор вразумительно не говорил, да и не мог сказать.

Радек повторил мысль Ворошилова о том, что Сталин был создателем Красной армии. Тут-то он ясно понимал, что откровенно врёт, но что было делать, если на кон была поставлена жизнь?

Почему именно Сталин оказался во главе партии? На этот вопрос Радек отвечал так:

«Сталин вырос в боях, в которых сложилась и победила партия, руководя самостоятельно на ответственных участках её фронтов. Он олицетворяет весь исторический опыт партии» [22, с. 16].

Эти слова автор выделил курсивом, подчёркивая их принципиальное значение. На следующей странице Радек выразил ещё одну мысль, также выделенную курсивом: «Сталин больше, чем кто-либо другой из учеников Ленина сросся с партией, с её основными кадрами» [22, с. 17]. И эта мысль как бы лишний раз узаконивала, обосновывала роль Сталина как вождя большевиков.

Наконец, Радек определил Сталина как «величайшего теоретика и политика пролетариата», «великого учителя... не только партии, но всех трудящихся величайшей страны мира» [22, с. 17, 24].

Брошюра Радека по сравнению со статьёй Ворошилова поднимала культ Сталина на новый уровень. Характеристики, которые формулировал Радек, употреблённые им эпитеты были гораздо сильнее, превосходнее по степени, чем восхваления в статье Ворошилова. Если Ворошилов был ограничен сравнительно узкими рамками истории гражданской войны, то Радек использовал всемирно-исторический охват.

Новый вклад в создание революционной биографии Сталина внёс Л.П. Берия в известной работе «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Этот труд должен был серьёзно поправить представления о ранней революционной деятельности Сталина. В опубликованных до той поры исторических трудах, в воспоминаниях А. Енукидзе значение Сталина оказывалось, по мнению самого Сталина, нераскрытым или даже затушёванным. Когда в 1925 г. Енукидзе опубликовал свои воспоминания, никого не волновала роль Сталина в закавказских организациях большевиков. В 1930-х гг. обстановка сложилась иная. Когда в 1934 г. Енукидзе переиздал свою работу [10], возник скандал. Енукидзе заставили опубликовать в «Правде» от 16 января 1935 г. статью с покаянием в том, что он преувеличил свою роль, забыв о деятельности Сталина. Это был первый шаг, а второй должен был заключаться в разработке темы, в предоставлении общественности фактов о революционной работе Сталине. В дело включились грузинские историки, о результатах их трудов Берия доложил на собрании тбилисского партактива летом 1935 г. В 1930-х и в 1940-х гг. доклад был издан и многократно переиздан отдельной книгой с приложениями. Одним из них была хроника арестов, ссылок и побегов товарища Сталина, что представляло собой своего рода некую основу биографии вождя на определённом этапе.

Первой концептуальной идеей работы Берии была мысль о том, что

«вся история закавказских большевистских организаций, всё революционное движение Закавказья и Грузии с первых дней его зарождения неразрывно связано с работой и именем товарища Сталина» [5].

Вторая концептуальная идея заключалась в утверждении двух центров в процессе образования партии большевиков. В одном главное действующее лицо – Ленин, в другом – Сталин. Сталин, по словам автора, «основоположник революционного марксизма-ленинизма и первых ленинско-искровских социал-демократических организаций Закавказья» [5]. Газета «Брдзола», в которой были напечатаны статьи Сталина, была представлена наряду с «Искрой», вокруг которой спланировалась нарождавшаяся российская социал-демократическая партия. Между тем вышло только 4 номера «Брдзолы». «Искра» же выходила несколько лет, сперва

ежемесячно, потом каждые две недели, тираж некоторых номеров поднимался до 10 тыс., для её перепечатки в России были основаны две типографии в Кишинёве и Баку, в 44 номерах газеты, вышедших до II съезда социал-демократической партии было помещено около 500 рабочих корреспонденций из Петербурга, Москвы, Центрального и Южного промышленных районов страны. По сравнению с «Брдзолой» «Искра» выглядела исполином. «Брдзола» прекратила существование из-за ареста Л. Кецховели, который знал типографское дело и был центральным лицом в создании нелегальной типографии. Однако значение деятельности этого человека, как и некоторых других, в труде Берии было снижено, чтобы выпятить роль Сталина.

Работа Берии создала основу для освещения дореволюционного периода деятельности Сталина. В ней были собраны основные факты, представляющие революционную деятельность будущего вождя, сформулированы важные оценки и характеристики. Всё это в том или ином виде вошло в последующие труды о Сталине.

В 1938 г. вышла в свет книга, имевшая огромное идеологическое и пропагандистское значение в духовной жизни страны – «История Всесоюзной коммунистической партии (большеви́ков). Краткий курс». Она должна была стать учебником для образования партийных и беспартийных руководящих кадров. Сталин полагал (и добился этого!), чтобы книга по истории партии не была «построена на лицах... , кто как героически вёл себя, кто сколько раз бежал из ссылки (здесь прямой намёк на себя – А.Д.), кто сколько пострадал ради дела». Так он говорил при обсуждении текста 27 сентября 1938 г. [14, с. 429]. «Кадры надо воспитывать на идеях, на теории. Не в лицах соль, а в идеях, в теоретическом уклоне. Теоретический уклон должен быть», – этого он требовал от авторов [14, с. 429]. В октябре 1938 г. он настойчиво повторял ту же мысль:

«Краткий курс представляет собой совершено другой тип истории партии. Собственно, история партии тут взята как иллюстрационный материал для изложения в связанном виде основных идей марксизма-ленинизма» [14, с. 476].

И, действительно, целые страницы «Краткого курса» были посвящены изложению трудов Ленина, обоснованию решений съездов партии, идеям Сталина. То есть труд получился таким, каким его и задумывал Сталин.

Историческая часть этой книги более или менее скромно поддерживала культ Сталина. Здесь не было тех пышных речений, которыми отличалась брошюра Радека. Вставлялись цитаты из работ вождя, когда речь шла о ранних периодах истории партии, хотя он не играл и не мог играть видной роли в социал-демократическом движении в России. Особое внимание было уделено Пражской партийной конференции, на которой Сталина кооптировали в состав Центрального комитета. Цитировались слова Сталина о «величайшем значении» этой конференции. В важнейших для истории партии, для биографии любого её вождя октябрьских событиях 1917 г. роль Сталина была представлена как определяющая. Значение Военно-революционного комитета, образованного при Петроградском совете и реально руководившего восстанием, было затушёвано. Выпячивался большевистский партийный центр в этом многопартийном комитете. На самом деле во главе Военно-революционного комитета стоял левый эсер П.Е. Лазимир, который разработал «Положение о ВРК». Фактическим же руководителем был глава Петроградского совета Троцкий. Секретарём комитета был В.А. Антонов-Овсеенко, имевший военное образование. Он вёл красногвардейцев, солдат и матросов на штурм Зимнего дворца, арестовал Временное правительство.

Однако, по словам авторов «Краткого курса», именно большевистский партийный центр, во главе со Сталиным «являлся руководящим ядром Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием» [13, с. 197].

Роль Сталина в гражданской войне была обрисована гораздо скромнее, чем в статье Ворошилова. По замыслу Сталина, это не было главным. Далее, когда развитие рассказа авторов пошло о событиях после смерти Ленина, продемонстрировать ведущую, определяющую роль Сталина, его идей было совсем легко. Важной линией, проходившей через весь текст книги, особенно при освещении советского периода отечественной истории, было очернение и разоблачение соперников Сталина в борьбе за власть как врагов партии и народа.

«Краткий курс» представлял не столько биографию Сталина, сколько его идеи. Ненавязчиво читателю предлагалась мысль о Сталине как выдающемся теоретике марксизма-ленинизма, что являлось важным элементом вождизма.

В конце 1939 г. страна отмечала 60-летие Сталина. В главном теоретическом журнале партии «Большевик» передовая статья носила название «Великий вождь и учитель». В ней обзревался жизненный путь вождя обобщённо, без неуместных подробностей, которые не вписывались в величественную картину или даже противоречили ей. В статье была представлена концепция двух вождей в истории партии:

«Имена Ленина и Сталина стоят рядом как имена основоположников большевизма, организаторов и вдохновителей Великой Октябрьской социалистической революции, строителей первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян, корифеев революционной науки, её новаторов и творцов» [8, с. 2].

Наполняя этот тезис содержанием, авторы статьи устанавливали идейную связь между книгой Ленина «Что делать?» и статьёй Сталина «Вскользь о партийных разногласиях», книгой «Шаг вперёд, два шага назад» и статьёй «Класс пролетариев и партия пролетариев», книгой «Материализм и эмпириокритицизм» и неназванными философскими статьями Сталина. Увесистые книги, с одной стороны, и небольшие статьи с десятков страниц каждая, с другой! Если представить себе, то и другое, трудно отделаться от впечатления, что авторы, не признаваясь в этом друг другу, понимали, что искусственно раздувают авторитет Сталина как «корифея революционной науки». Убедительным представлялось одно: Сталин – единомышленник Ленина.

Завершали статью авторы строками, написанными в духе раболепного панегирика, созданного Радеком:

«Как и Ленин, Сталин был рождён для революции. Как и Ленин, он поистине гений революционных взрывов. Как и Ленин, он видит взором ясновидца дальнейшее движение классов, вероятные зигзаги революции. Не раз Сталин писал и говорил о гениальной прозорливости Ленина, о его способности быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий. Этими ленинскими свойствами обладает и Сталин...» [8, с. 11].

Первый номер того же журнала за 1940 г. был полностью посвящён юбилею вождя. Видимо, того, что было напечатано в 1939 г., сочли недостаточным. Сталину присвоили звание Героя Социалистического Труда. Молотов писал о нём как продолжателе дела Ленина, «любимом вожде и учителе», нарком обороны Ворошилов – как о строителе Красной Армии, нарком путей сообщения Л.М. Каганович – как о машинисте локомотива истории, А.И. Микоян, занимавшийся внешней и внутренней торговлей, конечно, не мог увязать великого вождя со столь прозаичным занятием как торговля, не мог назвать его красным купцом, поэтому писал о Сталине как о «Ленине сегодня». Всего было опубликовано одиннадцать статей, воспевавших вождя. В этих трудах заметно приписывание Сталину заслуг других людей, преувеличение степени участия в важнейших событиях в жизни партии и страны, раздувание итогов деятельности, приписывание больших заслуг в разработке теории марксизма, выдвижение некоего учения о кадрах.

В 1939 г. вышла в свет краткая биография Сталина. Её готовили параллельно с «Кратким курсом», и вот она-то и должна была осветить то, что в этом курсе, теоретическом по основному содержанию, было сказано коротко, скупо, бедно. Именно в этой книге и должны были получить освещение исторические события, деятельность Сталина, его участие в судьбоносных для страны свершениях партии большевиков.

Книга открывалась фотопортретом вождя с серьёзным, даже может быть несколько суровым лицом, чуть сдвинутыми бровями и взглядом, провидчески устремлённым вдаль. В этой книге усиленно проводилась связь между Лениным и Сталиным. Даже если в ранние годы деятельности Сталина между ними не было никаких личных контактов, тем не менее, авторы усматривали некую духовную связь. Так, «Ленинский "Союз борьбы за освобождение рабочего класса" был образцом, которому неизменно следовали в своей работе тифлиссские революционные социал-демократы» [11, с. 6]. Авторы умолчали о том, что «Союз борьбы» действовал в Петербурге, а если и имел какие-то связи с другими центрами, то до Кавказа эти связи не доходили. Поэтому «образцом» для тифлиских революционеров Союз быть никак не мог. И позже, когда Ленин и Сталин ещё не были знакомы лично, авторы указывали на то, что «верной опорой Ленина... на Кавказе был Сталин...», «Сталин настойчиво проводит директивы Ленина, развивает и отстаивает большевистские идеи перед массами» [11, с. 11, 12].

По сравнению с «Кратким курсом» биография Сталина то в одном, то в другом случае подчёркивала его роль, не останавливаясь перед прямой фальсификацией. В «Кратком курсе» говорилось:

«В декабре 1904 года под руководством Бакинского комитета большевиков была проведена огромная, хорошо организованная стачка бакинских рабочих» [13, с. 54].

В биографии:

«Под руководством Сталина в декабре 1904 г. проводилась грандиозная стачка бакинских рабочих» [11, с. 12].

Уже при освещении событий 1905 г. Сталин характеризуется как «талантливый полемист», «крупнейшая (!) литературная и теоретическая сила партии» [11, с. 13]. В «Кратком курсе» истории ВКП(б) такой характеристики с высокой оценкой Сталина ещё не было. Пражскую конференцию (1912 г.), на которой Сталин был заочно избран в Центральный Комитет партии, «Краткий курс» оценил фразой «она имела... формально значение съезда партии» [13, с. 136]. В биографии Сталина эта оценка была сочтена недостаточной, и конференция получила определение «крупнейшее событие в жизни партии» [11, с. 23].

Особое внимание авторы уделили событиям 1917 г. В начале этого года, в соответствии с амнистией, данной Временным правительством, Сталин вернулся из ссылки в Петроград и вошёл в состав редакции большевистской газеты «Правда», где вместе с Каменевым начал играть руководящую роль, оттеснив В.М. Молотова и А. Шляпникова.

В биографии речь шла о том, что Сталин входил в руководство ЦК партии и Петроградский комитет большевиков. Его роль преподносилась как определяющая:

«В этот ответственный период Сталин спланирует партию на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Сталин руководит деятельностью Центрального Комитета и Петербургского комитета большевиков. В статьях Сталина большевики получают принципиальные руководящие указания для своей работы» [11, с. 27].

До приезда в Россию Ленина «Правда» ничего не говорила о курсе партии на социалистическую революцию, о чём промолчали и авторы «Курса», и авторы биографии Сталина. Член редакции Каменев в восьмом номере газеты (23 марта 1917 г.) поместил статью «Временное правительство и революционная социал-демократия». Она была напечатана без

подписи как выражающая позицию всей редакции (в том числе Сталина). В статье автор призывал поддерживать Временное правительство. А Сталин в том же номере опубликовал статью «О Советах рабочих и солдатских депутатов» и ничего не говорил в ней об отношениях между Советами и Временным правительством. Тем не менее, авторы «Краткого курса» писали о том, что «Сталин, Молотов и другие ... отстаивали политику недоверия империалистическому Временному правительству» [13, с. 176]. Получалось так, что ещё до приезда Ленина в Россию эти люди уже знали, на что ориентировать партию, знали, что скажет Ленин.

Летом 1917 г., когда Ленин скрылся из столицы и перебрался в Финляндию, происходил VI съезд партии. В «Кратком курсе» говорилось:

«Преследуемый ищейками Временного правительства, Ленин не мог быть на съезде, но он руководил им из подполья через своих соратников и учеников в Петрограде: Сталина, Свердлова, Молотова, Орджоникидзе» [13, с. 1876].

В биографии эти факты преподносились иначе:

«Сталин руководил работами заседавшего нелегально VI съезда партии (август 1917 г.). Съезд объединился вокруг Сталина» [11, с. 30].

В самом деле, на съезде Сталин играл видную роль. Дело в том, что Ленин и Зиновьев скрывались в подполье, Троцкий (вошедший в партию на этом съезде) и Каменев были арестованы. С докладом Оргбюро выступил Свердлов, с докладом ЦК партии – Свердлов, Сталин и И.Т. Смилга, о текущем моменте докладывали Бухарин, Сталин, Милютин, с проектом пересмотра программы партии выступил В.Н. Подбельский... Из этого перечня выступавших по важнейшим вопросам видна заметная роль Сталина, но не исключительная.

Наконец, в рассказе о взятии большевиками власти авторы «Краткого курса» упомянули заседание ЦК партии 16 октября, на котором был образован

«Партийный центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным. Этот Партийный центр являлся руководящим ядром Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием» [13, с. 197].

Биографы Сталина выдвинули положение о том, что

«Сталин – ближайший сподвижник Ленина. Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания» [11, с. 31].

В тексте биографии внимание немного сместилось на фигуру Сталина, и она стала определяющей в ходе событий. И далее получалось так, что направлял деятельность революционных сил Сталин, пока Ленин не взял непосредственно руководство в свои руки. Если в «Кратком курсе» истории партии о роли Сталина в событиях говорилось немного, то в биографии его роль была выставлена как определяющая.

И далее, уже после взятия большевиками власти,

«организация разгрома Керенского-Краснова, ломка саботажа чиновников и служащих, ликвидация контрреволюционной Ставки и царского генералитета, закрытие буржуазной печати, борьба против контрреволюционной Украинской Рады, разгон Учредительного собрания, разработка первой советской Конституции 1918 года – во всех этих решающих событиях Сталин принимал самое активное и руководящее участие» [11, с. 33].

В гражданской войне, по словам биографов Сталина, он, «фактический заместитель Ленина», проявил «прозорливость политического вождя и талант полководца» [11, с. 34, 35]. В «Кратком курсе» ничего не говорилось об участии Сталина в обороне Царицына в 1918 г., в биографии вождя Царицын был определён как «место главного удара со стороны контрреволюции» [11, с. 34]. Ясно, что Сталина читатель должен был воспринимать как спасителя революции в борьбе с белыми армиями. Между тем, хорошо известно, что весной и летом 1918 г. главная и опасность для большевиков грозила с Восточного фронта. Там из-за восстания

чехословаков была ликвидирована советская власть в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Антибольшевистскими силами была взята Казань, открылся путь на Нижний Новгород (здесь находилась вторая часть золотого запаса России), а от него на Москву. В сравнении со всеми этими обстоятельствами роль борьбы вокруг Царицына меркнет.

О неудачном участии Сталина в российско-польской войне авторы предпочли высказаться скороговоркой с умолчаниями о ходе и исходе этой войны. Словом, в теме о гражданской войне в жизни Сталина биографы следовали известной статье Ворошилова и цитировали её. «Непосредственным вдохновителем и организатором важнейших побед Красной армии был Сталин», - эти слова были выделены курсивом в тексте [11, с. 40].

Сталин был выставлен важнейшим деятелем в создании СССР, о его разногласиях с Лениным по этому вопросу биографы не говорили ничего.

После смерти Ленина Сталин преподносился как главный вождь партии. Он разработал «учение о социалистической индустриализации» [11, с. 52]. Под его руководством «партия подготовила все необходимые материальные условия для массового вступления крестьянства в колхозы» [11, с. 57]. Он разработал учение о коллективизации сельского хозяйства» [11, с. 64].

На XVIII съезде партии Сталин «продолжил учение о возможности построения социализма в одной стране до учения о возможности построения коммунизма в нашей стране и в том случае, если сохранится капиталистическое окружение» [11, с. 81].

Завершалась биография вождя славословием в его честь с использованием того псевдофольклора, который искусственно создавался в Советском Союзе для демонстрации народной поддержки политики большевиков:

*«Мы со Сталиным, как с Лениным,
Говорим со Сталиным, как с Лениным,
Знает все он наши думы-думушки,
Всю он жизнь свою о нас заботится»* [11, с. 87].

Биография Сталина явилась важнейшим идеологическим документом, венчающим собой весь довоенный период развития идей вождизма. Вместе с «Кратким курсом» она составляла тот комплекс основных работ, который выражал идею вождизма в партии большевиков. Статья Ворошилова не могла занять равного по значению места рядом с этими произведениями. Она была посвящена сравнительно узкой теме, а кроме того, степень восхваления вождя в ней была уже недостаточной. Работа Радека не могла использоваться в пропаганде, так как её автор был расстрелян как «враг народа».

То, как идея о Сталине как харизматическом вожде партии овладевала большевиками видно по речам на партийных съездах. На XVI съезде (1930 г.) особых славословий в выступлениях делегатов в честь Сталина не звучало. На съезде присутствовали люди, которые ещё помнили Ленина живым, слушали его, работали с ним. Поэтому имя Ленина часто упоминалось в речах и о Сталине нередко говорили в связи с Лениным («верный ученик», «лучший ученик», «руководитель проведения ленинского учения в жизнь»).

На XVII съезде (1934 г.) степень возвеличения повысилась. О Сталине говорили вне всякой связи с Лениным. Имя Ленина оказывалось как будто даже в тени, в полузабвении. И если оно звучало, то Сталин теперь определялся не как лучший ученик, а как «великий (!) продолжатель дела Ленина». Слово «великий» прочно спаялось с именем вождя; его называли «великим и любимым вождём», «нашим любимым вождём», «великим теоретиком». Наряду с этими определениями появились и иные, более сильные – «величайший революционный мыслитель, человек несокрушимого революционного действия». Учтём, что слово «революционный» воспринималось большевиками как высочайшая оценка. Ещё одно слово в первой

половине 1930-х гг. стали прочно соединять с именем Сталина «гений товарища Сталина», «гениальнейший вождь и теоретик», «гениальный продолжатель дела Ленина».

Прошло пять лет. В 1939 г. был созван XVIII съезд партии. Состав руководства партии значительно изменился. Предыдущий съезд вошёл в историю страны как съезд расстрелянных – более половины его делегатов были репрессированы в годы Большого террора. Было уничтожено больше половины кандидатов в члены и членов ЦК партии, избранных на этом роковом для них съезде, пятеро покончили самоубийством, один был убит (С.М. Киров). За пять лет значительно обновился (омолодился) состав партии. Неудивительно, что поведение делегатов XVIII съезда, их реакция на происходящее на съезде были отличными от того, что наблюдалось на предыдущем партийном форуме.

Выступления делегатов съезда были полны выражений преклонения, восторга, обожания вождя. Звонки Молотова, председательствующего на одном из заседаний, тонули в «непрекращающихся, всё усиливающихся овациях». Овацией был ознаменован выход Сталина на трибуну, это было «выражение беспредельной любви всей партии к своему вождю» [26, с. 8]. Имя Ленина, которое раньше было прочно связано с именем Сталина, уже не звучало с трибун, как на XVII съезде. Правда, говорилось о том, что Сталин «второй Ленин». Об ученике или продолжателе речи не было. Слово «великий» теперь было недостаточным, хотя и звучало часто, в ходу в большей мере было иное слово – «гениальный». Одно только упоминание имени вождя вызывало аплодисменты.

Пропаганда культа вождя в сочетании с утверждением новых духовных ценностей находила отклик и в широких кругах населения. Соединение вождя с понятием отечества, вплетение вождизма в советский патриотизм имело почву в настроениях населения СССР в 1930-е гг. Вот свидетельства современника, опубликованные за рубежом и свободные от прессы советской цензуры:

1934 г. – «Массы жаждут героя и мечтают о сильном вожде. Это сейчас характерно для всего Запада. А у нас в России, где издавна народ окружал легендой то "белого генерала", то Стеньку Разина, то революционеров, Каляева, Спиридонову, – сейчас прямая задача партии направить это естественное и неудержимое чувство масс, особенно молодёжи, на личность Сталина... Пока был жив Ленин, у партии был непререкаемый авторитет. Когда во главе партии стояли Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Троцкий и другие, – партия всё время металась в уклонях, так как авторитет руководства расчленился. Партия снова стала монолитна с того момента, когда вся наша печать воспитала сознание рядового партийца, что там, где Сталин, – там партия, и что против чего он, – то уклон»;

1934 г. – «Сейчас в связи с несомненным улучшением внутреннего и внешнего положения советской власти и особенно в связи с успехами на продовольственном фронте, к Сталину стали относиться с большим уважением, и рядовой коммунист, мечтающий о вожде, охотно отдал своё обожание Сталину, поставил ставку на Сталина. Чем больше проходит лет со времени Октябрьской революции, тем более мёртвый Ленин отходит в сторону, а живой Сталин замещает его в сознании и психологии коммунистических верноподданных масс»;

1936 г. – «В среде правящих верхов опубликование проекта конституции прежде всего еще более подняло авторитет Сталина. Коммунисты уже не в публичных местах, а среди близких людей говорят прямо и с убежденностью о гениальности Сталина. Конституция вернула Сталину "души" многих старых большевиков» [1, 2, 3].

Таким образом, пропаганда важной идеологической ценности – культа вождя партии и государства – обрела живой отклик в партии и более широких слоях населения.

Итак, вождизм, едва зародившись в трудах В.И. Ленина и даже получив в них определённое теоретическое обоснование особенно применительно к условиям строительства социализма, уже в 1930-е гг. в большей степени был реализован в политической практике, чем в теории. Идея, несомненно, овладела широкими партийными массами. Вождизм стал частью духовной жизни страны, поскольку, как известно, отразился не только публицистике, но и в искусстве, в системе образования и воспитания.

Библиографический список

1. А. По России // Социалистический вестник. 1934. 10 января. С.15-16.
2. А. По России // Социалистический вестник. 1934. 25 февраля. С.14.
3. А. По России // Социалистический вестник. 1936. 10 июля. С.4.
4. Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. №3. С.106-124.
5. Берия Л.П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье litmir.me/br/?b=187789&p=2 Дата обращения 7.III.2020.
6. Брянцев М.В. В.И. Ленин и наследники. Очерки представлений советских людей 1920-х гг. Брянск, 2018 – 117 с.
7. Валентинов Н.В. Наследники Ленина. Wenson, Vermont, 1990 – 240 с.
8. Великий вождь и учитель // Большевик. 1931. № 23-24. С.2-11.
9. Ворошилов К.Е. Наш полководец Сталин. М., 2014 -208 с.
10. Енукидзе А. Наши подпольные типографии на Кавказе. М., 1934 – 108 с.
11. Иосиф Виссарионович Сталин (краткая биография). М., 1939 – 76 с.
12. Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Берлин, Чикаго, Токио, Москва, 1993 – 225 с.
13. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М., 1938 – 351с.
14. «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история. Часть 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б). 1931-1956. М., 2014 - 791с.
15. Ленин В.И. Беседа с защитниками экономизма // Полн. обр. соч. Т.5. С.360-367.
16. Ленин В.И. Насущные задачи нашего движения // Полн. собр. соч. Т.4. С.371-377.
17. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. Т.36. С.165-208.
18. Ленин В.И. Что делать? // Полн. собр. соч. Т.6. С.1-192.
19. Малашкин С.И. Сочинения Евлампия Завалишина о народном комиссаре и о нашем времени. М., 1928 – 721 с.
20. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010 – 496 с.
21. Правда. 1923. 14 марта.
22. Радек К.Б. Зодчий социалистического общества. М., 1935 – 55 с.
23. Сталин И.В. Надпись на черновике статьи К.Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия» // Соч. Т.17. С.326.
24. Сталин И.В. О Ленине. Речь на вечере кремлёвских курсантов 28 января 1934 г. // Соч. Т.6. С.52-64.
25. Сталин И.В. По поводу смерти Ленина. Речь на II Всесоюзном съезде советов 26 января 1924 г. // Соч. Т.6. С.46.-51
26. XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчёт. М., 1939 - 744 с.

Сведения об авторе:

Дубровский Александр Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: alexdubr1948@mal.ru

УДК 94(410)

В.О. Цуканова

ОБРАЗ СОЛДАТА В РОМАНАХ Р. ОЛДИНГТОНА

Аннотация: Р. Олдингтон английский поэт, прозаик, родившийся в 1892 г. и заставший две мировые войны, в первой из которых он непосредственно принимал участие, что и отобразилось в его творчестве. В статье будут рассмотрены все написанные романы автора, связанные с темой Великой войны. Данная тема актуальна так как важно изучить как историю пытаются преподнести сейчас и, что же было на самом деле, как работают с исторической памятью государства в своих целях. Литературные памятники, оставленные Олдингтоном невероятно важны для исследования исторической памяти о Первой мировой войне, так как автор и сам был на полях сражения и столкнулся со всем лично. Исследуя его произведения подвергая критическому анализу можно подчеркнуть важные моменты исторической реальности того времени, так как сами книги были написаны через несколько лет после окончания войны, и память автора и его чувства и переживания были еще свежи.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великобритания, историческая память, память, солдаты, историческая личность.

Tsukanova V.O. The image of a soldier in the novels of R. Aldington

Abstract: R. Aldington is an English poet and writer born in 1892 and lived through two world wars, the first of which he directly participated in, which was later reflected in his work. The article will examine all the author's novels related to the theme of the Great War. This topic is relevant because it is important to study how history is being presented now and what really happened, how the state works with historical memory for its own purposes. The literary monuments left by Aldington are incredibly important for the study of historical memory of the First World War, since the author himself was on the battlefield and faced everything personally. By examining his works and subjecting them to critical analysis, one can glean important moments of the historical reality of that time, since the books themselves were written several years after the end of the war, and the author's memory and his feelings and experiences were still fresh.

Keywords: World War I, Great Britain, historical memory, memory, soldiers, historical figure.

Первой в свет вышла книга «Смерть героя» в 1929 году. Книга имеет антивоенное настроение, перед читателем предстает образ солдата Джорджа Уинтерборна. Роман ведется от лица товарища главного героя, который рассказывает историю Джорджа так насколько знает ее сам. Однако описанию военных действий в произведении уделено не более одной трети от всего текста. Автор уделяет внимание жизненному пути героя начиная от зарождения отношений между его родителями, делая акцент на его личной жизни до начала военных действий, в попытка понять и разобраться в причинах, подтолкнувших его к решению сознательно закончить свою жизнь в бою.

Следующая книга Ричарда Олдингтона был опубликован в 1931 году – это «Дочь полковника». В отличие от двух других романов, связанных военной темой, здесь время повествование уже после войны, а о самой войне говорить косвенно лишь в контексте женской доли, судьбе сверстниц тех парней что погибли, сражаясь за свою родину.

И третье произведение – это роман «Все люди- враги» вышедшее в свет в 1933 году. Текст формально можно разделить на две части до и после войны. Главный герой – Энтони Кларендон и его история жизни и любви. В книге полностью отсутствует часть про саму войну, зато описаны переживания и отношение к произошедшему героя сначала сразу после окончания в 1919 году и уже по прошествии семи-восьми лет.

Объектом исследования в данной статье является художественный и исторический памятник в виде романов писателя современника Первой мировой войны Р. Олдингтона. В методологической основе работы лежит принцип историзма, историко-сравнительный и историко-системный подходы, а также принцип объективности, позволяющие проводить глубокий анализ литературных произведений с разных сторон.

Предвоенное настроение: из трех произведений ноты наступающей войны прослеживаются только в «Смерти героя». Поначалу информация была доведена до главного героя в

виде слуха от его будущей жены, которая рассказывала: «Я ездила с папой и мамой, и все вокруг только о том и говорили, что скоро будет война с Германией. Один папин знакомый служит в Адмиралтействе, и он сказал папе по секрету, что этого не миновать» [3, с. 164]. В ответ на это Джордж «взорвался» сказав, что это – «чепуха и бред» [3, с. 164]! И в заключении разговора собеседники пришли к общему выводу: «- Ну, это их дело. Нас это не касается.

-Да, к счастью, это нас не касается и не может коснуться» [3, с. 165]. Стоит отметить, что Джордж Уинтерборн относил себя к интеллигенции, видимо считая, что если и будет какое-то военное столкновение, то оно не будет столь обширно и не затронет всех жителей страны. И хотя автор пишет, что война «неотвратимо приближалась», и была неизбежна аж с 1911 года [3, с. 215], в самом повествовании о жизни героя отсутствуют яркие переживания о возможном начале войны, жизнь текла спокойно и размеренно: «Тем, кого перемирие застало еще детьми, кто, так сказать, был рожден в огне войны, просто не понять, в каком безмятежном спокойствии мы пребывали когда-то, какими были самодовольными оптимистами. А особенно в Англии...» [3, с. 216].

И только уже ближе к началу войны главный герой начинает задумываться о возможной серьезности происходящего, но тут же сталкивается с противоположным мнением в своем кругу общения: «А, пустяки! Чудак вы, Джордж, кто же верит газетным сенсациям... конфликт будет локализован... Все обойдется». Хотя зерно сомнения уже прочно проросло в голове Джорджа, и он в первые дни августа скупал все газеты: «Город казался мирным и безмятежным, как обычно, и, однако, во всем сквозило скрытое беспокойство» [3, с. 230].

Интересная деталь в последнее воскресенье перед четвертым августом Уинтерборн вышел прогулкой на Трафальгарскую площадь там проходил митинг в защиту мира, а по соседству митинг – призывающий к войне, в какой-то момент они двинулись прямо на сторонников мира с криками «Хо-тим вой-ны!» [3, с. 232]. Они продолжали скандировать: «-Мы - трусы?

-НЕ-ЕТ!

-А немцы?

-ДА-А-А!

-Может, мы немцев очень любим?

-НЕ-Е-ЕТ!» [3, с. 235].

И конечно, в романе есть упоминание о том, что герой был полностью убежден, что война не затянется не более трех месяцев, а то и меньше [3, с. 236]. В противовес ему лейтенант Эванс, которого он встретил на фронте, он был далек от искусства и возвышенных культур, выступает в произведении как представитель простых, обыкновенных ребят: «война для него была делом простым и ясным. Англия всегда права. Англия объявила войну Германии. Значит, Германия неправа» [3, с. 269].

В произведении «Дочь полковника» о начале войны упоминается, только в контексте отношения к этому военного отца главной героини Джорджии - мистера Смизерса: «Его терзали лихорадочные опасения, как бы Англия не “опозорилась”, оставшись в стороне» [2, с. 15]. Как представитель более взрослого поколения и человека с военным опытом, которому было нечем заняться в отставке, которую он получил из-за многочисленных ран, полученных не на поле боя, а в быту. «Он чувствовал, что Англия должна сражаться и это будет для нее очень хорошо» [2, с. 15]. Он воспринял новость о начале войны как повод для веселья. В этом и прослеживается разница поколений между отцом Джорджии и Джорджем Уинтерборном.

В романе «Все люди – враги» главный герой - Энтони тоже является представителем интеллектуалов, любить архитектуру, живопись, путешествия и т.д. Летом 1914-го он посещает остров Эа, где встречает свою любовь – Кэти, они вынуждены на время разъехаться, но уверенно строят планы на совместное будущее, решаясь вновь встретиться в августе того же

года и больше не расставаться. В их планах и словах не прослеживается никаких намеков на переживания о войне, или хоть какое-то упоминание о неспокойной ситуации в мире, и в родной для Энтони Великобритании.

Представление о солдате: говоря о простых солдатах, воевавших на фронте, автор пишет: «можно было не сомневаться, что он пойдет первым в самую безнадежную атаку, а в обороне будет стоять насмерть. Таких, как он, были тысячи и десятки тысяч» [3, с. 297]. Писатель представляет читателю образ типичного британского солдата через портрет лейтенанта Эванса: «он словно нарочно шел навстречу опасности и при этом всегда оставался невозмутимо спокоен» [3, с. 297]. Этаким идеальным солдат, которого долго обучали слушать и повиноваться, ощущая себя безликой массой [3, с. 249]. Олдингтон пишет: «чтобы сделать человека идеальным солдатом, необходимо уничтожить чувства» [3, с. 279].

Сам же автор в лице главного героя не разделяет общего военного порыва, хотя и пошел добровольцем на войну, он не смог остаться в стороне. Он ненавидел войну, но безмерно восхищался солдатами и их силой духа, и храбростью, он не разделял их идеалы, но нашел в них то, чего не было среди его знакомых, с которыми он был за одно: «мне наплевать, во имя чего вы воюете, ваши высокие идеалы почти наверняка - гнусный вздор. Но одно я знаю твердо: до вас я не видел настоящих людей...лучше я умру с вами, чем останусь жить в мире, где нет таких, как вы» [3, с. 266]. По его мнению, солдаты просто шли воевать потому, что считали себя обязанными это сделать из чувства долга перед родиной и семьей, просто потому что так было нужно, не имея каких-то возвышенных целей: «они воевали, словно выполняя мерзкую, ненавистную работу, потому что им сказали: так надо» [3, с. 267]!

В романе «Все люди- враги» главный герой в таком же ключе отзывается о рядовых солдатах: «я встречал очень мало солдат, которые «одобряли войну». Большинство из них попросту всеми силами стремились оттуда вырваться, но, попав на фронт, все выносили» [1, с. 188].

О высших чинах: о представителях высших чинов Олдингтон от лица своих героев пишет совсем не в комплементарной форме, описывая речь, сказанную «неким чином из британского штаба» перед отправкой новоявленных солдат на фронт: «Вы - военное поколение. Вы рождены для того, чтобы сражаться в этой войне, ее нужно выиграть - и вы ее выиграете, это мы твердо решили. Что до каждого из вас в отдельности - не имеет ни малейшего значения, будете вы убиты или нет. Вероятнее всего, вас убьют, - во всяком случае, большинство. Советую заранее с этим примириться» [3, с. 243].

На протяжении двух романов «Смерть героя» и «Все люди-враги» каждый раз, когда речь касается войны и людей из штабов, которые занимают командующие должности, тон повествования уничижительный: «так впервые они столкнулись с любопытной особенностью войны: большую часть времени на войне приходится чего-то ждать, либо расхлебывать кашу, которую кто-то из начальства заварил по ошибке или от излишнего усердия» [3, с. 262]. И «на войне жизнь под началом англичан куда страшней боев с немцами» [3, с. 255] передал точную цитату Уинтерборна его друг, от лица которого ведется повествование книги.

Подобное настроение передалось и через слова Э. Кларендора: «- И ты еще называл себя солдатом!

- Мне кажется, дорогая, те, кто стоял в стороне, чаще получали награды и нашивки за ранения» [1, с. 314].

Вернувшись с войны Энтони не знал, чем себя занять и ему на глаза попала книга, он старалась читать пока не дошел до строк: «Прославившиеся на весь мир генералы, в парадных мундирах, сверкающих золотом медалей, заслуженных в победных боях доблестными сынами Великобритании; министры, с невозмутимым челом, прячущие за любезной улыбкой высокие

государственные заботы и с учтливой приветливостью беседующие с очаровательными дебютантками» [1, с. 129]. Дочитав до конца абзаца Энтони сказал «стадо свиней!».

Такое же выражение еще раз используется автором уже в другом романе, от лица друга Джорджа Уинтерборна, который писал о его смерти «мне очень жаль, что он подставил себя под огонь пулемета всего за неделю до того, как кончилась эта трижды проклятая война. Ведь он столько лет так стойко сражался со свиньями (я имею в виду наших британских свиней)» [3, с. 104].

Отношение к государству и пропаганде: из отношения к представителям высших чинов армии вытекает и отношение к родной стране и проводимой ей политике. «Дивная старая Англия. Да поразит тебя сифилис, старая сука, ты нас отдала на съедение червям (мы сами отдали себя на съедение червям)» [3, с.58]. Таким образом, герой заявляет о своей ненависти к стране, но при этом понимая, что они (солдаты) сами на это пошли, добровольцами на фронт.

Недоумение у писателя вызывает ложь и пропаганда, печатаемая в газетах во время войны: «"Наши доблестные воины» должны были вернуться домой - скоро, очень скоро! - очищенные и облагороженные резней и вшами, и дать жизнь поколению, исполненному еще большего благородства, и этому поколению предстояло пойти по стопам отцов...» [3, с. 217] - Олдингтон считает, что даже если и будет объявлено перемирие на этом фактически война не закончится и все повторится снова, и новое поколение должно вырасти на этом доблестном, патриотическом духе: «должно было совершиться великое возрождение религиозного духа, ибо мысли людей теперь обращались от всего суетного и безнравственного к серьезному и возвышенному. У нас должна была появиться новая, великая литература,- отсюда мнимая популярность "военных поэтов", которая сводилась к тому, что родителям убитых солдат предлагалось раскошелиться на пятьдесят фунтов (хватило бы и пятнадцати), чтобы тиснуть в печать убогие вирши, достойные внимания разве что в узком семейном кругу... Пусть те, кого интересуется человеческое тупоумие, заглянут в комплекты тогдашних газет» [3, с. 217].

Р. Олдингтон считает, что эта война напрасна, что люди погибали ни за что, потакая амбициям вышестоящих чинов, которые к простым солдатам относились как расходному материалу: «во имя пустой болтовни, во имя идиотского вздора, газетной лжи и воинственной наглости политиков» [3, с. 218].

И тем не менее рядовой солдат в описании писателя это человек, который не имел другого выбора, поддавшись патриотическому движению, и с жадной защитой свой родной дом, ушел добровольцем на войну, хотя конечно этой бойни он не желал и считает ее напрасной. И все равно, не было и мысли о том, чтобы отступить или не выполнить приказ: «Если он пойдет в армию, в громадном пожаре прибавится еще один уголек; если не пойдет, его заменят другим угольком, быть может, более слабым, которому физически будет труднее. Совесть мучила Джорджа, пока он не вступил в армию, - и не меньше мучила потом» [3, с. 240].

Продолжая тему проводимой Великобританией военно-политической пропаганды, автор пишет об это: «Они уверяли, что народ, который многие века славился своей добротой, - это народ палачей, которые только тем и занимаются, что убивают младенцев, насилуют женщин, распинают пленных. Они говорили, что "гунны" - это жалкие, подлые трусы, но не объяснили, почему же при нашем огромном численном превосходстве потребовался пятьдесят один месяц, чтобы разбить наконец германскую армию. Они говорили, что сражаются за Свободу во всем мире - и, однако, всюду стало куда меньше свободы» [3, с. 238] - из этого абзаца можно узнать, как именно правительство настраивало простое население против Германии, чтобы дать объяснения, что они не просто так вступают в войну, а сражаются с настоящим врагом всего мира.

В другом своем романе Р. Олдингтон пишет строчки от лица своего героя сказанные им до и после войны и его мысли не сильно разнятся: «- Государство! Как мне надоело это слово! Это нелепое божество!.. дорогая моя, ведь государство - это зло. А правительства тратят свое время и деньги граждан на нелепые попытки поднять свой престиж за счет других правительств... Государства поощряют деторождение, потому что им требуются рабы и солдаты... К черту государство» [1, с. 112]! И тем не менее Энтони отправляется воевать, не потому что поддерживал идеи государства, а потому, что так было нужно «из чувства сострадания и товарищеской солидарности согласился стать частью военной машины» [1, с. 193], ведь: «государство – вовсе не значит общее достояние, государство - это правительство и исполнительные органы» [1, с. 112].

Вернувшись с войны его взгляды не только не изменились, но стали и более жесткими, он не стесняется в выражениях: «по-моему, современное государство - это просто усовершенствованная разновидность разбойника с большой дороги. Оно требует у вас кошелек и жизнь» [3, с. 133] и «я ненавижу британское государство так же, как ненавижу газеты. Мерзость, мерзость, мерзость» [1, с. 133]!

Личные рассуждения: в каждом романе или рассказе Р. Олдингтона, если герою удалось выжить на войне, он непременно будет корить себя в этом, отмечая огромные жертвы таких же простых ребят, как и он. «Сколько их - пять миллионов, десять, двадцать? Да разве важна точная цифра? Они мертвы, и все мы за это в ответе. Да, мы в ответе, будь оно все проклято! Когда я встречаю сверстника, не искалеченного войной, мне хочется крикнуть ему в лицо: "Как ты уцелел? Как ухитрился улизнуть? На какую подлость пустился? Почему ты не погиб, жулик?" Ужасно пережить самого себя, увильнуть от своей судьбы...» [3, с. 217]. Умирать Джорджу не хотелось, но он считал, что множество людей, которые были куда лучше него уже отдали свои жизни на войне и из-за этого он: «чувствовал себя виноватым и пристыженным» [3, с. 254].

Подобные мысли преследовали и Э. Кларендона: «какой ты идиот, что вернулся, и вдвойне идиот, что радовался этому» [1, с. 127]. Он также ощущал стыл от того, что он уцелел в отличии от многих своих товарищей [1, с. 129].

Отношение к врагу: в произведениях Олдингтона четко выражено его позиции на счет врага во время войны, и это не немцы, а точнее не простые немецкие солдаты. Он ненавидел войну, ненавидел пустословов и пропагандистов, и даже армия в целом ему была ненавистна, «но ему по душе солдаты, фронтовики - и не как солдаты, а как люди. Он уважает их. Если немецкие солдаты похожи на тех, кого он видел утром на пароходе, он и немецких солдат готов любить и уважать» [3, с. 270].

Э. Кларендон после войны вспоминал «раненого немецкого солдата, который настоял на том, чтобы пожать, ему руку в порыве благодарности за то, что Тони достал для него носилки» [1, с. 218].

Настоящего врага автор видит в людях, стоящих у власти, именно они сталкивают друг против друга простой народ: «их враги - враги и немцев, и англичан - те безмозглые кретины, что послали их убивать друг друга вместо того, чтобы друг другу помогать... Народы управляют при помощи вздорных громких слов, приносят их в жертву лживым идеалам и дурацким теориям...» [3, с. 271]. В романе «Все люди – враги» главный герой разделяет это мнение: «Он готов убивать, но не каких-то вымышленных врагов в серых шинелях, а настоящих врагов, у себя, дома. Он задушил бы их собственными руками, он повалил бы их наземь и втоптал в грязь их гнусные лица» [3, с. 154].

В целом автор не пишет уничижительно о немцах, а даже немного хвалит их, стараясь оценивать их объективно, в разговоре с товарищем который не был на войне Уинтерборн

отмечает навыки немцев в бою: дерутся они с поразительным мужеством и упорством» [3, с. 350].

В конечном итоге Энтони Кларендон приходит к выводу, что ему становится безразлично кто победит в этой войне: «все равно это было победой зла. Самый факт того, что война существует, был победой зла. И это убивало меня» [1, с. 154].

Таким образом Р. Олдингтон написал три романа затрагивающих тему Первой мировой войны, которую он сам застал и был непосредственным ее участником. Конечно, это в первую очередь художественное произведение, а не биографическое, но кто как не человек воевавший в этой войне сможет описать реальное настроение в те годы на полях сражения и в тылу.

Все три романа отличаются друг от друга по структуре повествования истории. В романе «Смерть героя» как ясно из самого названия описывается биография Джорджа Уинтерборна от первой встречи его родителей до последней строчки книги, где описывается то, как он погибает. Уинтерборн представлялся неким образцом новой молодежи того времени, которая попала на фронт, через все произведение автор пытался то, как менялись его мысли, кругозор и жизненные приоритеты.

Действие в романе «Дочь полковника» разворачиваются уже в послевоенное время, главной героиней является Джорджия Смизерс, через одного из своих героев автор высказывает мысль о том, что сотни потенциальный мужей для таких молодых особ как она погибли на полях сражения [2, с. 33]. Возможно, именно поэтому девушка, а не парень и я является главной героиней произведения дабы подчеркнуть потери страны. Героиня представляет обыкновенную девушку, не одаренную, ни красотой, ни деньгами, ни какими-то умственными талантами, на протяжении книги она все пытается устроить свою личную жизнь, что у нее никак не выходит. Не так много из книги можно подчерпнуть об образе простого солдата, как скорее общее настроение после войны, и отношение более старшего поколения к политике своей страны.

Третий роман «Все люди-враги» рассказывает о жизни Энтони Кларендона, автор описывает его детство и юность, взросление вплоть до момента начала войны и потом сразу после нее. Описание самой войны как в «Смерти героя» там нет, зато много послевоенной рефлексии. Автор скорее старался изобразить портрет среднестатистического молодого парня того времени, живущего своей жизнью, с интересом к искусству и своими принципами, и как сильно и в какую сторону его поменяет случившаяся война.

Обычный, рядовой солдат у Р. Олдингтона – это человек-жертва обстоятельств. Он не хотел войны, он ее не ждал и практически не интересовался политикой. Он не верил войну и не разделял воинственный настрой толпы.

И тем не менее, он не пытался уклониться, сбежать и спрятаться, он шел туда добровольцем потому, что считал, что «надо». С его страной случилось несчастье, а значит он должен ее защитить.

Со временем у него начинают атрофироваться все простые человеческие эмоции, связанные с радостью и наслаждением, его преследует апатия и уныние. Он становится закаленной и острее, ему кажется, что ни один политик, ни один генерал, или человек в тылу не имеет ни малейшего представления о реальном положении дел на фронте. Его начинает тяготить патриотические речи, он задаваться множеством философских вопросов, на которые ни он, ни кто-то другой не может дать разумный ответ.

Все это рано или поздно перетекает в ненависть к правительству и государству, и тем не менее он не думает сдаваться, бежать спасая свою жизнь, а продолжает бороться за Англию.

Этот солдат некая смесь ненависти к политике своего государства и чувством безвыходного долга перед ним. Он должен отдать свою жизнь в этой войне потому, что так «нужно».

Библиографический список

1. Олдингтон Р. Все люди-враги//Собрание сочинений. Том третий. М.: «Художественная литература», 1989. 496 с.
2. Олдингтон Р. Дочь полковника//Собрание сочинений. Том второй. М.: «Художественная литература», 1988. 528 с.
3. Олдингтон Р. Смерть героя//Собрание сочинений. Том первый. М.: «Художественная литература», 1988. 560 с.

Сведения об авторе:

Цуканова Влада Олеговна - аспирант 4-го курса кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: tsukanovavlada@yandex.ru

УДК 94(410)

Д.И. Шендыгаев

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВНУТРИ БРИТАНСКОЙ АРМЕЙСКОЙ ЭЛИТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье затрагивается проблема формирования нового типа взаимоотношений среди различных структур британской армии. Британским командующим экспедиционного корпуса приходилось обучаться умению командования большими формированиями непосредственно во время войны. Подчас ошибки и недочеты британской военной элиты приводили к большим потерям среди офицерского и рядового составов английской армии. Важной особенностью взаимоотношений в среде военных, сыгравшей на руку политической элите в вопросе сосредоточения власти в принятии решений во время войны, стало соперничество среди военных, которое приводило к подавлению инициативы среди подчиненных. По мере развития конфликта и роста численного состава британской армии верховное командование британских сухопутных сил делегировало большую часть своих полномочий руководителям уровня армии и корпуса.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная стратегия Великобритании, Имперский генеральный штаб, британская армия, Западный фронт, Великая война, британская армейская элита, главнокомандующий британской армии.

Shendygae D.I. Relationships within the British Army elite during the First World War

Abstract: The article touches upon the problem of forming a new type of relationship among various structures of the British Army. The British commanders of the expeditionary force had to be trained in the ability to command large formations directly during the war. Sometimes the mistakes and shortcomings of the British military elite led to heavy losses among the officers and enlisted personnel of the British army. An important feature of the relationship among the military, which played into the hands of the political elite in the issue of concentrating power in decision-making during the war, was the rivalry among the military, which led to the suppression of initiative among subordinates. As the conflict developed and the size of the British army grew, the British Army High Command delegated most of its powers to army and corps level leaders.

Keywords: World War I, British military strategy, Imperial General Staff, British Army, Western Front, Great War, British army elite, Commander-in-chief of the British army.

Рассмотрение проблемы взаимоотношений на высших ступенях военной иерархии накануне и во время Первой мировой войны, а также процесс борьбы за возможность определять степень участия военных сил Великобритании на фронтах военного конфликта имеет принципиальное научно-исследовательское значение. Актуальным вопросом войны оставалось взаимодействие офицеров, непосредственно находившихся на полях сражений, и их коллег, располагавшихся в штабах и военных учреждениях. В данном вопросе находились диаметрально противоположные точки зрения, начиная от некомпетентности и неуместности занимаемых должностей в штабах до восхваления представителей штабов, которые лично старались вникнуть в ситуацию на поле боя, инспектируя свои участки фронта.

Военная стратегия Великобритании в период Первой мировой войны основывалась на тесном взаимодействии военной и политической элиты страны, а также на использовании военно-морского флота для обеспечения безопасности государства. Эффективное взаимодействие между военной и политической элитой сыграло ключевую роль в успехе страны в войне, несмотря на возникающие разногласия и проблемы в коммуникации.

Британским командующим экспедиционного корпуса приходилось обучаться умению командования большими формированиями непосредственно во время войны. Подчас ошибки и недочеты британской военной элиты приводили к большим потерям среди офицерского и рядового состава английской армии. Ужасную бойню и незначительные результаты можно было наблюдать в результате малой обученности солдат и офицеров, к тому же не имевших в достаточных количествах припасов и оборудования [5, Р. 51]. Британскому верховному

командованию не оставалось другого пути кроме как методом проб и ошибок обучаться новой тактике ведения боя.

Первый год войны характеризовался началом эволюции как самой британской армии, ее структуры, так и взаимоотношений среди представителей военной элиты. Во многом это было связано с личностью главнокомандующих британской армии. Так, штаб при Френче представлял собой единую систему, в которой постоянно кипела работа. Каждый день Френч проводил в окружении офицеров штаба, а каждое утро начиналось с обсуждения ситуации с начальником Генерального штаба, генерал-адъютантом, генерал-квартирмейстером и начальником разведки, в то время как Хейг, сменивший Френча на этой должности, больше времени проводил в одиноком размышлении [18, Р. 159].

Сражения 1915 г. заставили развивать новые технологии, увеличивать количество тяжелой артиллерии, строить танки и самолеты. Британское верховное командование на начальном этапе войны действовало недостаточно эффективно и слаженно ввиду неспособности наладить должное управление войсками и коммуникации. В 1915 и 1916 гг. англичане не смогли организовать столь необходимую систему обучения и методiku принятия решений [21, Р. 87]. Однако заслугой британцев в 1915 г. являлся прогресс в умении использования воздушной разведки, артиллерийского огня и удушающего газа в помощь пехоте, а также появление первых дивизий так называемой «армии Китченера». В 1916 г. была стабилизирована ситуация с производством снарядов и начали использоваться пулеметы Льюиса [2, Р. 6]. В 1916 г. в общественном пространстве стран-участниц конфликта стало преобладать мнение о прекращении бессмысленной бойни. При обсуждении военной ситуации и сроках завершения войны в ноябре 1916 г., на заседании военного комитета в протоколе было сказано: «Общественное мнение возлагает ответственность за ведение войны на политических деятелей и в первую очередь на тех министров, которые входят в состав военного комитета. Общество может простить все, кроме пассивности и бездействия» [22, С. 597].

На протяжении войны общественное мнение, во многом, складывалось под влиянием средств массовой информации. Во время Пашендальского наступления 1917 г., которое обернулось трагедией для британской армии без видимых тактических результатов на фронте, многие газеты преподносили информацию о ходе наступления в искаженном виде. Верховное командование пыталось создавать впечатление о неизбежности большой победы. По замечаниям премьера того времени «корреспонденты газет на фронте находились во власти штабов, а крупные публицисты и издатели внутри страны были совершенно опутаны верховным командованием. Лорд Нортклифф, начиная с 1916 г. служил барабанщиком сэра Дугласа Хейга и рупором сэра Уильяма Робертсона» [22, С. 320]. В результате контрнаступления немцев после британской танковой атаки при Камбрэ, газета «Таймс» освобождала Дугласа Хейга от ответственности в продвижении немецких войск, возлагая ответственность за выбор подчиненных, которые как раз и являлись виновными в контрнаступлении немцев, только на главнокомандующего [22, С. 345].

К 1918 г. британскому командованию удалось повысить эффективность использования войск путем делегирования части полномочий командующим корпусов английской армии. Ко времени «100 дней» представители элиты пришли к заключению, что лучшим решением проблемы быстрого принятия решений является наделение корпусных генералов ответственностью за военные операции. Тем самым руководство армии разрабатывало общий план наступления, а конкретные детали операций должны были решать командующие, непосредственно находящиеся вблизи фронта. Успехи союзников в 1918 г. и конкретно англичан были обусловлены изменением в мышлении и опытом предыдущих сражений. В том числе произошли

серьезные изменения в скорости принятия решений и общем темпе операций, о чем писал бригадный генерал британского экспедиционного корпуса Джон Кисзели [11, Р. 57].

Большое значение представителями английской элиты, а именно Дугласом Хейгом, придавалось «Правилам полевой службы» (Field Service Regulations). Идея Хейга основывалась на вере в малоизменчивость природы войны, ставя во главу угла человека и его качества во время сражения. Он был уверен в том, что каждая война обладает своими особенностями, исходя из этого, определенные новшества и коррекция необходимы, однако должны существовать основополагающие принципы, благодаря которым эти изменения будут казаться незначительными [4, Р. 343]. Британский генерал уделял особое внимание правилам службы на протяжении всего конфликта, еще будучи командующим 1-го корпуса британского экспедиционного корпуса в 1914 г. и заканчивая главнокомандующим английской армии в 1918 г. После битвы у Эпеи в сентябре 1918 г. Хейг благодарил своих подчиненных, уповая на их знания в военном деле, основанные на опыте и практике, доведенные до автоматизма при усвоении правил полевой службы [16, Р. 150].

Современники считали главнокомандующего человеком, доверяющим испытанным средствам ведения войны и уделяющим мало внимания изобретениям и их использованию во время военных действий. Это обстоятельство объясняется периодом обучения Дугласа Хейга в штабном колледже, где акцент делался на изучение военного опыта времен европейских кампаний Наполеона и франко-прусской войн, при котором в первую очередь уделяли внимание мобильности войск. Само сражение разбивалось на несколько этапов, начиная с подготовки, нанесения основного удара и окончания сражения. Окончание сражения подразумевало использование кавалерии, причем Хейг в своих записях утверждал, что при наличии кавалерии у немцев во время их весеннего наступления 1918 г., они могли бы рассчитывать на прорыв фронта между английскими и французскими позициями [4, Р. 328].

Другим важным фактором в мировой войне, по мнению Хейга, являлись моральные качества и боевой дух солдат и офицеров. Высоких результатов данных показателей можно было добиться только благодаря наступательной тактике, для стороны, находящейся в обороне необходимо хорошее обеспечение снаряжением, питанием и хорошим сном, при помощи чего можно сохранить высокие показатели боевого духа [4, Р. 325]. Именно по этим причинам Хейг не возлагал большие надежды, в чем его нередко обвиняли, на достижения техники и использование новых технологий, на примере танков [4, Р. 329-330]. Стратегия британской армии, которой придерживался Хейг, во многом основана на положениях Правил полевой службы. Поддержание боевого духа, характер взаимодействия отдельных частей армии, сотрудничество армии и флота, свобода действий офицеров во время выполнения приказов, отданных от вышестоящих командиров, условия ведения различных типов боя, которых придерживался главнокомандующий английской армии во время Первой мировой войны, повторяли главы Правил полевой службы [7, Р. 1-12]. Однако, если в начале войны Британский экспедиционный корпус рассматривался, как главное орудие осуществления мысли главнокомандующего, то с 1915 г. отдельные его части, то есть корпуса получали большую самостоятельность в вопросе принятия решений, а общее количество корпусов было увеличено, исходя из условий и роли английских сил в войне, что понимал Дуглас Хейг.

Изменения коснулись как «Правил полевой службы», так и других учебных пособий. Британское командование начинало убеждаться в необходимости дополнения данного устава и правил уже к концу первого года войны. Это было связано с недостаточным для войны такого масштаба количеством офицеров, которых стали массово призывать параллельно с увеличением общей численности британских войск, которые порой не имели достаточных знаний для своих должностей, в то время как Правила были рассчитаны на людей, обладающих

достаточными теоретическими знаниями. Причем некоторые представители военной элиты высказывали опасения в вопросе подготовленности офицеров для полного понимания этих правил. На конференции, состоявшейся в штабном колледже в 1913 г., лейтенант-полковник Эдмондс, командующий 4 пехотной дивизией, приводил в подтверждение слова своего австралийского коллеги, который жаловался на необходимость интерпретации многих правил [17, 279/48]. Сэр Уильям Робертсон в 1915 г. начал программу пересмотра подготовки офицеров, исходя из конъюнктуры войны. Начальник Генерального штаба настаивал на необходимости пересмотра и переработки пособий для подготовки офицеров, однако это не касалось Правил полевой службы.

Отдельным важным вопросом во время войны было применение новых видов вооружения и организация новых структур в армии. В результате первого применения танков, пришло осознание перспективы данного новшества в условиях войны, даже к тем, кто изначально был скептически к нему настроен среди представителей военной и политической элиты Великобритании. В 1917 г. командиры танковых бригад могли разрабатывать свои планы операций исключительно с одобрения командующих корпусов, к которым они были прикреплены, несмотря на существенное изменение статуса танковых бригад с битвы на Сомме [1, WO 95 805].

К началу осуществления битвы при Аррасе в 1917 г. были учтены недочеты сражения у Соммы, штабы корпусов и дивизии стали более опытными и сократилось количество ошибок при определении ответственности, как и скорости передачи информации. Корпус имел взаимодействие со стратегическими вопросами, в то время как дивизии занимались тактическими моментами. Планирование операций стало носить стандартизированный и рутинный характер. Генерал-майор королевской артиллерии (MGRA – Major-General, Royal Artillery (the adviser for that arm at Army HQ)), являвшийся советником при штабе армии, осуществлял общий контроль по вопросам применения артиллерии, в то время как командующий королевской артиллерии (GOCRA – General Officer Commanding, Royal Artillery (the usual term for a corps artillery commander from 1916)) принимал непосредственные решения по ее использованию на местах, опираясь на предложения командующих артиллерий при штабе дивизии (CRA – Commander, Royal Artillery (the usual term for a divisional artillery commander)). Основные приемы использования артиллерии были стандартизированы, что позволяло представителям «неспециалистам» понимать концепции использования артиллерии. Подобная система взаимоотношений на разных уровнях армии не была окончательно выработана в других новых видах вооружений, что не позволяло использовать их эффективно. Несмотря на отлаженную структуру передачи информации и подчинение в английской армии, штаб корпуса не мог в полной мере контролировать ситуацию на поле боя, поэтому он был вынужден делегировать часть своих полномочий людям на местах.

Существенной по своей актуальности и масштабам споров являлась проблема взаимоотношений генералитета и фронтовых, окопных офицеров [9, (25 February 1915) Vol. 70]. Данный вопрос является дискуссионным в историографии Первой мировой войны, и актуальным для армий всех стран и всех уровней. Одни исследователи обвиняли генералитет армий в организации бессмысленной бойни, другие пытались найти обоснования потерь. Отдельные исследователи доказывали взаимодействие командующих друг с другом на всех уровнях при разработке наступлений, другие исключали какое-либо вмешательство командующих, начиная с командиров дивизий [20, P. 105-107].

Актуальным вопросом войны оставалось взаимодействие офицеров, непосредственно находившихся на полях сражений и их коллег, располагавшихся в штабах и военных учреждениях. В данном вопросе находились диаметрально противоположные точки зрения, начиная от некомпетентности и неуместности занимаемых должностей в штабах, до восхваления

представителей штабов, которые лично старались вникнуть в ситуацию на поле боя, инспектируя свои участки фронта. Представителей английской общественности интересовал вопрос численности британских штабов особенно в сравнении с французскими союзниками на фронте, поскольку многие назначения в штаб были весьма сомнительны с практической точки зрения [10, (16 November 1915) Vol. 20. Col. 360-365].

Несмотря на важность принимаемых военной элитой решений, строгий характер взаимоотношений генералов, начиная с уровня корпуса со своими подчиненными, влияние на ход сражения уменьшалось пропорционально удаленности от фронта. Если данный принцип плохо просматривался в первые месяцы войны, то при планировании и проведении операции 1916 г. и далее он подтвердил свою достоверность. Степень наивысшего влияния командующего армией можно было наблюдать во время планирования наступления и на данном этапе многое зависело от учета деталей и трудностей будущего сражения. Уже после начала сражения только командующий корпус из представителей военной элиты данного уровня мог оказать прямое влияние на ход сражения, отдавая прямые приказы артиллерии, которая находилась в его непосредственном подчинении. Несмотря на желание многих командующих корпусов английской армии отдавать приказы во время сражения представителям дивизий и ниже, оно было трудноосуществимо ввиду сложности передачи информации на фронт, в то время как доставить приказы командующему королевской артиллерии не являлось большим затруднением. Хотя даже в вопросе передачи приказов артиллерии наблюдались затруднения, что не позволило развить наступление при Аррасе в 1917 г. [5, P. 542]

Остается острым вопрос о том, кого следует считать виновным в таком количестве военных потерь во время данной войны, невиданных в предыдущие военные столкновения. Планирование военных операций было одной из основных функций штаба корпуса в английской армии во время Великой войны. Все разрабатывалось с детальной четкостью вплоть до секунды. Один из участников битвы на Сомме генерал Хантер-Вестон сообщал своей жене: «Я со своим штабом сделал все возможное для достижения успеха. Теперь мне остается только отдыхать до того момента, пока не начнется наступление» [14, P. 59]. Многие генералы придерживались подобной точки зрения и считали, что успех операции зависит в первую очередь от планирования. Однако Хантеру-Вестону все же пришлось принимать активное участие в данном сражении и изменять, либо вносить коррективы во время сражения [14, P. 59]. В свою очередь, командующий XIII корпуса бригадный генерал Вальтер Норрис Конгрив не вмешивался в ход операций [5, P. 337-340]. Это и вызывало недовольство солдат и офицеров, непосредственно участвующих в сражении, которые не видели своих командующих на поле боя и строили различные теории о причинах их отсутствия, начиная от трусости и заканчивая различного рода заговорщическими теориями. Сами генералы и сторонники защиты репутации генералитета объясняют «невмешательство» и отсутствие командующих на передовой хорошей организованностью и спланированностью операций, что исключало необходимость всякого вмешательства.

Много дискуссионных вопросов в среде военных возникало о времени наступления. Днем было невозможно наступать по объективным причинам, в то время как ночью было тяжелее ориентироваться на поле боя. Во время битвы на Сомме благодаря совместным усилиям командующего 9 дивизией генерала Фурса и самого XIII корпуса генерала Конгрива, было принято решение использовать время перед рассветом для наступления [14, P. 60]. Однако данное предложение не явилось неожиданным для немцев. Наряду с отсутствием стратегической внезапности и очевидной медлительностью, англичанам не хватало людей и снаряжений для проведения решающей атаки во время сражения на Сомме.

Последующее развитие тактики военных сражений было связано с вопросами захвата территории врага после артобстрела. В тесном контакте работали офицеры пехоты и артиллерии, главной задачей которых было успеть овладеть окопами врага после того, как закончится артобстрел на одной территории и переместится далее по плану операции. Из опыта наступательных операций войны, стала проявляться вся сложность данной задачи, и во многом успех зависел от организации действий и планирования, однако непредвиденные обстоятельства на поле боя тоже приводили к провалу операции на отдельных участках сражения. Командующий 4-й армии Роулинсон на совещании командующих подразделений 4-й армии выслушивал мнения командиров корпусов и штабов, и только затем принимались решения о плане конкретного наступления и взаимодействия структурных элементов армии во время самого сражения [12, Р. 53-54]. Вопрос единого командования неоднократно поднимался со стороны командующих дивизий и корпусов. Так, неудачи наступления командующий 51-й дивизии генерал-майор Харпер, а точнее тот факт, что английские солдаты попали под огонь своей артиллерии, связывал с излишней порывистостью своих подопечных и медленным переносом зарядительного огня. Причем причинами данной неудачи он недвусмысленно называл отсутствие централизованного командования [14, Р. 76]. Командующий 2-й дивизии генерал-майор Уолкер сообщал Феншоу о возможной неудаче в связи с тем, что отдельные его бригады не были ознакомлены с местностью, получив в качестве контраргумента ответ об отсутствии альтернатив.

Командующие армии, пытаясь выявить причины неудач во время наступлений 1916 г., обвиняли командующих корпусов и их штабы в возложении чрезмерных обязанностей на командиров дивизий и отсутствии контроля со стороны штаба корпуса за их проведением. В результате октябрьских наступлений 1916 г. штабами армии ясно осознавался тот факт, что командиру корпуса было невозможно осуществлять контроль за действием всех дивизий одновременно и функции должны были быть сведены к контролю временных рамок наступления и их корректировке.

Важным следствием провального наступления английской армии стало издание 4-й армией документа «Artillery Lessons of the Battle of the Somme», что можно назвать своеобразной работой над ошибками [14, Р. 77]. В данном документе центральным вопросом оставался вопрос взаимодействия командующих артиллерии с представителями разных армий, дивизий и корпусов. Еще один памфлет был издан Генеральным штабом в декабре 1916 г. под названием «SS135» или «Instructions for the Training of Divisions for Offensive Action». В этом памфлете на 89 страницах были разработаны основные правила наступательных операций и методологические основы новых условий войны. В памфлете содержались замечания по использованию артиллерии. Правила полевой службы до сих пор оставались основным документом, согласно принципам которого велась война, а данный памфлет использовался для подготовки к наступлению подготовленных позиций. При этом в памфлете учитывался процесс подготовки операции, во время которого штаб корпуса будет распределять задачи между дивизиями и бригадами, функцией которых было разработать свой план действий. Однако данный план должен был быть утвержден представителями штаба корпуса и только затем мог быть осуществлен [14, Р. 87]. Представители генерального командования королевской артиллерии координировали свои действия с представителями дивизий и бригад, и должны были учитывать любое их предложение, способное привести к успеху операции [15, Р. 75]. Для соответствующей координации действий главный акцент ставился на средства коммуникации и скорости передачи приказов в структурных подразделениях английской армии. В начале 1917 г. были даже изданы памфлеты, еще раз подтверждавшие важность и необходимость коммуникаций, в частности применения телефонной связи на фронте [14, Р. 94].

Тот факт, что необходимость применения пулеметов и минометов находилась в руках у командующего дивизией, показывает приоритет главнокомандующих Великобритании в вопросе о том, какую единицу считать главной на поле боя. Однако в вопросе подготовки и начала операции ведущее место оставалось за артиллерией. Вопросы применения артиллерии оставались за генеральным командованием артиллерии, но все выполнялось с одобрения командующего корпусом и при согласовании штаба армии [15, Р. 8-9]. Аналогичным было положение и в отношении применения танков, которые находились в резерве армии и могли быть применены в сражении только с разрешения командующего армии. Однако во время сражения при Аррасе выдвигались мнения о необходимости передачи решения относительно применения танков штабам корпусов и даже бригад, которые лучше знали конкретную ситуацию и ориентировались на местности [15, Р. 99].

Важным изменением в начале 1917 г. являлось обязательное присутствие офицеров разведки во время проведения операций. Данные офицеры должны были докладывать информацию в штаб дивизий к которой они были прикреплены. Генеральный штаб тем самым принял попытку получения информации с поля сражений альтернативным способом.

Во время английского весеннего наступления 1917 г. военное руководство предпринимало попытки узнавать информацию напрямую с линии фронта. Генерал Пламер отправил в каждый из корпусов своей армии молодых офицеров связи, задачей которых было проводить минимум две ночи в неделю с одним из 30 батальонов корпуса и докладывать о ситуации на поле боевых действий [13, Р. 157]. Хотя Пауэлл не сообщил более подробной информации о месте этих офицеров в структуре армии, помимо указанной функции они должны были оказывать помощь в координации действий дивизий и батальонов [14, Р. 107]. Офицеры должны были отправиться в штаб корпуса, после своих «рейдов» и отправить информацию по связи или с помощью гонца в штаб армии, однако это не исключало нахождения офицеров непосредственно во время сражения на линии фронта. Данные офицеры должны были докладывать о степени взаимодействия дивизий и батальонов, об уровне работы немецкой артиллерии, на захваченной территории нужно было сообщить о слабых и сильных местах новой местности и о возможностях по улучшению уровня коммуникаций. У офицеров возникали сложности физического плана, связанные с трудностью передачи информации во время наступления [13, Р. 157].

Во время 3-го сражения у Ипра в 1917 г. главной проблемой для командования и всей английской армии оставалась проблема связи. Штабы дивизий должны были координировать свои действия напрямую с летной эскадрильей. Кроме того, была отмечена значимость офицеров на линии фронта, и одновременно недостаточность подготовленных офицеров для быстрой передачи информации. В условиях войны визуальная передача информации играла иногда решающую роль и скорость координации действий зависела от офицеров дивизий и корпусов [14, Р. 121]. В качестве примера, показывающего скорость передачи информации, можно назвать наступление X корпуса 20 сентября 1917 г. Корпус должен был захватить опорную точку врага к 9:40, однако информация от штаба 41-й дивизий, которая непосредственно осуществляла исполнение данной задачи, пришла только в 11:42 со сведениями о провале задачи. Данный пример иллюстрирует быструю передачу информации из дивизии в корпус, что являлось редкостью для времен Первой мировой войны [14, Р. 138].

Также было пересмотрено отношение к планированию наступлений к периоду лета 1917 г. В меморандуме Джона Дэвидсона, одного из представителей Генерального штаба Британского экспедиционного корпуса, было предложено разрабатывать наступление, разбив его на несколько этапов. В своем меморандуме Дэвидсон предлагал осуществлять наступление серий поэтапных, ограниченных атак, что позволило бы подтянуть артиллерию и наладить

средства связи на захваченной территории. Размеры этой территории были определены как не менее 1500 и не более 3000 ярдов. При данных параметрах часть артиллерии могла обеспечивать заградительный огонь, а другая часть артиллерии могла передвигаться на новые позиции. Несмотря на схожие взгляды в вопросах тактики и стратегии, среди военной элиты находилось немало людей, считавших виновным в отрицательных результатах наступления весны 1917 г. именно командующего 5-й армией Гофа.

Новые виды вооружений, созданные во время войны, постепенно стали передаваться под контроль корпусов и дивизий. К наступлению лета 1917 г. только вопрос использования газового оружия оставался компетенцией штаба армии и выше. Больше внимание после весеннего наступления 1917 г. англичане стали уделять работе с местностью. В частности, разрабатывались модели местности, и командующие разных уровней армии имели большие возможности при разработке плана будущих операций. Во время осуществления операции авиация собирала информацию о передвижении войск и передавала ее в штабы дивизий и корпусов, которые могли оценить характер сражения и степень осуществления операции.

Ко времени 3-го сражения у Ипра отношения между представителями штаба 5-й армии Гофа и командующими штаба корпуса стали носить более консультативный характер. Представители штаба корпуса посещали штабы дивизий и должны были удостовериться, что на уровне дивизий и батальонов офицеры знают свои задачи во время наступления [6, Р. 239-40].

Отношения между подчиненными во 2 армии Пламера не сильно отличались от отношений в 5-й армии. К осени 1917 г. разработка планов операций становилась более стандартизированной. Несмотря на данный факт, подготовкой солдат, офицеров, отдельных видов войск не только не пренебрегали, но еще более ужесточили и старались отточить конкретные действия. В отчете школы по подготовке XVIII корпуса во время летней кампании 1917 г. были организованы курсы для командиров рот, офицеров связи, курс по подготовке к стрельбе из пулеметов Льюиса. В общей сложности подготовку прошли 3142 солдата этого корпуса [14, Р. 142].

В сражении при Камбре в конце 1917 г. использовались все наработки предыдущих операций, более важную роль стал играть танковый корпус. В IV корпусе при организации наступления английских войск были использованы силы офицеров туннельной кампании Новой Зеландии, которые помогали в поиске источников водоснабжения войск. Командование королевских инженеров взяло на себя функции контроля за состоянием дорог, мостов и передачу этой информации в подразделения армии.

Во время первых сражений в ноябре 1917 г. наблюдалась потеря связи между командованием корпуса и структурными подразделениями, даже дивизионные командующие не могли с точной уверенностью сообщить информацию о состоянии и нахождении своих войск [5, Р. 142].

В сражениях 1918 г. командованием британской армии был сделан акцент на организацию обороны. Командованию корпусов были предоставлены инструкции по организации обороны. Участок передовой отдельного корпуса условно был поделен на 3 зоны действий. Передовая зона должна была иметь аванпосты, расположенные в шахматном порядке, подкрепленная мобильными резервами, которые представляли собой полноценные подразделения, действующие по инициативе своих командующих и при необходимости управомоченные совершать контратаки. Другие зоны находились на некотором расстоянии от передовой зоны и контратаки, в случае захвата первой зоны, должны были проводиться по усмотрению командующего дивизии, ответственного за свой участок фронта [14, Р. 167]. Командующие корпусов подчеркивали необходимость подготовки плана контрнаступления дивизионными командующими и ниже, в случае удачного наступления противника. При этом в задачу командиров

дивизий входило обеспечение связи, согласование действий и взаимной поддержки фланговых подразделений всех уровней. Командование армии брало на себя обязанность обеспечения тыловой зоны, в то время как на передовой все было в сфере ответственности корпуса и нижестоящих уровней, вплоть до того, что командиры подразделений должны были объяснять солдатам для чего они копают окопы и какова их роль в общей схеме обороны.

По возможности проводились краткосрочные подготовительные курсы для командиров дивизий и бригад, основной целью которых являлось ознакомление с новыми аспектами организации оборонительных позиций. Командующий XVIII корпуса генерал Макс организовал обсуждение со своими подчиненными в середине февраля 1918 г., которое было весьма оживленным, несмотря на присутствие представителей командующего армией [8, Р. 214]. В последних числах февраля была организована подобная конференция для командиров рот и взводов, которые осознав все необходимые нюансы плана английского верховного командования, должны были изъяснить отдельные элементы своим подчиненным [8, Р. 221-222]. Во время этих конференций были рассмотрены вопросы организации работы артиллерии, что вызвало многочисленные споры, главным из которых стал вопрос о скорости отдачи приказов. Представители штаба корпуса получили перечень вопросов, которые они должны были задавать представителям дивизий и батальонов, при проверке боеготовности отдельных частей [14, Р. 168].

В английской армии можно было проследить тенденцию возрастания более строгого характера отношений между руководством и подчиненными с каждым последующим уровнем командования. Это можно объяснить тем, что представители дивизий, корпусов должны были непосредственно приводить в жизнь планы, составленные верховным командованием, что приводило к ответственности за жизнь своих солдат, находящихся в окопах. В связи со сложностью осуществления задач в условиях войны, верховное командование давало некую свободу в принятии конкретных решений по организации операций, следя при этом за осуществлением общего плана.

Наступление немцев в районе Ипра в марте 1918 г. оказалось неожиданным для британского командования, которое не обеспечило необходимое комплектование 3-й и 5-й армий. Немецким войскам удалось захватить инициативу во время этого наступления, что подкреплялось успешной тактикой пехоты, сумевшей прорвать недостаточно организованную линию обороны англичан. В результате невозможности удержания позиций отдельных участков дивизий, было принято решение выравнивания линии обороны. Генерал-лейтенант Конгрив, командующий VII корпуса, на встрече с командующими своих 21-й и 16-й дивизии, приняли такое решение [14, Р. 174].

В результате сложившейся ситуации отступления британской армии и неразберихи на линии фронта, были предприняты попытки найти «козлов отпущения». Их пытались отыскать среди командующих армий и корпусов, на линии фронта которых было осуществлено самое успешное наступление немецкой армии. В свою очередь, стереотип о трусливости английского армейского командования был в определенной степени развит благодаря исследованиям историков Первой мировой войны. В частности, официальный историк войны Эдмондс во время общения с Лиддел Гартом, обсуждал слух о том, что генерал Макс покинул штаб своего корпуса после того, как рядом с ним разорвался немецкий снаряд [3, Р. 195-198]. Другой исследователь Трэворс в своем труде высказывался о полной потере контроля управления своих войск со стороны командующих армий и корпусов. Несмотря на действительно серьезный ущерб, нанесенный средствам связи англичан в результате немецкой бомбардировки, английские командующие выезжали в расположение своих дивизий для получения информации и оценивания ситуации на фронте [14, Р. 175].

Наступление союзников летом-осенью 1918 г. не вызвало острых дискуссий в английской историографии. Вопросы виновности в потерях людских ресурсов, некомпетентности командующих английской армии фактически не поднимались и перед исследователями стояла задача проанализировать и объяснить причины успехов войск Сердечного согласия на данном этапе войны. Различные мнения были высказаны исследователями по данному вопросу: начиная с субъективных мнений, основывающихся на мужестве солдат Антанты и заканчивая объективными причинами, связанными с истощением многих видов ресурсов и невозможностью их пополнения у блока Центральных держав [19, Р. 175-182].

В 1918 г., с учетом анализа предыдущего опыта войны и военных операций, произошли очередные изменения в процессе подготовки войск и разработки планов военных операций. В последний год войны характер проведения военных операций требовал большей продуманности вопросов возможного наступления, а аспектом мобильности войск и продовольствия уделялось большее внимание [15, Р. 60]. Однако после весеннего наступления британское командование и лично Хейг не спешил с подготовкой наступательных операций английских войск из-за опасения повторного наступления немецких войск на Западном фронте [14, Р. 190].

Присутствие командующего войсками прорыва во время наступления было обязательным условием. Отсутствие командующего дивизией или бригады, координирующего действия войск на местах и организующего резервы, могло сказаться на темпах наступления и успехе всей операции. Значимость присутствия командующего подчеркивалась недостатком фактического изменения надежности средств связи, особенно в период сражения и артподготовки [14, Р. 192].

Излишние переживания и желания контролировать все фазы военной операции – от составления плана до решения отдать приказ отдельному батальону во время сражения, приводили к неутешительным результатам. Подобное можно было увидеть в 4-й армии Гофа, который сосредоточил в своих руках все нити управления вплоть до того, что издал приказ, обращенный к командующим дивизий и бригад, о том, как правильно организовать атаку на местах. Ошибка Гофа показала высшему командованию необходимость децентрализации власти во время проведения операции и делегирования части полномочий и обязанностей командующим на местах.

Подводя итог, необходимо отметить наличие объективных причин, заставивших верховное командование отсутствовать непосредственно на полях сражений, которые не были связаны напрямую с личными качествами руководителей британской армии. Если во время войны, вопросы ответственности за промахи в операциях успешно нивелировались руководителями газетных изданий, то после окончания конфликта исследования, посвященные изучению данного вопроса, наталкивали читателей на мысль о важной доле ответственности военной элиты страны, которая основалась на слухах и непроверенных фактах.

По мере развития конфликта и роста численного состава британской армии верховное командование британских сухопутных сил делегировало большую часть своих полномочий руководителям уровня армии и корпуса. Представители корпуса начинали играть важную роль после сражения на Сомме и все больше решали тактические задачи на своих участках фронта. Верховное командование пыталось установить контроль над руководителями социальной иерархии в армии посредством разработки правил наступления в виде памфлетов. Важная проблема времен Первой мировой войны, заключающаяся в передаче информации, перешла в зону ответственности руководителей корпусов, как и варианты использования новых видов вооружения. В последний год войны усилия верховного руководства, руководителей армии и корпусов были сфокусированы на оборонительных аспектах, во многом объяснявших характер Первой мировой войны на суше.

Библиографический список

1. 56th Division GA67, 25th March, 1917. See VII Corps G CR 604 313, 6th April 1917, for confirmation of this. Both WO 95 805, PRO.
2. Atter N. A Difficult Year. Offensive Operations on the Western Front in 1915 // The Western Front Association Stand To. № 104.
3. Baynes J. Far from a Donkey: The Life of General Sir Ivor Maxse. London and Washington, 1995.
4. Boraston J.H. Sir Douglas Haig Despatches. L., Toronto, 1919.
5. Edmonds J. History of the Great War Military Operations, France and Belgium 1914–18, 14 volumes plus appendices and maps. Macmillan and HMSO, 1922–1948Ю 1915. Vol 2.
6. Farrar-Hockley A. Goughie, L., 1975.
7. Field Service Regulations. L., 1909.
8. Fraser D. In Good Company: The First World War letters and diaries of the Hon. William Fraser. Salisbury, Wilts, 1990.
9. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons. Series 4. (25 February 1915) Vol. 70.
10. Great Britain Parliamentary Debates. Lords Chamber. (16 November 1915) Vol. 20. Col. 360-365.
11. Kiszely J. The British Army and Approaches to Warfare since 1945. Military Power. Land Warfare in Theory and Practice. L., 1997.
12. Pidgeon T. The Tanks at Flers. Cobhain, Surrey, 1995.
13. Powell G. Plumer-The Soldier's General. L., 1990.
14. Simpson A. The Operational Role of British Corps Command on the Western Front, 1914–18. Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. L., 2001.
15. SS 135 The Training and Employment of Divisions, 1918. L., January 1918.
16. Terraine J. To Win a War: 1918, the Year of Victory. L., 1978.
17. The National Archive Great Britain. War Office: Directorate of Military Operations and Military Intelligence, and predecessors. Report on a Conference of General Staff Officers at the Royal Military College. 13th to 16th January, 1913. 279/48, PRO.
18. The Times. History of the War. Vol. IV. L., 1915.
19. Travers T. How the War Was Won. Command and Technology in the British Army on the Western Front 1917–1918 (London and New York: Routledge, 1992).
20. Travers T. The Killing Ground. The British Army, the Western Front and the Emergence of Modern Warfare. 1900–1918. L., 1987.
21. Travers T. The Learning and Decision-Making on the Western Front, 1915–1916: The British Example // Canadian Journal of History, Vol. 18. April. 1983.
22. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. I-II. М., 1934.

Сведения об авторе:

Шендыгаев Дмитрий Игоревич, аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: shendugaev@inbox.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУ-НАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327

С.В. Зайцев

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ

Аннотация: Территория Персидского залива всегда находилась в центре внимания правительств соседних стран и мировых держав. Воды Персидского залива с его многочисленными островами и протяженной береговой линией издавна считались колыбелью цивилизации и местом, где различные народы обменивались культурой и товарами. Статья посвящена актуальной теме российско-китайского сотрудничества в области безопасности в стратегически важном регионе Персидского залива. В последние годы интерес Китая и России к этому региону растет с каждым днем, а торговля и сотрудничество со странами Персидского залива для Китая и России сегодня важнее, чем в прошлом. Динамика российско-китайского взаимодействия в области региональной безопасности прослеживается на основе анализа общедоступной информации. Особое внимание в исследовании уделено механизмам взаимодействия во всех направлениях политики в этой области. В исследовании отмечается, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика имеют много схожих интересов в своих инициативах. Это требует координации усилий двух стран по созданию системы коллективной безопасности в регионе Персидского залива и более активного участия КНР и РФ в решении политических проблем региона. Результаты исследования не только пролили свет на текущую ситуацию в сфере безопасности, но и определили возможные пути дальнейшего развития инициативы.

Ключевые слова: Сотрудничество, Россия, Китай, Персидский залив, региональная безопасность, экономика, политика, Иран, США, Саудовская Аравия, конфликты, торговый маршрут

Zaitsev S.V. Russia-China security cooperation in the Persian Gulf

Abstract: The Persian Gulf area has always been at the centre of attention of the governments of neighbouring countries and world powers. The waters of the Persian Gulf with its numerous islands and long coastline have long been considered the cradle of civilisation and a place where different nations exchanged culture and goods. The article is devoted to the topical issue of Russian-Chinese cooperation in the field of security in the strategically important Persian Gulf region. In recent years, China's and Russia's interest in this region has been growing day by day, and trade and co-operation with the Gulf countries are more important for China and Russia today than in the past. The dynamics of Russian-Chinese interaction in the field of regional security is traced on the basis of analysing publicly available information. The study pays special attention to the mechanisms of interaction in all policy areas in this field. The study notes that the Russian Federation and the People's Republic of China have many similar interests in their initiatives. This calls for coordination of the two countries' efforts to create a system of collective security in the Persian Gulf region and more active participation of the PRC and the Russian Federation in solving the region's political problems. The results of the study not only shed light on the current security situation, but also identified possible ways to further develop the initiative.

Keywords: Cooperation, Russia, China, Persian Gulf, regional security, economy, politics, Iran, US, Saudi Arabia, conflicts, trade route

Регион Персидского залива традиционно подвержен влиянию внешних сил. Процесс трансформации в регионе подтолкнул Россию и Китай к осознанию необходимости новой внешней политики в регионе. Если Соединенные Штаты и Россия уже давно борются за влияние на Ближнем Востоке, то Китай - относительно новый игрок. Если

раньше Пекин концентрировался исключительно на экономических вопросах, связанных с Ближним Востоком, то сегодня он смотрит на регион по-другому и стремится расширить свое политическое и военное участие. Очевидно, что и Россия, и Китай хотят свести к минимуму влияние США в регионе. [1, С. 26]

Россия и Китай считают Персидский залив одним из ключевых регионов, поскольку возникающие там вызовы безопасности затрагивают их интересы. В последние годы регион Персидского залива приобрел особое значение для обеих стран в контексте их всей ближневосточной политики. Об этом свидетельствуют торговые отношения России со странами Персидского залива, в частности, отношения Москвы с Ираном и Саудовской Аравией. Торговля со странами Персидского залива расширила внешнеэкономические связи России и снизила ее зависимость от традиционных партнеров. На фоне санкций, введенных против России Западом, особую актуальность приобретает расширение торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России со странами региона. Китай, в свою очередь, является одним из ключевых партнеров стран Персидского залива, в период с 2010 по 2020 год импорт нефти Китаем увеличился более чем в два раза. Саудовская Аравия, Ирак, Оман, Кувейт и ОАЭ являются основными поставщиками нефти в Китай. [2] Китайские компании расширяют свое присутствие в инфраструктурных и технологических проектах в регионе. Китайские банки финансируют ряд крупномасштабных проектов, включая строительство новой административной столицы Египта, а китайские строительные компании участвуют в строительстве первой железной дороги в ОАЭ. [3] В 2022 году инвестиции Китая в инфраструктуру в рамках инициативы «Один пояс, один путь» выросли на 42%, а количество строительных проектов, в которых он участвовал, увеличилось на 26% по сравнению с 2021 годом. [4]

Защита экономических интересов в регионе важна как для Китая, так и для России, которые исторически выступают против вмешательства внешних сил в дела региональных государств в нарушение международного права. В 2016 году правительство Китая выпустило документ о политике Китая в отношении арабских стран (кит. Чжунго де алабо чжэнце вэньцзянь 中国的阿拉伯政策文件). [5] В документе подробно описаны интересы Китая в регионе, включая энергетику, торговлю и экономику, а также затронуты вопросы безопасности. В 2016 году Китай создал военно-морскую базу в Джибути в ответ на экономические и энергетические интересы Китая с целью защиты торговых путей из Азии в Европу через Баб-эль-Мандебский пролив, база расположена на побережье Джибути.

Персидский залив особенно важен для Москвы и Пекина, поскольку через него проходит крупнейшие в мире торговая артерии. Китай развивает проект «Один пояс, один путь», а Россия активно продвигает международный транспортный коридор «Север-Юг». Для Китая и России обеспечение безопасности международных перевозок имеет первостепенное значение. Большая часть международной торговли России осуществляется с помощью грузовых судов. Китай также полагается на морские перевозки при импорте нефти и газа и в некоторых других видах внешней торговли. Обеспечить безопасность морских перевозок - значит обеспечить экономическую безопасность двух стран. Поэтому для Китая и России важно сотрудничать в военно-морской сфере, особенно в совместной борьбе с региональной гегемонией и пиратством.

Развивая тему китайско-российского стратегического взаимодействия, стоит отметить, что не только Пекин заинтересован в выстраивании архитектуры безопасности стран Персидского залива. МИД РФ 24 августа 2021 года опубликовал Концепцию коллективной безопасности в зоне Персидского залива. [6] Российская концепция предлагает придерживаться поэтапного подхода: консультации с последующим созданием инициативной группы по разработке мер в области субрегиональной безопасности. Эта группа могла бы определить повестку

дня и подготовить все необходимые документы для проведения конференции по безопасности и сотрудничеству в Персидском заливе. Впоследствии, после ряда подобных встреч, столицы стран региона могли бы приступить к созданию Совета сотрудничества стран Персидского залива. В основу такой структуры мог бы быть положен принцип сотрудничества по вопросам безопасности, экономики и гуманитарным вопросам. Российское предложение предусматривает создание «антитеррористической коалиции заинтересованных сторон» для урегулирования конфликтов в регионе и обеспечения взаимных гарантий безопасности, что предполагает отмену «постоянного размещения на территории стран Персидского залива войск стран, не входящих в регион», а именно США, Великобритании и Франции. Предложение предусматривает создание «универсальной и всеобъемлющей» системы безопасности, которая учитывала бы «интересы всех региональных и других участников во всех сферах безопасности, включая военные, экономические и энергетические интересы».

Однако неясно, как убедить враждующие страны Персидского залива - Катар, Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Иран - сесть за один стол переговоров. Россия может использовать свое преимущество: она поддерживает хорошие отношения со всем и сторонами. Значительный вес предложению России придает поддержка Китая. КНР подчеркивает принцип невмешательства во внутренние дела других стран как важный аспект своей ближневосточной внешней политики. Избегая участия в региональных конфликтах, Китай старается сохранять нейтралитет и поддерживает хорошие отношения с Саудовской Аравией и Ираном. Секрет такого подхода заключается в том, что Китаю удастся поддерживать экономические связи с каждой страной, оставаясь в стороне от политических споров и конфронтации. Учитывая все благоприятные факторы, сотрудничество России и КНР по построению региональной безопасности имеет огромные перспективы.

Некоторые американские аналитики считают, что Соединенные Штаты больше не зависят от импорта нефти из Персидского залива из-за напряженности в отношениях с Ираном и снизили уровень своих обязательств, сократив численность американских войск, направляемых в этот регион. Восприятие всего негативного опыта Соединенных Штатов в странах Ближнего Востока может сделать российско-китайский подход более привлекательным в краткосрочной перспективе. [7]

Недавняя нормализация отношений между Ираном и Саудовской Аравией, достигнутая при посредничестве Китая, - это лишь верхушка айсберга в контексте серьезных перемен в Персидском заливе. Россия и Китай при поддержке Ирана, одного из ключевых игроков в регионе, играют важную роль в этих изменениях, которые могут надолго обеспечить стабильность в сфере безопасности региона и положить конец вмешательству Запада. Китай, как и Россия, поддерживает партнерские отношения с ключевыми игроками в регионе и может выступать в качестве арбитра в спорах, которые могут возникнуть между ними, что может быть очень полезно для построения долгосрочной безопасности.

Саудовская Аравия - крупнейший торговый партнер Китая в Западной Азии, а Китай - крупнейший торговый партнер Саудовской Аравии в мире. Саудовская Аравия стремится построить в Китае нефтеперерабатывающие и нефтехимические производства, использующие исключительно саудовскую нефть. Последние статистические данные о поставках нефти танкерами показывают, что Саудовская Аравия поставляет в Китай все больше и больше нефти. [8] Иран же помогает Китаю устанавливать торговые маршруты, на которые не смогут влиять США путем применения своих военно-морских сил. По мнению китайского руководства, Иран «не ладит с остальным Ближним Востоком», поэтому отношения с Ираном помогают изолировать Китай от давления со стороны США. Иран продвигает стратегические интересы Китая по всем направлениям: он поддерживает сокращение военного присутствия США в

западной части Тихого океана и направляет свои инвестиции в западную часть Индийского океана. [9, С. 35-36]

Учитывая сотрудничество по оси Китай-Иран-Россия, стороны могли бы определить сферу своей ответственности на Ближнем Востоке в целом. Одним из элементов стратегического маршрута российско-китайского сотрудничества может стать сочетание Международного транспортного коридора «Север-Юг», который формируется по маршруту Россия-Азербайджан-Иран-Индия, с китайской инициативой «Один Пояс, Один путь». С учетом этих факторов особое значение приобретает вопрос безопасности в Персидском заливе и Ормузском проливе.

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всестороннего партнерства и стратегического сотрудничества, опубликованная 16 мая 2024 года, уделяет особое внимание вопросам безопасности в регионе Персидского залива. [10] В документе говорится, что стороны будут активно сотрудничать в целях укрепления безопасности в регионе Персидского залива и оказывать содействие странам региона в укреплении взаимного доверия и достижении устойчивого развития. Заявление демонстрирует серьезность намерений России и Китая и то большое значение, которое они придают вопросам региональной безопасности. Можно сказать, что предпринятые в этой связи шаги способствуют укреплению партнерства между двумя сторонами.

Традиционная серия военно-морских учений «Пояс безопасности» также продемонстрировала позитивный настрой на углубление партнерства. Впервые учения были организованы в 2019 году и с тех пор проводятся ежегодно. Основная цель учений - укрепить военно-морское сотрудничество между тремя странами и продемонстрировать единство и совместные усилия по обеспечению безопасности в Индийском океане и соседних регионах Персидского залива. В 2024 году вблизи берегов Ирана прошли международные военно-морские учения с участием России, Китая и Ирана. Три страны объединили свои суда в две оперативные группы и провели спасательную операцию для двух иранских кораблей, игравших роль торговых судов. Под командованием эсминца ВМС Народно-освободительной армии Китая «Урумчи» (кит. Улумуци 乌鲁木齐) первая оперативная группа, состоящая из шести китайских и иракских военных кораблей, быстро заняла выгодную позицию, провела разведку захваченного пиратами макета торгового судна и направила малые корабли для подхода к торговому судну. Район учений - Оманский залив - расположен в северной части Аравийского моря, а Ормузский пролив соединяется с Персидским заливом, что имеет стратегическое значение с точки зрения международного судоходства. Трёхсторонние учения продемонстрировали усилия государств по организации защиты международного морского пути, а также обеспечению безопасности на море в регионе. [11]

Годом ранее военно-морские силы России, Ирана и Китая с 15 по 19 марта провели в Оманском заливе военно-морские учения «Пояс морской безопасности-2023». [12] Совместные военные маневры Китая, России и Ирана имеют большое политическое значение. Они демонстрируют твердую поддержку Китая и России в защите Ираном своей законной внешней торговли, в частности судоходства. Пекин и Москва поддерживают разумные требования Тегерана о разработке совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной проблеме и призывают Иран укреплять свою способность гарантировать региональную безопасность. Это может предотвратить глубокое вмешательство западных держав в региональные дела Персидского залива и внутренние дела Ирана. Китай и Россия также Китай и Россия могут надеяться, что учения также повысят военный потенциал Ирана, чтобы он мог эффективно противостоять угрозе со стороны. Таким образом, пояс безопасности между растущей

региональной державой, такой как Иран, и устоявшимися сверхдержавами, такими как Китай и Россия, - это взгляд в будущее международной безопасности в регионе.

Очевидно, что эта тенденция имеет долгосрочные стратегические цели, а так-же положительно влияет на построение архитектуры безопасности в регионе. Проводя подобные усилия, государства создают в регионе систему безопасности, которая преследует как национальные интересы, так и глобальные цели. В первую очередь это обеспечение защиты морских коммуникаций, а также снижение активности американского блока. Военно-морские силы США не должны быть в центре новой «коллективной безопасности», поскольку Вашингтон является непосредственным участником противостояния в Персидском заливе. По той же причине международная кооперация, по крайней мере на начальных этапах, не может возглавляться военно-морскими силами каких-либо региональных держав, уже вовлечённых в противостояние. Кроме того, учитывая ситуацию, трудно представить, что военно-морские силы Ирана и Саудовской Аравии могли бы эффективно взаимодействовать. В этой связи, Китай и Россия могли бы предложить свои услуги патрулирования, поскольку Китай критически зависит от источников энергии, транспортируемых через Ормузский пролив, и Россия могла бы выполнять такую работу благодаря особой роли, которую Москва играет сегодня на Ближнем Востоке. В конечном счёте, Иран заинтересован в сохранении свободы судоходства в Персидском заливе так же, как и любой из её арабских соседей, и для Тегерана предпочтительнее, чтобы эту свободу гарантировали его партнёры, а не противники. Устойчивые позиции России и Китая в регионе вызывают опасения у Вашингтона, который не захочет встречать в конфликты Персидского залива какими-то конкретными военными мерами. Китай вряд ли значительно увеличит свое военное присутствие в регионе в краткосрочной перспективе, но рост его экономики и важность международных логистических маршрутов уже привело к осознанию ответственности за безопасность. Китай наращивает свое коммерческое взаимодействие со странами региона и, по сути, вся его стратегия обусловлена экономическими интересами, поэтому существенное углубление кооперации в области региональной безопасности так необходимо на современном этапе.

Библиографический список:

1. Хлопов О.А. Проблемы безопасности и интересы России и Китая в регионе Персидского залива // Национальная безопасность и стратегическое планирование. - 2021. - № 3. – С. 25–32.
2. China Crude Oil: Imports. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/crude-oil-imports> (дата обращения: 12.12.2024).
3. China emerges as lead funder for Egypt's new administrative city. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/12/china-emerges-lead-funder-egypts-new-administrative-city> (дата обращения: 12.12.2024).
4. Brief: China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report H1 2022. URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-h1-2022/> (дата обращения: 12.12.2024).
5. Full text of China's Arab Policy Paper. URL: https://english.www.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm (дата обращения: 12.12.2024).
6. Российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1466420/ (дата обращения: 12.12.2024).
7. What Happens When America No Longer Needs Middle East Oil? URL: <https://www.forbes.com/sites/lorenthompson/2012/12/03/what-happens-when-america-no-longer-needs-middle-east-oil/> (дата обращения: 12.12.2024).

8. Saudi Sends More Oil to China Despite Cutting Overall Shipments. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-11-01/russia-pacific-oil-jump-northern-sea-route-used-tanker-tracker> (дата обращения: 12.12.2024).
9. Арсентьева И.И. Ближневосточный вектор политики КНР // Актуальные проблемы современных международных отношений. - 2015. №6. С. 30-38.
10. Чжунхуа рэнъминь гунхэгуо хэ Элуси Лянбан цзай лианг го цзянцзяо 75 чжунян чжи цзи гуанью шэньхуа синь шидай цюаньмиан чжанлюэ сецзо хубан гуаньси лянхэ шэнмин [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации об углублении всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства в новую эпоху по случаю 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6951404.htm (дата обращения: 12.12.2024).
11. China, Iran, Russia wrap up sea phase of joint naval exercise. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202403/1308837.shtml?id=12> (дата обращения: 12.12.2024).
12. Чжунго цзян йоисы, йилонг цзай аман ван цзюсин хишанг лянхэ цзюньши юньси [Китай проведет совместные морские военные учения с Россией и Ираном в Оманском заливе]. URL: <https://sputniknews.cn/20230315/1048715697.html> (дата обращения: 12.12.2024).

Сведения об авторе:

Зайцев Сергей Владимирович, студент 4 курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail: sv.zaitsev@bk.ru

УДК 339.9

Ж.Б. Муталибова

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ И КИТАЯ В АФРИКЕ: ФРАНЦИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ СОЮЗНИК В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ПОДДЕРЖКИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

Аннотация: Статья исследует роль России, Китая и Франции в развитии энергетической дипломатии в Африке, особое внимание уделяя сотрудничеству этих стран в сфере устойчивого энергетического развития. Россия и Китай, обладая различными подходами к энергетической политике, стремятся усилить своё присутствие на африканском континенте, реализуя проекты в области нефти, газа, атомной и возобновляемой энергетики. Франция, несмотря на меньший масштаб участия, может внести значительный вклад в развитие экологически устойчивых технологий и стандартов в совместных энергетических проектах. Работа анализирует текущие инициативы, потенциальные возможности для кооперации между тремя странами, а также вызовы, связанные с политической и экономической ситуацией в Африке.

Ключевые слова: Энергетическая дипломатия, Россия, Китай, Франция, Африка, устойчивое развитие, энергетическая безопасность, международные проекты, возобновляемая энергетика, атомная энергетика, экология

Mutalibova Zh.B. Energy diplomacy of Russia and China in Africa: France as a strategic ally in the field of sustainable development and support for energy projects

Abstract: The article explores the role of Russia, China and France in the development of energy diplomacy in Africa, paying special attention to the cooperation of these countries in the field of sustainable energy development. Russia and China, having different approaches to energy policy, are striving to strengthen their presence on the African continent by implementing projects in the field of oil, gas, nuclear and renewable energy. France, despite its smaller scale of participation, can make a significant contribution to the development of environmentally sustainable technologies and standards in joint energy projects. The work analyzes current initiatives, potential opportunities for cooperation between the three countries, as well as challenges related to the political and economic situation in Africa.

Keywords: Energy diplomacy, Russia, China, France, Africa, sustainable development, energy security, international projects, renewable energy, nuclear energy, ecology

Первая мировая война стала суровым испытанием для экономики, промышленности, вооруженных сил и государственных режимов всех стран-участниц. Маневренный этап первых месяцев боев довольно быстро сменился позиционным тупиком, выйти из которого страны Антанты и Центральные державы не смогли на протяжении трех лет. Поиски решения возникшего кризиса шли в разных направлениях: одни пытались изобрести чудо-оружие, способное мгновенно изменить ситуацию на фронте, другие видели выход в выдвижении талантливых руководителей на замену допустившим просчеты военных и чиновников. Эти перемены часто сопровождались борьбой между различными ведомствами, считавшими, что только их коллеги неэффективны или некомпетентны в вверенной им сфере деятельности. Прекрасной иллюстрацией подобного противостояния может служить борьба военных и гражданских служащих за управление заготовительными структурами в Лондоне в годы Первой мировой войны.*

Вопросу заграничных заказов в русском военном ведомстве изначально отводилось второстепенное значение. Никто из его руководства не мог предположить затяжного характера

---

* Под этими заготовительными структурами подразумевается Англо-русский комитет, преобразованный позднее в Русский правительственный комитет в Лондоне.

войны, поэтому основное внимание уделялось размещению заказов на российских казенных заводах.

Современная международная система характеризуется растущей конкуренцией и взаимодействием государств на фоне глобального перехода к устойчивому развитию. В таких условиях энергетическая дипломатия становится одним из ключевых направлений внешнеэкономической политики. Африка, обладая значительными энергетическими ресурсами и высоким потенциалом для развития возобновляемой энергетики, привлекает внимание многих стран, включая Россию, Францию и Китай [5].

Эти страны рассматривают Африку как стратегический регион для укрепления своего влияния. Энергетические проекты позволяют не только развивать экономическое сотрудничество, но и создавать устойчивую основу для долгосрочных политических и культурных связей. Подходы стран существенно различаются: Россия сосредоточена на экспортных поставках нефти, газа и атомной энергетике, в то время как Китай делает акцент на строительстве инфраструктуры и развитии проектов в области возобновляемых источников энергии. Франция, исторически связанная с Африкой через свои бывшие колонии, играет более скромную, но не менее важную роль в энергетической дипломатии. Благодаря своим технологическим достижениям и экологическим стандартам, Франция может выступать в качестве ключевого партнёра в обеспечении устойчивости энергетических проектов. Её участие способно обеспечить экологическую безопасность и соответствие международным стандартам, дополняя усилия России и Китая.

Целью исследования является анализ энергетических стратегий России и Китая в Африке с учётом их взаимодействия с Францией в контексте устойчивого развития. Основное внимание уделяется: выявлению особенностей энергетической политики России и Китая в Африке, оценке потенциала для сотрудничества трёх стран в рамках энергетических проектов и анализу возможных моделей взаимодействия, которые могут способствовать экологической и экономической стабильности региона [3, с. 125-135].

Для достижения поставленных целей в работе используются следующие методы:

- 1. Сравнительный анализ:** проводится сопоставление стратегий России и Китая, включая их подходы к реализации проектов и взаимодействие с африканскими странами.
- 2. Кейс-стади:** исследуются конкретные примеры энергетических проектов (атомные станции, гидроэлектростанции, солнечные фермы) с участием России, Китая и Франции.
- 3. Анализ статистических данных:** изучаются экономические показатели, объёмы инвестиций, данные о потреблении энергии и степени электрификации африканских стран.
- 4. Обзор научной литературы и аналитических отчётов:** используются материалы международных институтов (SAIIA, FPRI, IEA) и работы ведущих экспертов в области энергетической дипломатии.

Таким образом, исследование направлено на системное понимание роли России, Китая и Франции в развитии энергетической сферы Африки и их вклада в достижение целей устойчивого развития [4, с. 98-101].

Энергетическая политика России и Китая в Африке.

Россия и Китай начали укреплять свои позиции в Африке ещё с середины XX века, используя разные подходы к взаимодействию с африканскими странами. В эпоху холодной

войны СССР активно поддерживал африканские государства, предоставляя военную и экономическую помощь для борьбы с колониализмом и продвижения социалистических идеалов. Китай, напротив, сосредоточился на культурной дипломатии и развитии инфраструктурных проектов, таких как строительство Танзанийско-Замбийской железной дороги (TAZARA) в 1970-х годах [7, с. 45-50]. Эти подходы заложили основу для современных стратегий двух стран в регионе.

Современный этап взаимодействия начался в 2000-х годах, когда Китай и Россия стали активно инвестировать в энергетический сектор Африки. Россия, сохраняя сильные позиции в атомной энергетике и добыче углеводородов, сосредоточилась на двусторонних соглашениях и крупных инвестиционных проектах. Китай, напротив, делает акцент на создании долгосрочных партнерств через инициативу «Один пояс, один путь», продвигая свои компании в строительстве инфраструктуры и использовании возобновляемых источников энергии.

Китайская энергетическая стратегия в Африке направлена на достижение нескольких ключевых целей:

1. Обеспечение энергетической безопасности:

1.1. Китай стремится снизить зависимость от традиционных источников энергии, активно инвестируя в альтернативные проекты. Например, проекты по строительству солнечных и ветровых электростанций реализуются в Кении, Замбии и Южной Африке.

1.2. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» китайские компании, такие как China National Petroleum Corporation (CNPC), активно работают над развитием добычи нефти и газа в Нигерии и Анголе.

2. Развитие инфраструктуры:

2.1. Пекин финансирует строительство энергетической инфраструктуры, включая электростанции и линии электропередач. Одним из крупнейших проектов является гидроэлектростанция «Гранд Ренессанс» в Эфиопии, где Китай предоставил значительную часть финансирования и технической помощи.

3. Поддержка устойчивого развития:

3.1. Китай развивает проекты в области возобновляемой энергетики, такие как солнечные электростанции в Марокко и ветроэнергетические проекты в Южной Африке. Эти проекты направлены на повышение уровня электрификации и снижение углеродного следа на континенте. Его стратегия реализуется через инициативу "Пояс и путь", которая включает в себя строительство энергетической и транспортной инфраструктуры. Например, Китай инвестировал в строительство ГЭС "Карамба" в Замбии и солнечных электростанций в Кении [5].

Пекин также активно занимается расширением доступности электроэнергии в странах с низким уровнем электрификации. Согласно данным Международного энергетического агентства (МЭА), Китай выделил миллиарды долларов на проекты, направленные на стабилизацию энергетической системы в восточной и южной частях Африки. Важной частью стратегии является привлечение китайских компаний, таких как State Grid и Sinohydro, для реализации этих инициатив.

Энергетическая стратегия России в Африке сосредоточена на традиционных источниках энергии и атомной энергетике. Основные направления включают:

1. Атомная энергетика:

1.1. Российская госкорпорация «Росатом» реализует проекты по строительству атомных электростанций в Египте («Эль-Дабаа») и Эфиопии. Эти проекты включают передачу технологий, обучение местных специалистов и долгосрочные контракты на поставку топлива.

2. Экспорт углеводородов:

2.1. Российские компании, такие как «Газпром» и «Лукойл», развивают проекты в области добычи нефти и газа в странах Северной и Западной Африки. Например, «Лукойл» участвует в разработке шельфовых месторождений в Гане и Нигерии [3, с. 88-92].

3. Расширение политического влияния:

3.1. Россия использует энергетические проекты как инструмент укрепления политических связей. В частности, на саммите «Россия-Африка» в 2019 году были подписаны соглашения о сотрудничестве в области энергетики с более чем 20 странами континента.

Хотя Россия и Китай конкурируют за ресурсы и влияние, их стратегии также обладают значительным потенциалом для взаимодополнения. Китай активно инвестирует в создание инфраструктуры, тогда как Россия предоставляет технологии и энергоресурсы. Примером является сотрудничество в строительстве энергетических объектов, где Китай обеспечивает финансирование и строительные работы, а Россия поставляет оборудование и технологии. Оба государства заинтересованы в диверсификации своих энергетических связей. Африка с её растущими потребностями в энергии и богатейшими природными ресурсами становится стратегическим регионом для обоих акторов.

Несмотря на конкуренцию между Россией и Китаем, их стратегии в Африке в значительной степени взаимодополняют друг друга. Китай акцентирует внимание на устойчивом развитии и инфраструктуре, тогда как Россия фокусируется на поставках энергоресурсов и развитии атомной энергетики. Такой подход создаёт возможности для долгосрочного сотрудничества, особенно в проектах, требующих больших инвестиций и технологической интеграции.

Примером успешного взаимодействия является строительство ГЭС в Анголе, где китайская инфраструктурная поддержка сочеталась с российским технологическим участием. Подобные проекты демонстрируют потенциал для совместных инициатив в энергетическом секторе Африки.

Роль Франции в энергетическом сотрудничестве России и Китая с Африкой.

Франция, имеющая глубокие исторические связи с Африкой, продолжает быть важным партнером для африканских стран. Ее влияние на континент сохраняется и после деколонизации, особенно благодаря отношениям с бывшими колониями. Французские компании, такие как TotalEnergies, EDF и Engie, играют ключевую роль в энергетической сфере Африки, инвестируя в проекты, которые связаны как с традиционными источниками энергии, так и с возобновляемыми [2, с. 120-130].

Франция активно поддерживает устойчивое развитие континента через проекты, направленные на снижение углеродных выбросов и повышение энергоэффективности. Французский подход к устойчивому развитию и соблюдению экологических стандартов мог бы быть ценным дополнением к проектам России и Китая, которые реализуют крупные энергетические проекты в Африке. Французские компании уже занимаются реализацией ряда крупных проектов в сфере солнечной и ветряной энергетики в таких странах, как Сенегал, Мали, Нигерия и другие.

Франция активно поддерживает устойчивое развитие на континенте через технологии, которые ориентированы на возобновляемые источники энергии. В частности, проекты французских компаний EDF и Engie направлены на развитие солнечных и ветряных станций в Африке. Эти проекты помогают улучшить доступность энергии для местных сообществ и обеспечивают долгосрочную устойчивость энергетических систем [1].

Это также может сыграть ключевую роль в обеспечении соблюдения экологических стандартов в проектах России и Китая. Например, проекты по строительству гидроэлектростанций, которые являются важной частью китайских и российских инициатив, могут быть дополнены французскими технологиями и решениями, направленными на минимизацию воздействия на экосистемы. Это позволит не только улучшить экологические показатели проектов, но и снизить риски для местных сообществ, обеспечив соблюдение международных экологических стандартов.

Французский опыт в сфере атомной энергетики также может быть использован в совместных проектах с Россией. Французская компания Orano (бывшая Areva) имеет большой опыт в ядерной энергетике, что открывает новые перспективы для сотрудничества, особенно в таких странах, как Египет и Эфиопия, где Россия развивает проекты по строительству атомных электростанций.

Сотрудничество Франции, России и Китая в энергетической сфере может стать важным элементом в обеспечении устойчивого развития энергетической инфраструктуры Африки. Франция может предложить опыт и технологии, которые помогут России и Китаю улучшить экологическую составляющую их проектов. В частности, французские компании могут быть вовлечены в проекты, направленные на устойчивое развитие гидроэнергетики и ветряных электростанций.

Также французский опыт в области атомной энергетики и ядерных технологий может дополнить российские усилия в развитии атомной энергетики в Африке, обеспечив высокие стандарты безопасности и экологической устойчивости. Франция, выступая партнером в этом процессе, может способствовать созданию инфраструктуры, которая будет не только энергоэффективной, но и безопасной для окружающей среды.

Совместные проекты и возникающие вызовы.

Совместные проекты России, Китая и Франции в Африке представляют собой модель сотрудничества, направленную на развитие энергетической инфраструктуры континента, улучшение качества жизни и обеспечение устойчивого развития. Одним из таких проектов является строительство гидроэлектростанций (ГЭС) в ряде африканских стран, где Китай и Россия играют ключевые роли, а Франция предоставляет технологическую поддержку, ориентированную на экологическую безопасность.

Примером успешного совместного проекта является гидроэлектростанция в Анголе, построенная в 2007 году, где китайская и российская компании занимаются строительством инфраструктуры, а Франция предоставляет экологически чистые технологии для защиты экосистемы региона и обеспечения устойчивости проекта. Этот проект включает не только энергетическое обеспечение региона, но и создание новых рабочих мест и инфраструктуры для местных жителей, что способствует улучшению их качества жизни [6].

Другим важным проектом является развитие солнечной энергетики в Сенегале и Мали, где Китай и Россия инвестируют в строительство и модернизацию энергетических объектов, а Франция предоставляет передовые технологии для повышения эффективности и экологической безопасности этих объектов, эти проекты должны быть окончательно реализованы в 2026 году. Они направлены на создание устойчивой энергетической инфраструктуры, которая способна удовлетворить потребности местных сообществ в надежном и доступном источнике энергии.

Хотя сотрудничество между Россией, Китаем и Францией в энергетической сфере Африки обладает значительным потенциалом, оно сталкивается с рядом политических и экономических вызовов. Одним из ключевых факторов, влияющих на успешность реализации

проектов, являются политическая нестабильность и изменения в руководстве стран Африки. В регионах, где власти могут быть склонны к изменению политики или национализации энергетических объектов, инвестиции иностранных стран могут стать уязвимыми [6]. Политическая нестабильность может привести к рискам для осуществления крупных проектов, а также усложнить их долгосрочное развитие.

Экономические вызовы также имеют значительное значение. Во-первых, проблемы с финансированием крупных проектов, особенно в странах с низким уровнем экономического развития, могут затруднить реализацию энергоснабжения. Во-вторых, требования к соблюдению экологических стандартов могут привести к дополнительным затратам для реализации проектов, что также может стать барьером для эффективного сотрудничества.

Перспективы сотрудничества.

Энергетическая дипломатия России, Китая и Франции в Африке демонстрирует важную роль международных стратегических партнерств в решении проблем устойчивого развития на континенте. В то время как Россия и Китай занимают центральное место в энергетическом сотрудничестве с Африкой, Франция, несмотря на меньший масштаб присутствия, имеет значительные возможности для интеграции своих технологий в поддержку экологически устойчивых проектов [3, с. 140-145]. Французские компании, такие как Total и EDF, активно развивают проекты в области возобновляемых источников энергии и экологической инфраструктуры, что может сыграть ключевую роль в укреплении экологической устойчивости и снижении негативного воздействия энергетических проектов на окружающую среду. Франция также может предоставить опыт в области регулирования и разработки норм, которые будут соответствовать международным стандартам в сфере экологии и устойчивого развития.

Перспективы дальнейшего сотрудничества между Россией, Китаем и Францией в Африке имеют значительный потенциал для расширения и углубления. В условиях глобальных изменений климата и растущих энергетических потребностей Африки, ключевым направлением станет развитие возобновляемых источников энергии, таких как солнечная, ветряная и гидроэнергетика. Кроме того, возможности для сотрудничества могут расширяться в сфере инновационных технологий, таких как искусственный интеллект, смарт-сети и энергоэффективные технологии. Франция, с ее технологической базой и опытом в инновациях, может стать важным игроком, обеспечивающим Франко-российско-китайские альянсы в области разработки новых технологий для энергетического сектора [7, с. 78-82].

С политической и экономической точки зрения сотрудничество трех стран в Африке может укрепить их влияние в регионе, улучшить энергетическую безопасность и создать рабочие места, а также повысить доступность энергии для местных сообществ. Программы для повышения энергоэффективности и развития инфраструктуры в таких странах, как Нигерия, Кения и Южноафриканская Республика, будут способствовать не только развитию энергетической отрасли, но и устойчивому экономическому росту в этих странах.

Для обеспечения долгосрочного успеха и устойчивости партнерства между Россией, Китаем и Францией в энергетическом секторе Африки необходимо преодолеть ряд трудностей. Необходимо создавать совместные рабочие группы, которые будут координировать действия всех участников на каждом этапе реализации проектов, начиная от планирования и заканчивая эксплуатацией энергетических объектов. Это позволит эффективно распределять ресурсы и избегать дублирования усилий. Для защиты интересов всех сторон следует разработать единую правовую основу для реализации проектов, которая будет учитывать интересы местных властей, а также гарантировать соблюдение экологических и социальных стандартов [6].

Важно также учитывать риски, связанные с политической нестабильностью в некоторых странах Африки, и предусматривать механизмы защиты от таких угроз.

Одним из важных аспектов успешной реализации крупных энергетических проектов является обеспечение их финансирования. Важно привлекать международные финансовые организации, такие как Всемирный банк, Африканский банк развития, а также частные инвестиции. Для этого можно создать специальные финансовые инструменты, которые позволят обеспечить долгосрочные инвестиции в энергетическую сферу. Важно обеспечить обучение местных специалистов в области энергетики, что поможет создать устойчивую рабочую силу и повысить уровень технологического самодостаточности стран Африки. Франция и Россия могут предложить программы обучения и обмена опытом для специалистов из Африки.

Таким образом, успешное развитие энергетического сотрудничества между Россией, Китаем и Францией в Африке возможно только при условии комплексного подхода, включающего координацию усилий, правовую защиту, финансовую поддержку и внимание к экологической устойчивости.

Библиографический список:

1. Le Monde, "EDF и роль Франции в энергетических проектах Африки", 2021. – Режим доступа: <https://www.lemonde.fr>. – Дата обращения: 25.11.2024.
2. Горбунова, Е. Франция и энергетическая дипломатия в Африке / Е. Горбунова. – Москва: Внешторгиздат, 2021. – 192 с.
3. Дьяков, А. М. Энергетическая политика России в Африке / А. М. Дьяков. – Москва: Наука, 2021. – 224 с.
4. Иванова, М. Методы сравнительного анализа в международных отношениях / М. Иванова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2020. – 160 с.
5. Ли, Дж. China's Belt and Road Initiative in Africa: Energy Cooperation [Электронный ресурс] / Дж. Ли. – 2022. – Режим доступа: <https://www.example.com>. – Дата обращения: 25.11.2024.
6. Международное агентство по энергии (IEA). World Energy Outlook 2022. – Режим доступа: <https://www.iea.org>. – Дата обращения: 25.11.2024.
7. Шен, Ю. China's Role in Africa's Energy Future / Ю. Шен. – Лондон: Routledge, 2020. – 256 с.

Сведения об авторе:

Муталибова Жанна Бадрудиновна, студентка 4 курса факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail: mutalibova.zh@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.2

А.М. Дубровский, В.В. Ковеля, А.В. Федосов, Е.А. Шинаков

УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: КОНЦЕПЦИИ, ИСТОКИ, ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация: Статья посвящена современной украинской историографии средневековой Руси, а именно ее истокам и преемственности с ними, тенденциям и концепциям, сформировавшихся и существующих в три последних десятилетия. Особое внимание уделено трактовкам и характеристикам тех ключевых событий средневековой истории русского государства, которые в равной мере интересны как современным украинским, так и российскими историкам. К таковым отнесены процессы государствогенеза Древней Руси и происхождения древнейших городских центров на ее территории, политическая раздробленность и существование отдельных княжеств в этот период, монгольское нашествие и роль Великого княжества Литовского в последующий период, возникновение «казацкой цивилизации» и ее существование в составе разных государств. Значительное место в работе отведено оценкам роли наиболее ярких исторических персоналий в судьбе украинских земель, а именно князьям Владимиру Крестителю и Даниилу Галицкому, гетманам Богдану Хмельницкому и Ивану Мазепе, а также особенностям украинского менталитета.

Ключевые слова: историография, Древнерусское государство, Галицко-Волынское княжество, Великое княжество Литовское, «казацкая революция», Б. Хмельницкий, Украина

Dubrovsky A.M., Kovelya V.V., Fedosov A.V., Shinakov E.A. Ukrainian historiography of medieval Russia at the end of the 20th - beginning of the 21st centuries: concepts, origins, trends

Abstract: The article is devoted to the modern Ukrainian historiography of medieval Russia, namely its origins and continuity with them, trends and concepts that have formed and exist in the last three decades. Particular attention is paid to the interpretations and characteristics of those key events of the medieval history of the Russian state, which are equally interesting to both modern Ukrainian and Russian historians. These include the processes of state genesis of Ancient Russia and the origin of the oldest urban centers on its territory, the political fragmentation and existence of individual principalities during this period, the Mongol invasion and the role of the Grand Duchy of Lithuania in the subsequent period, the emergence of the "Cossack civilization" and its existence in different states. A significant place in the work is given to assessments of the role of the most striking historical personalities in the fate of the Ukrainian lands, namely princes Vladimir the Baptist and Daniil Galitsky, hetmans Bogdan Khmelnytsky and Ivan Mazepa, as well as the peculiarities of the Ukrainian mentality.

Keywords: historiography, the Old Russian state, the Principality of Galicia-Volyn, the Grand Duchy of Lithuania, the "Cossack revolution," B. Khmelnytsky, Ukraine

Украинская историография всегда, начиная с «Синописа» конца XVII в., являлась частью отечественной исторической науки, в т.ч. и медиевистики. В то же время ее специфика (по тематике, принципам отбора для изучения и оценке явлений, лиц, процессов) постепенно нарастала. Процесс этот носил «скачкообразный» и возвратный характер. Так, все ее особенности практически исчезают с середины 1940-х до середины 1960-х годов, затем вновь начинают усиливаться, причем первоначально за счет работ зарубежных украинских историков. В 1990-е годы процесс обособления несколько ускорился, но украинская историческая наука какое-то время двигалась параллельно с российской, «борясь» не столько с последней, сколько с общим для них советским наследием, при этом фактически

опираясь на него и не отрицая полностью (во всяком случае, в медиевистике). Взаимно и во взаимодействии использовались и новые методы, и методология, связанные с цивилизационной теорией, положениями и понятийным аппаратом политической (социокультурной) антропологии, компаративистским подходом. Примерно с середины нулевых годов XXI в. наметились тенденции иного по сравнению с российской историографией освещения и оценки некоторых общих фактов украинской и российской истории периода русского средневековья. Таким образом, представляется не безынтересным рассмотреть современное состояние украинской историографии, ее истоки и тенденции развития, а также соотношения с историографией российской.

В подходах к древнерусской истории выявились различия не столько в «происхождении» авторов (советские, зарубежные, современные украинские «незалежные»), сколько в типах изданий – научно-исторические (включая археологические), научно-богословские и «идеологизирующие», пропагандистской направленности (формально – научно-популярные) и учебные. О причинах такого явления можно догадываться, но все же ему стоит посвятить отдельные изыскания.

В аспекте происхождения народа русов украинская научная историография придерживается «южной» концепции. Многие авторы подчеркивают открыто, что эти взгляды восходят к поляно-русской теории Б.А. Рыбакова [30], гораздо реже встречаются ссылки на его предшественника в этом вопросе – М. Грушевского [7]. Там же, на юге, возникает и Древнерусское государство, имевшее своим предшественником полянское княжество со столицей в Киеве. Варяги (норманны) были, но ничего не образовывали, а использовались славянским государством Русь в качестве дипломатов (начиная с 838 г.), наемников, купцов.

Что же касается дальнейшей этнической истории русского народа, то в научной историографии Украины четко выделяются две концепции: «старая», «советская» (П.П. Толочко [39-41], Н.Ф. Котляр [16]) – о существовании гетерогенной, но единой родины будущих великороссов, украинцев, белорусов древнерусской народности, и ее полное отрицание (А.П. Моця [24] после 2012 г. из наиболее компетентных историков, но и ряд «популяризаторов»). По этой концепции украинцы, возможно, и белорусы, являются наследниками южной, восточнославянской Руси, а великороссы изначально составляли отдельный народ северной «России», лишь в небольшой степени восточнославянский по происхождению. В популярной же литературе часто встречается возведение истории украинского народа к Трипольской культуре эпохи железа и бронзы, а то и более ранним временам.

О походах «руси на греков» в научной и научно-популярной литературе (в отличие от учебной) пишется очень немного. Обращается внимание на их преимущественно торговые причины и следствия для христианизации Руси. Что касается дискуссий о степени историчности образа Вещего Олега, как единой личности (что является общим местом в современной российской историографии) то в украинской нет ни тени сомнения в его реальности.

Также различия заметны между оценками значимости деятельности Владимира Святого и его мотивации в научно-исторической и научно-богословской историографии. В первой – более «приземленная», политическая и мотивация, и последствия деятельности, во второй акцент смещен на идеологические, духовные и причин, и результаты.

Анализ современного состояния проблемы возникновения и развития древнерусского города показал, что своеобразным итогом советскому периоду изучения древнерусского города стала монография П.П. Толочко «Древнерусский феодальный город» [38], однако автор вернулся к теме в книге «Киевская Русь» [39], «Давня історія України» [9] и «Откуда пошла Русская земля» [41]. Предложенная П.П. Толочко концепция органического развития древнерусского города как одной из сторон образования Древнерусского государства, признание

многофакторности причин его появления, важность политико-административной детерминанты в его развитии, отказ от марксистской исключительной торгово-ремесленной природы города, уделение внимания социальной топографии и городской демографии, с одной стороны, подвели итог изучению города в рамках советской исторической науки, а, с другой стороны, были учтены историком и в постсоветский период. Проблема «парности» древнейших городских поселений на этапе государствогенеза на примере Чернигова и Шестовицы представлена в работах Ф.А. Андрощука [1], А.П. Моци [23], П.П. Толочко [38] и ряда других исследователей [44].

«Славянские грады» возникают до прихода норманнов и первоначально имеют аграрный характер и оборонительные функции, затем превращаются в подлинные города тремя путями, с чем согласны и применяют на практике: И. Возный для Буковины [3-4], В. Коваленко, А. Казаков – для Черниговской земли [14, 23]. В методическом аспекте работы как этих, так и ряда других украинских ученых базируются на комплексном использовании письменных археологических, нумизматических источников. Кроме «городовой» тематики, это касается реконструкции на основе анализа погребальных обрядов этноконфессионального состава населения Руси периода государствогенеза и ранней государственности (IX–XII вв.). Выводы о гетерогенности древнерусской народности и постепенности, замедленности перехода от язычества к христианству, сложному социальному составу звучат у ведущих исследователей – А.П. Моци и Ф.А. Андрощука (первый, впрочем, начиная с 2012г. стал отказываться от понятия «древнерусская народность») [2, 20-24].

Многие археологи, выходя на исторический уровень обобщений, пытаются выделить археологические критерии для разных этапов древнерусского государствогенеза. При этом в современной украинской историографии основное внимание уделяется начальному (середина IX в., а то и раньше) и финальному (конец X – начало XI вв.). Первый этап сопровождается археологически фиксируемыми набегами венгров либо норманнов, последний – окончательным присоединением племенных территорий к Древнерусскому государству при Владимире Святом. Примечательно, что с последним этапом происходит полное совпадение с российской историографией, но последняя сейчас главное внимание уделяет археолого-нумизматическим признакам кризиса 930-940-х годов.

Вопрос о гносеологических истоках взглядов современных украинских историков пока отдельно не рассматривался, тем не менее уже выявился Б.А. Рыбаков [29-31] как общий кумир научной историографии, и лишь иногда за ним «скрывается» Михайло Грушевский [7]. Все еще значительную роль, хоть и имплицитно, играют элементы марксистского подхода (только у А.П. Моци и части его последователей – политикоантропологического). С другой стороны, у такого современного «популяризатора» науки, а, точнее, - пропагандиста, как А. Палий [26] методическими предшественниками являются советские популяризаторы еще 1940-х годов, а вот содержание взглядов (отрицание единства происхождения украинцев, русских, белорусов) – близко к взглядам самой одиозной украинской эмиграции в США и Швеции (М. Чубатый [42] и Б. Кентржинский [13]).

Анализ школьных учебников показал малое отличие учебников как 2007 г. от 2015 -2021 гг., так и (только для 2007 г.) украиноязычных от русскоязычных, причем разных авторов. Период от древности до конца XV в. В них рассмотрен весьма подробно как в сравнении с частью украинской научной литературы, так и с российскими школьными учебниками. Подход к материалу в учебниках обеих периодов весьма взвешенный, отличия лишь в деталях. Общее – больший акцент на Аскольде и Дире, чем Рюрике, причем Дир чаще – потомок поляно-антской династии Кия, зато на Царьград в 860 г. ходил один Аскольд, он же впервые принял христианство. С XII в. (начало феодальной раздробленности) основной акцент

делается только на южной и западной Руси, которая в учебниках второго периода вновь именуется «Русь – Украина». Термин этот был у М. Грушевского, затем в украино-канадской учебно-популярной литературе, но появляется он и в названиях (но не в содержании!) некоторых чисто научных интернациональных по составу сборниках 1990-х годов и отсутствует в учебниках 2007 г. по отношению к Киевской Руси.

Причинам феодальной раздробленности уделяется много места в украинской историографии, рассматривая ее естественным последствием развития феодальных отношений только с XII в. Оценка не дается, но косвенно скорее положительная – она способствовала нормальному развитию производства в городе и селе. Главной силой, заинтересованной в ней, было «земское боярство», а князья были вынуждены с ним считаться. Упор на разное этнокультурное и социально-экономическое развитие русских земель изначально, делают немногие (А.П. Моця) [22]. Подчеркивается (впрочем, как и в российской историографии) особая роль Любечского съезда 1097 г. в изменении системы престолонаследия. При освещении периода раздробленности, ее социально-политической сущности авторы обращают внимание на образование в XII в. «государства Суздаль, которое позже стало называться Московией». Русь (южные районы бывшей Киевской Руси), которую украинская историческая наука считает Украинской, борясь со степняками, защищала суздальские земли (А. Палий [26]). Общим местом в украинской литературе является мысль о том, что наследником Киевской Руси – «первого исторического государства украинского народа» – стало Галицко-Волынское княжество. Его история глубоко изучалась львовским историком Л. Войтовичем [5]. Поскольку Киевскую Русь в учебной литературе считают вполне развившимся феодальным обществом (тут заметно влияние концепции Б.Д. Грекова [6]), то период политической раздробленности, исходя из этой логики, представляется новым этапом развития феодальных отношений.

О монголо-татарском нашествии в украинской исторической литературе однозначно говорится как о трагедии (П. Толочко [39], А. Палий [26]), при этом современные авторы особо заостряют внимание на героической борьбе Галицко-Волынского князя Даниила Романовича. Расхождения с российскими историками у украинских специалистов наблюдаются в определении последствий (значения) монголо-татарского ига. Возможно, здесь имплицитно сказывается влияние основоположников украинской средневековой медиевистики – В. Антоновича и М. Грушевского, а также, кстати и почти современного им российского ученого Л. Гумилева, преуменьшавших разрушительные последствия нашествия. Впрочем, если Л. Гумилев отрицает «плохое» влияние ига (как и сам термин), то украинские ученые как раз на нем и акцентируют внимание. Они считают, что будущий водораздел между особенностями российского и украинского политического развития и менталитета как раз и связан с тем, что российские земли намного дольше оставались в составе Золотой орды, чем украинские, перешедшие под власть Великого княжества Литовского уже в середине XIV в.

Значительное внимание среди украинских историков уделяется роли Великого княжества Литовского в истории Украины. Они признают два варианта присоединения территорий бывшей Киевской Руси к Литве – насильственный и добровольный. В итоге, по их мысли, это было спасением от монгольских завоевателей. Зависимость от Литвы определяют как вассальную. Отмечают, что в Московии монгольское иго длилось втрое больше, чем в Украине, что и определило истоки особого свободолюбия украинцев.

Истории территорий современной Украины, а именно южных и юго-западных частей Древнерусского государства в XIV в. посвящены исследования Ф.М. Шабульдо [43]. Рассматривая процесс перехода этих земель из-под контроля Золотой Орды в состав Великого княжества Литовского, историк, не противореча предшествовавшей историографической традиции, полагал, что произошёл он с сохранением местных южнорусских порядков, существование

которых не претерпевало серьёзных изменений на протяжении XIV в. из-за неспособности Литвы, отвлекаемой противостоянием с Москвой, Ордой, Польшей и Тевтонским орденом, принципиально менять систему и тем самым рисковать контролем над местным населением.

Схожим образом характеризовал этот процесс представитель эмигрантской украинской науки О. Субтельный [35], автор ряда работ об Иване Мазепе, в которых оправдывал переход гетмана на сторону Карла XII и возлагал ответственность за это на самого Петра I, нарушавшего бывшие договоры. Оценивая обозначенный переход «украинских» земель в XIV в. от Орды к Литве, полагал, что произошёл он почти добровольно («с хлебом-солью», как замечал автор), так как в пришедших на южные земли отрядах Ольгерда было немало «украинских вассалов или союзников литовского князя», а общим и единственным для них здесь противником являлись татаро-монголы.

Иное видение характера взаимоотношений Литвы и Орды предложила О.В. Русина [28], отметив, что татарское влияние на юго-западные земли Древнерусского государства не исчезло в XIV в. после завоевания Ольгерда (которое, по мнению ученого, стало возможным только в следствии договорённости между татарами и литовцами), напротив оно продолжало существовать и в последующее столетие, определяя эти территории «литовско-татарским кондоминиумом». Также В.О. Русина высказала сомнения в возможности сохранения в неизменном состоянии старых порядков на этих территориях после вхождения их в состав Великого княжества литовского. В то же время В.О. Русина видит в Великом княжестве литовском альтернативу Москве как центру собирания древнерусских земель, отмечая сущностную разность этих государственных образований, заключающуюся в том, что в Литовском государстве сохранился регионализм, в то время как в Московском княжестве происходила жесткая централизация.

В целом жизнь украинцев под властью Литвы оценивается украинскими историками положительно. Благодаря украинско-литовской борьбе с врагами страна возрождалась. Официальное производство велось на «литературном украинском языке», в отдельных регионах сохранилась власть Рюриковичей, власть литовского князя не распространялась на внутренние дела Киевского княжества, на административные должности назначались исключительно киевляне, возобновилась чеканка собственной монеты и пр.

Ситуация меняется к середине XVI в., когда ослабевшее, пришедшее в упадок Великое княжество Литовское встало перед выбором: Московская Русь или Ягеллонская Польша, и выбрало последнюю. С этого момента ситуация меняется, и возникающая на части будущей Украины во второй половине XVI в. «козацкая цивилизация» постепенно встает в оппозицию и переходит к прямой борьбе с правящими кругами и шляхетством Речи Посполитой.

Нередко авторами популярных и даже научных работ используется своего рода героизация при освещении древнейшего прошлого Украины. Здесь ярко проявляется стремление показать великих предков украинского народа, их грандиозные достижения, унаследованные современной Украиной. Так, часто утверждается, что украинцы являются прямыми потомками трипольцев, создателей высокой культуры, строителей городов и пр. Скифы также связываются с украинцами. Выдвигается идея об унаследовании некоторых черт греческой культуры. Иными словами, в литературе особенно невысокого научного уровня совершенно откровенно монтируется «великое прошлое», а исторический процесс понимается только как накопление полезных приобретений и их освоение потомками без всяких потерь и искажений.

Из деятелей периода Древней Руси, кроме Владимира Святого, несравненно чаще упоминается создатель колыбели украинской цивилизации Галицко-Волынской державы («Королевство Русь») Даниил Романович и его наследники и преемники из других династий. Из правителей и деятелей Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Московского

государства упоминаются только те, которые имеют отношения к событиям на территории будущей Украины (Алексей Михайлович, Ольгерд, некоторые Рюриковичи и Гедиминовичи, правившие удельными княжествами в пределах «украинской» части Великого княжества Литовского. Гетманы Войска Запорожского упоминаются все, но особенно часто и положительно – Петр Конашевич-Сагайдачный, Богдан Хмельницкий, Иван Выговский, Петр Дорошенко, Иван Мазепа-Колединский (у последнего, впрочем, находят отрицательные черты характера и результаты деятельности).

Одним из несомненных героев украинской истории считается Б. Хмельницкий. В отличие от российской историографии его хвалят за дипломатические метания между Речью Посполитой, Россией, Крымским ханством, Молдавским и Трансильванским княжествами, Швецией. Это называется умелой и гибкой дипломатией на пользу Украины. Практически не упоминается (или характеризуется отрицательно) сохранивший верность Петру I Иван Скоропадский. Часто упоминается писарь И. Мазепы Филипп Орлик, чье имя в историографии российской является редкостью.

Если говорить о гносеологических истоках и социально-политических, этнокультурных и конфессиональных факторах влияния на взгляды и концепции некоторых украинских авторов, то следует отметить, что вплоть до 2010-х гг. ощущается влияние марксизма, особенно у П.П. Толочко [36-39]. Элементы теории и практики политической (социокультурной) антропологии встречаются только у А.П. Моця, и то в основном в археологических его работах 1990-х гг. У него же, начиная с 2012 года появляется и новый вариант концепции ранней истории Древнерусского государства, заимствованный у петербургского ученого Е.Н. Носова. Он заключается в том, что Русь изначально делилась на четыре части, и только одна из них – собственно Киевская Русь – была «колыбелью» только Руси – Украины, а на севере сразу была «Россия».

По истории западнорусских земель в составе Великого княжества Литовского и Русского украинская историография (научная и учебная) опирается во много на работы авторов «позднесоветского» периода, причем не только украинских (Ф. Шабульдо), но и петербургских (А. Дворниченко). Оценки включения части русских земель в состав Великого княжества Литовского и Русского мало отличаются от современных российских.

Казачья «тема» во многом основывается на работе львовского профессора И. Крипякевича, изданную впервые в Польше в середине 1930-х гг., как часть книги «История Украинского войска» [12]. Многие идеологические послылки являются реминисценцией взглядов В. Липиньского и даже Н. Костомарова [15]. Эта разноаспектная популярность определяется ролью казаков в истории Украины, О. Рафальский [27] даже использует термин «Украинская Козацкая цивилизация» для второй половины XVI – середины XVIII в.

При оценке «национальной революции» середины XVII в., деятельности Б. Хмельницкого и его преемников, Переяславского договора современные украинские авторы, как ни странно, пробуют совместить взгляды М. Грушевского и В. Липиньского с некоторыми положениями марксизма о социально-экономических формациях. Особенно этим отличается учебная книга для «Европейского университета» И. Онищенко [25], в которой события середины XVII в. характеризуются как национально-буржуазная революция.

Однако все вышеприведенные выводы об истоках взглядов можно отнести к научной, отчасти созданной на ее основе учебной литературе. Что касается научно-популярной (А. Палий [26] и др.), то она в идеологическом аспекте базируется преимущественно на взглядах нациократов начала XX в. (Н. Михновский [19], Д. Донцов [11] и др.)

Тот и другой вид литературы не свободен от субъективизма и научных погрешностей в освещении истории Украины. Особенно это характерно для популярных изданий, которые

играют роль пособия для исторической пропаганды. В них преувеличенное внимание к одним темам, где возможна героизация разных исторических деятелей и событий, сочетается с беглым освещением других событий и даже периодов (особенно это характерно для советского периода украинской истории), где историки не могут не признать, например, помощи Украине со стороны России, достижений Украины в результате проводимых советской властью реформ (ликвидация неграмотности, развитие системы образования и пр.). Историки используют частичное преподнесение информации о прошлом. Так, рассказывая о князьях варяжского происхождения, о захвате Киева Аскольдом и Диром, автор может ничего не сказать о том, что они появились в Новгороде, о том, что именно в этом центре первоначально появилась варяжская династия, которая потом перенесла свою столицу в Киев. Таким образом, для популярной исторической литературы, формирующей общественное сознание, характерны избирательность внимания к отдельным темам, метод умолчания, неполнота информации.

В тех откровенно пропагандистских работах, где речь порой заходит о России сравнение с ней Украины всегда не в пользу первой. Кроме того, Россия преподносится как исконно враждебная сила для Украины. При этом сопоставление Украины и России не доводится до логического конца, не проводится на протяжении всех пережитых исторических эпох. Иными словами, авторы уклоняются от системности в своем анализе. Говоря о своекорыстной политике, о жестокостях в подавлении народных восстаний, авторы свои оценки относят не к российскому правительству, а к стране в целом. Так, освещая политику российского правительства, направленную на сокращение казачьих вольностей, войсковой автономии, ничего не говорится о том, что и по отношению других казачьих областей (например, Войска Донского) проводилась совершенно та же политика.

Особое место в украинской историографии отводится оценке в разных типах литературы таких событий, как «казацкая революция» Богдана Хмельницкого, Переяславская Рада, измена гетмана Ивана Мазепы. Киевский историк О. Рафальский [27] и ряд других исследователей [33] прочно закрепили за движением Б. Хмельницкого термин «революция». Он же признал его проявлением общеевропейских тенденций буржуазного развития, полагая, что целью Б. Хмельницкого было создание республики типа Голландской или Швейцарской, или тогда существовавшей Английской, а за образец бралось городоправство русских до татар, как в Новгороде и Пскове, а также взятое из книг народоправство греков и римлян. Особый образец – Голландия, подчеркивалось единство ее судьбы с Украиной: первая отбилась от королей испанских, вторая – от польских. Основой этого государства должно было стать казацкое воинское устройство, что давало бы преимущество даже перед Европой. Так в составе Московского царства это позволили Украине быть наиболее свободной его частью, сохранившей самобытность и самоуправление. (И. Онищенко [25]).

События 1648-1657 гг. – не только освободительная война против польского гнета, но и национальная революция, нацеленная на социальные изменения на казацко-фермерско-буржуазной основе в рамках национальной державы. Она была составной частью великого революционного процесса, который развернулся в Европе на основе развития новых буржуазных отношений. В итоге сложилось политическое образование, имевшее мало признаков государственности: территорию, войско, свои органы власти и управления, правовые нормы, известное международное признание, зачатки собственной податной и денежной систем (до 1654г.) Частично они сохранились и в Московских («березневых») статьях весны 1654 г., которые заложили основные принципы государственного строительства Украины. И статьи, и само решение Переяславской Рады оцениваются положительно.

Иван Мазепа занимает одно из центральных мест в украинской историографии [13], и, хотя его деятельность формально относится уже к раннему Новому времени, а не позднему

средневековью, рассмотрим и его оценку в историографии. Тем более, что для Восточной Европы реальная грань Средневековья и Нового времени – это все же правление Петра Великого.

Личность Мазепы оценивается отнюдь не однозначно. Подчеркивается его интеллигентность, широкий кругозор, хорошие дипломатические способности, вера в себя (зачастую – излишняя), и в то же время себялюбие, надменность, неумение привлекать к себе простых людей. Он был то «волком, то лисой», человеком с пристрастием, «упертым» в случае необходимости. А вот деятельность его оценивается сугубо положительно: от Коломацких статей 1687 г., которые якобы утверждали «державный» статус «Малороссийского края гетманского регламенту» до тайного договора с Карлом XII, содержание которого изложил позднее его писарь Филипп Орлик. В нем подчеркивается якобы большие права Гетманства под эгидой Швеции, чем были в составе России. Указывается и причина провала его планов спасения Украины от «имперской неволи». Его идеи были абсолютно не восприняты широкими народными массами, да и большинством старшинами. Экономические выгоды от нахождения в составе России (еще и единой в придачу) перевешивали отвлеченные идеи независимости, а сам гетман, презирал народ и проводя антинародную социальную политику, не был популярен.

В украинской литературе подчеркивается, что освободительная война возродила государственность Украины через три века после падения Киевской Руси [8,32]. Для украинской исторической литературы, для страны, сравнительно недавно получившей независимость, это актуальная тема. При этом ряд украинских историков сходится во мнении, что за исключением обязательств по уплате налогов Москве и запрете вести переговоры с Турцией и Польшей Украина «целиком и полностью...сохраняла свой суверенитет». Украинское государство в литературе характеризуется как казацкое. В основу его административного устройства была положена организация запорожского войска. Запорожская Сечь была зародышем этого государства. Социальная основа нового государственного образования имела сословный характер. Властью обладали гетман и старшина. Представители старшины пытались заполнить собой нишу, освободившуюся после ухода польских панов. Они присваивали себе земли, феодальные повинности для крестьян и казаков. У гетманов (пример – Хмельницкий) наблюдалось стремление сделать свою власть наследственной. Многие в установившейся государственности, по мысли украинских историков, определялось взглядами Хмельницкого, которые не выходили за рамки феодального мировоззрения. Хмельницкий и старшина стремились не к установлению демократического республиканского устройства, а к занятию в нем привилегированной социальной ниши. Поскольку украинские историки называют московского царя сюзереном Украины, то систему подчинения Украины нужно воспринимать как вассальную. В литературе прямо утверждается, что союз Украины с Россией являлся типичным для того времени военным союзом сильного и более слабого государства на основе отношений вассалитета. С течением времени Украина превращалась в автономную часть империи. При этом Запорожская Сечь оставалась фактически независимым государством с собственной системой управления, армией и флотом.

Наряду с представленной точкой зрения в учебной литературе высказана иная позиция. Ее авторы стремились преодолеть упрощенное освещение войны середины XVII столетия. Они определяют ее как борьбу, в которой присутствовали религиозные, социальные и экономические противоборства. Они определяют войну как попытку создать вассальную государственность на базе вооруженных сил казачества при условии протекции со стороны более мощной державы. Хмельницкий при этом как бы резервировал за собой статус практически самостоятельного правителя. Идеализируя сложившуюся государственность, авторы усматривают в ее рамках некое продвижение по пути прокапиталистического развития. Такое представление вносит новый элемент в понимание социальной основы гетманства.

И в научной, и в учебно-пропагандистской литературе фигурируют термины «Козацкая цивилизация» второй половины XVI - середины XVIII в., «казацкая нация». Возникновение запорожского казачества однозначно связывается с «творческой» деятельностью правительства Великого княжества Литовского, начиная с Сигизмунда II в 1524 г. (казаки с центром в Черкассах) и Дмитрия Вишневицкого в 1563 г. (Запорожская Сечь на о. Хортица), однако они имели предшественников в будущей Украине. Это – бродники, берладники, «галицкие выгонцы». В украинской историографии их всех связывают с Галицкой землей (включая Молдову), что не совсем верно: бродники были по всей Руси. Были беглецы на степные окраины и в XIV – XV вв.

Подчеркивается демократизм происхождения уже собственно казаков, в них шли «мещане» и «селяне», ибо южнорусское дворянство (шляхта) предпочитала искать государственную службу. И хотя в отличие от российской историографии не подчеркиваются возможные тюркские корни части казачества, указывается что вооружение и тактику казаки перенимали у своих степных противников. Происходит героизация казаков, причем не столько благодаря их борьбе с «нехристами» - турками и татарами, сколько с «польской шляхтой» и «царской Москвой». Главная же заслуга казаков в XVI – XVIII вв. – спасение от физического уничтожения украинского народа. В то же время в оценке деятельности казаков допускаются и такое противоречие: указывая в качестве основных противников поляков и россиян, в то же время говорится о том, что они «служили надежным щитом для своих ближайших соседей – россиян, поляков». (Я. Дашкевич [10]).

В популярной литературе освещение темы истории казачества выглядит каким-то раздувшимся флюсом. Это делается в ущерб освещению важных тем из истории Украины в XX в. Как и в советской исторической литературе, роль казачества в истории украинские специалисты преподносят в несколько идеализированном виде. Подчеркивается воспевание казачества в фольклоре («несокрушимый казак Байда»). В исторической литературе казачество выступает борцом против внешних и внутренних врагов и, что отличает именно украинских историков, инициативной силой в возрождении украинского государства. Замалчиваются такие черты как разбойничество, грабительские походы казачества. При описании освободительной войны под предводительством Хмельницкого авторы обходят вниманием жестокости казаков по отношению к мирному населению, погромы евреев.

Специализирующийся на XVII в., П. Кулаковский детально изучил отдельные регионы современной Украины. Его труд «Чернигово-Северщина в составе Речи Посполитой» (1618-1648) [17] интересен отсутствием даже минимального националистического «налета», при этом он включает историю (пожалуй, впервые после А. Лазаревского) современной российской (Брянской) части Северщины. Важным является его вывод о том, что сепаратистские тенденции (да и то слабые у некоторых частей старшины), в этом регионе Российской империи зарождаются лишь в конце 1760-х годов, после начала реформ Екатерины II по ограничению самоуправления этого региона.

Стародубский полк Гетманства (Войска Запорожского) не нашел должного освещения в современной украинской историографии. Возможно, это связано с тем, что еще в 1888 г. был издан фундаментальный труд А.М. Лазаревского «Описание старой Малороссии. Полк Стародубский» [18]. Более поздние украинские исследователи вспоминают только стародубского полковника И. Скоропадского (гетмана волею Петра I), да и то не добрым словом, т.к. он не поднимал на высоту национальные украинские интересы.

В исторической литературе Украины заметное внимание уделяется освещению украинского менталитета. Распространенной традицией является то, что авторы связывают формирование этого менталитета с древнейшим прошлым (А.С. Стражный [34] – с палеолита) и даже

говорят о генетических истоках украинской ментальности. При этом жесткой последовательности в их рассуждениях нет. Рассуждая о менталитете, тот или иной исследователь нарушает «генетический подход» и рассуждает о влиянии природы, плотности населения. При характеристике черт менталитета речь идет не об отражении в народном подсознании и привычных формах поведения базовых основ жизни, а о самых разнообразных чертах, которые, как представляется, с менталитетом не связаны (одаренность, чувство юмора, амурный авантюризм и пр.). В подходе авторов слабым местом является и то, что они исторически кратковременные условия принимают за те обстоятельства, которые формировали украинский менталитет. Например, по их мнению, общение с греками в скифскую пору формировало демократичность и деловитость. Как известно, формирование менталитета проходит длительный путь, и определяющими условиями в этом процессе могут быть только те, которые воздействовали на народ веками и постоянно в ежедневной практике. Таким образом, в тех работах украинских историков, где так или иначе говорится об украинском менталитете, господствует субъективный подход.

В итоге на основе анализа нескольких десятков разных работ украинских авторов складывается следующая картина. Наиболее объективно и взвешенно к изучению подходит, прежде всего, научно-историческая (включая археологическую, но исключая богословскую) историография. Многие ее представители начинали научную деятельность еще в СССР, но мало изменили свои взгляды в идеологическом аспекте. К этой же категории можно отнести и часть их учеников, которые только начинали работу в советский период, при этом даже тех, кто длительное время действовал в США или Швеции (А.П. Толочко [36], Ф.А. Андрощук). Впрочем, это неудивительно, исходя из постулируемого ими подхода к научной деятельности. Так, А.П. Толочко (так же, как и его отец), в переписке с одним из авторов, подчеркивал, что ученый в своей профессиональной деятельности не должен придерживаться своих национальных и политических предпочтений. Однако его более «искушенный» еще с советских, да и современных «незалежных» времен отец в книге 2020 г. утверждает, по крайней мере, относительно современных украинских историков: «имеем множество примеров, когда дипломированные историки не обременяли себя профессиональной честью и совестью». Вероятно, однако, что это в большей степени можно отнести к специалистам не по Древней Руси, а по более поздним периодам истории Украины, либо не к ученым вообще, а к популяризаторам – пропагандистам (А. Палий и его предшественники на этом поприще). В заключение отметим уже упомянутый и пока не объясненный парадокс – школьные учебники по периоду от древности до конца XV в. все же намного ближе к первой (чисто научной) группе, чем ко второй (пропагандистской).

Библиографический список

1. Андрощук Ф.А. Чернигов и Шестовицы // Деснинские древности. Вып.1. – Брянск, 1995. – С. 118-120.
2. Андрощук Ф.О. Ранні етапи формування давньоруської культури у межиріччі Дніпра та Десни (IX – середина X ст.)// Автореферат дис. канд. іст. наук. Киев, 1997. 16 с.
3. Возний І. Історико-культурний розвиток населення межиріччя верхнього Сірету 27 та середнього Дністра в X–XIVст. Частина 2. Матеріальна, духовна культура та соціально –історичний розвиток. Київ-Чернівці, 2009. 592с.
4. Возный И.П. Земли Пруто – Днестровского междуречья и Киевское государство в Хв.: формирование государственной территории//Образование Русского государства в IX – XI вв. и его возрождение после «Смуты». Материалы Международной конференции, приуроченной к 1150-

- летию образования Древнерусского государства. Под ред. А.В.Антюхова, С.И.Михальченко, Е.А.Шинакова, А.А.Чубура. – Брянск, 2012. – С.18 -23
5. Войтович Л. В. Галич у політичному житті Європи XI–XIV століть. Львів, 2015. 477с.
  6. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. - 568 с.
  7. Грушевський М. Історія Україна – Руси. 2-е изд. Т. II. (XI-XIII в.). Львів, 1905.
  8. Гурджій О. Українська козацька держава в другій половині XVII-XVIII ст.: кордони, населення, право. Київ, 1996. 223с.
  9. Давня історія України. Т. 3 / под ред. П.П. Толочко. Київ. 2000. 696с.
  10. Дашкевич Я.Р. «Історія Українського війська» -проблематика, автори, видавці. Передмова к «Історія Українського війська». Львів, 1992. С. 3-8.
  11. Донцов Д. Націоналізм. Лондон –Торонто, 1966. 363 с.
  12. Історія Українського війська (від княжих часів до 20-х років ХХст.). Видання 4-те, змінене і доповнене. Автори: І.Крип'якевич, Б. Гнатевич, З. Стефанів, О. Думін, С. Шрамченко. Львів: «Світ», 1992. 704с.
  13. Кентржинській Б. Мазепа. Київ, 2013.
  14. Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород-Северский в X – XIII вв. // Новгород-Северскому – 1000 лет. Чернигов – Новгород-Северский, 1989. – С. 25 – 29
  15. Костомаров Н.И. Две русские народности // Основа. – 1861. – № 3. – С.33-80.
  16. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб.: «Алетейя», 1998. 444с.
  17. Кулаковський П. Чернігово – Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618 – 1648). Київ: «Темпора», 2006. 496с.
  18. Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Полк Стародубский. Т.1. Киев, 1888.
  19. Міхновський М. Самостійна Україна. Лондон, 1067. 79с.
  20. Моця О. Населення південно-руських земель IX–XIII ст. Київ: АН України, 1993. 160с.
  21. Моця О. Ричка Володимир Михайлович. Київська Русь: від язичництва до християнства. Навчальний посібник для учнів старших класів і студентів. Київ, «Глобус», 1996. 224с.
  22. Моця О. «Русь» на півдні східнослов'янського світу // Русское наследие в странах Центральной и Восточной Европы. Материалы Межгосударственной конференции 5–8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Под ред. А. В. Антюхова и др. Брянск: БГУ; Фонд «Русский мир», 2010. – С. 290–300.
  23. Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. Київ, 2011. 315с.
  24. Моця А. П. Начало древнерусской государственности — конец древнерусской народности. Образование Русского государства в IX–XI вв. и его возрождение после «Смуты» // Международная конференция, приуроченная к 1150-летию образования Древнерусского государства (25–27 ноября 2012 г.) / Под ред. Антюхова А. В., Михальченко С. И., Шинакова Е. А., Чубура А. А. – Брянск, 2012. – С. 43–51.
  25. Оніщенко І. Історія України. Навчальний посібник. Київ, 2001. 160 с.
  26. Палий А. Краткий курс истории Украины. Киев, 2018. 459 с.
  27. Рафальський О.О. Переяславський договір України з Росією 1654 року. Ретроспективний аналіз. Київ: «Генеза», 2004. 296с.
  28. Русина О. В. Україна під татарами і Литвою / НАН України. Інститут історії України. Київ: Альтернативи, 1998. 320 с.
  29. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 361с.
  30. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. 242с.
  31. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590с.
  32. Смолій В.А. Степанов В.С. Українська державна ідея XVII-XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997. 368с.
  33. Смолій В.А. Степанов В.С. Українська національна революція XVII-XVIII ст. (1648-1676 рр.). Київ, 1999. 352с.
  34. Стражний А.С. Украинский менталитет. Киев, 2008. 383с.
  35. Субтельный О. Украина: история. Киев, 1994. 736с.

36. Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб: «Лаурис». 336с.
37. Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983. 327с.
38. Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. 254с.
39. Толочко П.П. Київська Русь. Київ, 1996. 358 с.
40. Толочко П.П. Ранняя Русь: история и археология. СПб., 2013. 212с.
41. Толочко П.П. Откуда пошла Русская земля. Киев, 2016. 292с.
42. Чубатий М. Княжа Русь-Україна та виникнення трьох східнослов'янських націй. Нью-Йорк, 1964. 159с.
43. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наук. думка, 1987. 181с.
44. A Viking Century Chernihiv Area from 900 to 1000AD.Ed. by S. Stepanenko.Ser.ed.C.Zuckerman. Paris: АСНСВuz.,2022.636s.

Сведения об авторах:

Дубровский Александр Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», e-mail: alexdubr48@mail.ru

Ковеля Валерий Валерьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», e-mail: kovelya@yandex.ru

Федосов Андрей Владимирович, старший преподаватель факультета дополнительного образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», e-mail: fedosov-andrey@yandex.ru

Шинаков Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», e-mail: shinakov@mail.ru

УДК 94

Е.А. Шинаков, Г.Ю. Симиохин

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ТЕРМИНА «ДРАНГ НАХ ОСТЕН» И ЕГО ПЕРИОДИЗАЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу происхождения термина «Дранг нах Остен» («натиск на восток») и сложностям его интерпретации. Рассматриваются исторический контекст возникновения понятия, его значение и изменения в восприятии этого термина в историографии середины XIX – начала второй половины XX в.. Особое внимание уделено дискуссиям вокруг трактовки терминологии, её идеологической нагрузки и влияния на исторические и политические исследования. Изучение данной темы в историографии содержит множество противоречий и требует дальнейшего рассмотрения, так как актуальность этого вопроса вновь возросла в настоящее время.

Ключевые слова: Восточная политика, натиск на восток, германская экспансия, историческая периодизация, генезис понятия, политическая риторика, интерпретация термина

Shinakov E.A., Simiokhin G.Y. On the origin of the term "Drang nach Osten" and its periodization in historiography

Abstract: The article focuses on analyzing the origins of the term "Drang nach Osten" ("pressure to the East") and the complexities of its interpretation. It examines the historical context of the term's emergence, its significance, and the shifts in historiography of the middle of XIX – the beginning of second half of XX century. Special attention is given to the debates surrounding the interpretation of this terminology, its ideological implications, and its influence on historical and political research. The study of this topic in historiography reveals numerous contradictions and calls for further examination, especially as the relevance of this issue has resurfaced in recent times.

Keywords: Eastern policy, pressure to the East, German expansion, historical periodization, genesis of the concept, political rhetoric, interpretation of the term

Этот процесс не имеет отношения к идеологии, которая в разных формах и степени использовалась, конечно, во время немецкого и католического «натиска на Восток» для прикрытия истинных, вполне материальных целей, и привлечение участников из разных стран Европы, лишь частично мотивированных идеологически. Это просто часть военно-политической истории последний, как, впрочем, и другие «натиски» на отдельные ее части в Средние века. Это и натиск с севера (викинги, англичане во Франции, шведы в Германии, Польше, России), и востока (кочевники, Россия (в конце XV – XVIII веках)), юга (арабские и турецкие мусульмане).

Что касается «натиска» с запада, (то есть собственно термин «Дранг нах Остен»), то в первоначально немецкой, юридической форме он появился в католической Польше в середине XIX века. Он являлся результатом разочарования польских революционеров в идеологической мотивации их немецких «братьев», для которой вдруг националистические идеи в процессе объединения* Германии стали превалировать над социально-политическими, «либеральными».

Конкретно термин в варианте «Zuge nach dem Osten» (в том же смысле, что и «Drang nach dem Osten») зафиксирован в открытом письме польского «революционера» Юлиана Клачко «Германские гегемоны», изданной в виде книги в Берлине на немецком языке весной 1849 года [1, р. 7]. Хотя выражение возникло в рамках широкой дискуссионной стратегии и было предварительно подготовлено через ироничное преувеличение фразы «Drang nach

---

* В июне 1848 года на дебатах в церкви Святого Павла либеральные депутаты национального собрания делали упор на «превосходящую культуру немцев, их превосходящий инстинкт власти, и предполагающую неспособность польской нации даже сформировать функционирующее государство». Все польские территории Пруссии должны стать частью объединенной Германии.

Drangen», для Клачко оно имело прежде всего тактическую цель. А именно – предложить немцам, которых он – то ли крайне уважительно, то ли с сарказмом – «великой нацией» иные цели, кроме удержания «маленького кусочка Польши» - Познани. Этими целями, как указывает Клачко, для Пруссии должен явиться сначала приобретенный (в ходе народного восстания против Дании), а затем утерянный в ходе датско – прусской войны 1848 -1849гг. Шлезвиг, для Австрии – «великой и славной» - сохранение ее итальянских владений («Триест –уже не немецкий город») [1, р. 7]. После того как он выполнил эту задачу в определенном контексте, выражение исчезло из его работы и больше не было использовано [2, р. 277]. Впрочем, сам автор приписывает создание термина президенту Национального собрания Германии эпохи революций 1848 - 1849 годов Генриху фон Гагерну [2, р. 277]. Последний трактовал этот термин как многолетнюю закономерную тягу движения немцев на Восток. В России этот термин был впервые использован в декабре 1865 года в газете «Московские ведомости» по отношению к «своим», прибалтийским немцам [3, с. 831]. В дальнейшем он стал популярным у славянофилов разных стран, включая первого президента независимой Чехословакии Масарика. Во время Первой мировой войны он использовал выражение «*deutschen Drang nach Osten*» («немецкое движение на Восток»), стремясь привлечь внимание западных держав к борьбе за независимость своей страны [4]. С началом вторжения в Советский Союз этот лозунг приобрёл новую жизнь, став одним из элементов советской пропаганды.

Фраза «*Drang nach Osten*» стала лозунгом панславистской публицистики, направленной против балтийских немцев, после того как «Московские ведомости» ответили на статью "Der Drang nach Osten" из газеты *Kölnische Zeitung* от 28 декабря 1865 года. Это выражение активно использовалось газетами, для описания предполагаемых планов Германии и немцев укрепить своё влияние в Прибалтике и соседних регионах Российской империи. В целом, газета подчёркивает противоречивость и популизм антигерманской риторики, использовавшейся в российской прессе, а также возможные негативные последствия такой политики для экономики и общества [5]. Все же стоит отметить, что в Германии этот термин, несмотря на его использование в учредительном обращении Пангерманского союза, был едва известен.

Польский политик и публицист Роман Дмовский подчеркивал, что тевтонское племя в течение более чем тысячи лет распространяло своё влияние на материке (*Drang nach Osten*), колонизируя славянские земли, основывая в их территории новые «марки» или завоеывая их под знаменами рыцарских орденов [6, с. 57]. Особого внимания заслуживает акцент автора на том, что на конец XIX века, благодаря этому «распространению», германские интересы заходят далеко за пределы империи, а соответственно её могущество гораздо значительнее, чем об этом свидетельствуют бюджет и боевые силы. Это легко подтверждается, например, швейцарцы в двух третях народ "*der deutschen Zunge*" [6, с. 58-59].

Клачко, как поляк, «начинает» «Дранг нах Остен» с начала XIII века, с узурпации немецкими (тевтонскими) рыцарями переданных им во временное владение польских земель на границе с Пруссией. В дальнейшем датировка начала этого процесса менялась.

В официальном издании «Советской энциклопедии» 1952 года приводится 3 этапа «дранг нах остен» - X в. до 983 года; конец X - начало XI вв. (до Будишинского мира 1018 г.); середина XII века [7, с. 175]. Очевидно, что здесь имелась в виду немецкая агрессия против части (на чехов) западных славян. При этом присутствуют 2 ошибки: во время восстания 983 года освободились не «все» славяне - под властью Германии остались сорбы (лужичане), перешедший под власть Болеслава Польского лишь в 1018 году, по Будишинскому миру. И «агрессия против польских племен» никак не могла начаться во второй половине IX века (вероятно, имеется в виду все же X век).

В отечественной историографии усиливается «католический» аспект «натиска на Восток» и попытки разработать этапность последнего. Также, в качестве «дани» марксистской идеологии иногда подчеркивается феодальный характер «экспансии на Восток», начиная с франков. Но феодальные цепи маскировались идеологией «воинствующего христианства» [8, с. 19].

Один из крупнейших славистов второй половины XX века В. Д. Королюк считал, что идеологически немецкий характер «экспансия» приобретает лишь с XII-XIII в.в., когда к «немецкому народу перешли права Рима на мировое господство» [8, с. 19]. Кроме того, он представил четырехэтапную периодизацию:

1-ый этап: IX в. – первая половина X века. - включает агрессию «восточнофранкских феодалов» против Великой Маравии, прерванную вторжением венгров и наступлением франкских феодалов на Посавскую и Долматинскую Хорватию, закончившиеся полной неудачей к концу столетия [8, с. 5].

2-ой этап: вторая половина X - начало XI в. - заключается в наступлении Германской («Римской») империи на полабо-прибалтийское славянство, Чехию, Польшу. Завершился «провалом захватнических планов» из-за всеобщего восстания полабо-прибалтийского славянства, затем – «длительных и кровавых польско-немецких войн» при «политической игре» Чехии и Венгрии.

3-ий этап: вторая половина XII – начало XV в. – касается ведения экспансии на славянские земли, включая завоевания Габсбургов, Бранденбурга, Тевтонского и Ливонского орденов. Однако эти действия сдержали Ледовое побоище (середина XIII века), Грюнвальдская битва и Гуситское движение (начало XV века), Тринадцатилетняя война Польши с Тевтонским орденом (1454–1466) и разгром Ливонского ордена Россией в XVI веке.

4-ый этап: XVI – XVIII вв. – ознаменован созданием Габсбургами в XVI в. многонациональной монархии в Дунайском бассейне. С середины XVII века Пруссия Гогенцоллернов усиливала позиции, захватив в XVIII веке Западное Поморье, Силезию и значительную часть польских земель. Этот этап германской экспансии на Восток был временно приостановлен к концу XVIII века из-за Французской революции, революционных войн и наполеоновских кампаний, которые значительно ослабили Пруссию и Австрию. Особенно пострадала Пруссия, получив сильный удар по военному престижу и репутации [8, с. 6].

Первый этап возражений не вызывает, если не считать несколько «пропущенных» подходов против ободритов, а в первой половине X в. - против всех полабских и части поморских славян. Большим плюсом здесь является и впервые упомянутые в рамках «Дранг нах Остен» наступление на южных славян (хорватов), хотя и здесь опущены первые германо-болгарские войны.

А вот второй период не столь однозначен: явно преувеличена для его начала роль Польши, поначалу бывшей союзником Германии, и преуменьшена роль Чехии – Болеслава II Жестокого, а также неясности с датой провала агрессии против полабских славян – она все же была в первой, а не во второй половине X в., а восстание 983 г. – это скорее показатель славянского (при датской, а не польской поддержке) «контрнаступления». Немаловажно, что автор не включает в классификацию XIX век, аргументируя это следующим: "Новый этап германской восточной экспансии, начавшийся в середине XIX в., связан уже с политикой и идеологией германской и австрийской буржуазии, заключивший союз со своими переходившими на путь капиталистического хозяйствования помещиками и с военно-феодальными монархическими режимами Гогенцоллернов и Габсбургов..." [8, с. 7].

Как видно, системный обзор, а также анализ событий, их причин, последствий и результатов «натиска на Восток» отсутствует даже в специальных работах. Выделенные этапы

противоречивы как в их внутренней логике, так и между различными классификациями. В дальнейшем планируется проведение нового исследования с подробным описанием этапов, а также регионов, затронутых экспансией. Более того, предстоит изучить контаминацию (соприкосновение) «натиска на Восток» с другими («южным», «северным», «восточным») направлениями экспансии.

Библиографический список

1. Klaczko, Julian. Die Deutschen Hegemonen: offenes Sendschreiben an Herrn Georg Gervinus. F. Schneider & Comp.; (Berlin: Eduard Krause), 1849. P. 60. [Электронный ресурс] // Mode of access: <https://bibliotekacyfrowa.ujk.edu.pl/dlibra/publication/2337/edition/2103/content> (Date of access: 18.12.2024)
2. TORSTEN LEUSCHNER. Der deutsche 'Drang nach Osten': Plädoyer für eine linguistisch fundierte historische Stereotypenforschung. 4/2013. P. 276-278. [Электронный ресурс] // Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/294262759_Der_deutsche_'Drang_nach_Osten'_Pladoyer_fur_eine_linguistisch_fundierte_historische_Stereotypenforschung (Date of access: 18.12.2024)
3. Передовая статья № 281 от 21.12.1865 г. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1865 год. - М.: 1897-1898. – С. 831-836. – [Электронный ресурс] // URL:
4. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003946880?page=832&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 18.12.2024)
5. Tomáš Garrigue Masaryk Das neue Europa: der slavische Standpunkt 1. Aufl. Berlin: Verl. Volk und Welt, 1991. P. 201.
6. Статья "Der Drang nach Osten" в газете "Kölnische Zeitung" от 28.12.1865 г. [Электронный ресурс] // URL:
7. <https://zeitpunkt.nrw/ulbbn/periodical/zoom/11159055> (дата обращения: 19.12.2024)
8. Дмовский, Роман. Германия, Россия и польский вопрос — СПб., 1909. — XXII, [2], 292 с. [Электронный ресурс] // URL:
9. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003757545?page=41&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 20.12.2024)
10. Дранг нах остен // Докеры — Железняков. — М.: Советская энциклопедия, 1952. — С. 175. — (Большая советская энциклопедия: [в 51 т.] / гл. ред. Б. А. Введенский; 1949—1958, т. 15).
11. «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1967. 286 с. Редакционная коллегия: В. Д. Королюк (отв. ред.), В. М. Турок, Н. Д. Ратнер, А. И. Рогов. с. 3 – 22.

Сведения об авторах:

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: shinakov@mail.ru

Симиохин Георгий Юрьевич, студент факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: simiohin.georgy@yandex.ru

УДК 94(47)084

С.В. Артамошин

АНАТОМИЯ «ГЕШТАЛЬТОВ»: АНАЛИЗ ПРОЕКТА ОСМЫСЛЕНИЯ КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КНИГЕ Г. СИПЛИВОГО

(Сипливый Г.Н. Гештальты «Консервативной революции». – М.: НП «Посев», 2022. – 372 с.)

Аннотация: В статье анализируется исследование Г. Сипливого, посвященное интеллектуальному течению консервативной революции в Веймарской республике Германии. Производится критический разбор авторской концепции с учетом тенденций мировой историографии. Выявляются сильные и слабые стороны исследования Г. Сипливого, определяются перспективы изучения

Ключевые слова: Консервативная революция, Веймарская республика, национализм, консерватизм

Artamoshin S.V. Anatomy of 'gestalts': analysing the project of comprehension of the conservative revolution in the book by G. Siplivoy

Abstract: The article analyzes the study of G. Siplivy, dedicated to the intellectual flow of the conservative revolution in the Weimar Republic of Germany. A critical analysis of the author's concept is carried out taking into account the trends of world historiography. The strengths and weaknesses of G. Siplivy's study are identified, and the prospects for study are determined.

Keywords: Conservative revolution, Weimar Republic, nationalism, conservatism

В 2022 г. в издательстве «Посев» вышла монография молодого исследователя, магистра Высшей школы экономики (г. Москва) Г.Н. Сипливого, посвященная «гештальтам «консервативной революции». Поставленная автором проблема до сих пор привлекает внимание публики не только притягательностью термина, использованного в названии, имеется в виду консервативная революция, но и необыкновенной актуальностью не только поставленных вопросов, сколько заостренностью и точностью сказанных ответов. Именно в них содержится как притягательный, так и раздражительный фактор данного германского феномена Веймарской республики.

Изучение консервативной революции в Веймарской республике в России не представляет собой абсолютную новизну и в отдельных случаях был осуществлен как системно, феномена в целом, так и в персональном аспекте, обращаясь к осмыслению интеллектуального наследия ее отдельных представителей. На уровне докторских диссертаций феномен консервативной революции был системно осмыслен Артамошиным С.В. [1], а германская историография консервативной революции Тереховым О.Э. [5] Предложенный проект Г. Сипливого осмысления гештальтов обладает определенной новизной и требует детального анализа.

Использование автором понятие гештальт представляет собой кальку немецкого философского термина, использованного О. Шпенглером и пронизывающим многие сочинения Э. Юнгера, но с точки зрения научного исследования во многом указывает на психологическую область гештальт-психологических исследований, чем исторических или философских. Вполне возможно, что автор усматривал в этом желание подчеркнуть базовые образы консервативной революции.

Во введении автор отмечал, что книга представляет собой исследование в «жанре интеллектуальной истории» [4. С.9]. Такой подход оправдан вполне, при том, что именно в данном направлении исторической и гуманитарной мысли данный феномен и осмысливается. При этом попытка автора подчеркнуть особенность подхода интеллектуальной истории указывает на смешение понятий интеллектуальной истории и истории идей, которые для автора идентичны, а также утверждение, что историческая наука в основном акцентирует внимание на

политические, экономические и социальные проблемы представляет собой архаичное представление о современных исторических исследованиях.

Сипливый Г. Н. утверждает, что новизна его проекта состоит в том, что консервативная революция рассматривается с позиций истории идей, а не политической истории. Сразу оговоримся здесь, чтобы не повторяться в дальнейшем. Данный подход системного анализа консервативной революции в Германии в годы Веймарской республики в контексте интеллектуальной истории был осуществлен нами в докторской диссертации и двух опубликованных монографиях [2; 3]. С точки зрения научной объективности следует отмечать предшествующий вклад исследователей с тем, чтобы подчеркнуть собственный. Учитывая, что нашего исследование явилось первым отечественным исследованием консервативной революции, в котором были подняты как политические, так и интеллектуальные проблемы германского консерватизма, игнорирование этого не представляется корректным, к тому же автор выделяет в качестве собственных достижений то, что было уже сделано нами. Так, например, Г. Сипливый утверждал, что «углубленная акцентуализация именно на ключевых текстах и их анализ с точки зрения семантической составляющей является лакуной в историографии движения» [4. С. 11]. Однако именно в данном направлении и осуществляется анализ консервативной революции. Оправдана и справедлива заявка автора на то, что «мы стараемся понять позицию ключевых представителей движения, исходя из того нарративного контекста, который они нам оставили» [4. С.11].

Относительно методологической основы автор отмечает, что под так называемой гештальт-методологией он понимает «фиксацию на темах и образах» консервативной революции, понимая под этим «тематические композиции» консервативных идей. Такое методологическое определение по-своему является авторски-оригинальным и требует широкого и глубокого обоснования, которое автор не делает. Нам представляется, что притягательность немецкого слова Gestalt сыграло с исследователем злую шутку, запутав необходимую стройность научной мысли.

Нам представляется не корректным использование автором на протяжении многих страниц книги неуместного сокращения – КР, под которым понимается консервативная революция. На наш взгляд, подобное сокращение и с научной, и с эстетической стороны неуместно. Но это вопрос частный.

Указывая на необходимость очертания круга представителей консервативной революции, Г. Сипливый перечисляет имена мыслителей, которые могут быть отнесены к данному направлению: Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, Мёллер ван ден Брук, Э. Юнгер, Э. Никиш, Г. и О. Штрассеры, Х. Фрайер, О. Шпенглер, Т. Манн, М. Хайдеггер и К.Шмитт. [4. С. 15-16]. Обозначенный перечень имен настолько произволен и не в полной мере корректен, что требует, как минимум уточнения. Конечно, называть Ф. Ратцеля и К. Хаусхофера консервативными революционерами несуразно, так как Ратцель умер в 1904 г., когда еще Мёллер ван ден Брук даже не помышлял об журналистской карьере, а К. Хаусхофер, несмотря на приверженность консервативным позициям не относился к консервативным революционерам. Э. Никиша и братьев Штрассеров возможно относить к ним с очень большими оговорками. Ну и главное - ряд знаковых имен остались вне поля течения, как минимум, Э.Ю.Юнг, В. Штапель, Ф.Г. Юнгер, Ф. Хильшер и др. Бросается в глаза очень поверхностное знание Г. Сипливым исторического контекста Веймарской республики. Его утверждения, включая радикальный тезис, что нас интересуют тексты, а не факты, но без фактов нельзя понять формирование идеи, которое не образуется само по себе в семантическом поле, а имеет интеллектуальные и политические корни. Автору следовало бы учитывать тот факт, что идейный круг консервативной революции формировался в ракурсе политических проблем, именно политические проблемы ставили

на острие течения идеи, призванные существовать не сами по себе, а решать конкретные политические задачи, важные для германского общества. Также позволю себе сразу высказаться о том, что представления автора об истории веймарского общества требуют от него овладения историческими знаниями, представления о которых настолько скудны, что автор допускает элементарные ошибки из-за незнания исторического контекста, вплоть до того, что автор просто путает людей с одинаковой фамилией. Так, в разряд фёлькишей попал генерал-полковник фон Фрич, который к ним никогда не относился. Г. Сипливый спутал его с Т. Фричем, автором «Антисемитского катехизиса», имевшего к фёлькишескому движению прямое отношение. [4. С. 23]

Следует обратить внимание на то, что масштабные ссылки на немецкую исследовательскую литературу создают устойчивое убеждение в том, что они представляют собой библиографические ссылки и не имеют отношения к анализу историографии консервативной революции, которая в книге отсутствует совершенно. К тому же на протяжении всей книги ссылки на исследовательскую литературу непредметны, а библиографичны, ссылки на работы, с которыми автор вряд ли знаком, так как нигде предметно постранично на них не ссылается. Это приводит к тому, что в основу своего исследования Г. Сипливый положил древнюю, первую книгу Армина Молера 1950 г., и в силу того, что с немецкой историографией автор элементарно не знаком, он не знает эволюции исторических исследований и концепций консервативной революции в ФРГ. Вообще, стремясь к изучению консервативной революции, тема которой придает автору значимость, основная немецкая литература приведена в переводе А.Д. Уханова, серьезное и обстоятельное исследование которого творчества К. Шмитта Г. Сипливый включил в книгу (параграфы 4.3 и 4.4), и представляют собой четко выстроенное исследование, за которое А. Уханова следует отметить.

Г. Сипливый приводит ошибочные утверждения, вытекающие из вышеизложенного о том, что кроме А. Молера консервативная революция не изучалась [4.С.26]. Для специалистов достаточно назвать имена К. Зонтхаймера, Ш. Бройера, чтобы закончить обсуждения слабой изученности вопроса. Также следует указать отсутствие четкости в использовании и формулировании понятий, которые в исполнении автора представляют собой набор витиевато-философских определений. Утверждение Г. Сипливого о существовании «нарративных построения, сказанных КР о самой себе» вообще ставит читателя в тупик неизвестности, так как пояснения, о чем идет речь автор не делает. [4. С.29]

Содержательная часть работы имеет не меньше вопросов, чем постановочная. Автор фактически повторяет уже устаревшую, как минимум 50 лет, структурную схему правых движений, предложенную А. Молером. К слову, автор называет ее «анатомией консервативной мысли», не проводя и не видя различия между консерватизмом и фёлькишеским национализмом. [4.С.39-48]. Причем автор приписывает нам утверждение о существовании среди фёлькише «бульварного эзотеризма», которое мы никогда не делали, и в цитируемых автором наших работах, данный эпизод отсутствует. [4. С. 52].

Незнание политического контекста и стремление, очень скромное, мыслить в постмодернистском ключе ставит автора в сложное положение. Абсолютно не соответствующим действительности выступает утверждение Г. Сипливого о том, что книга Мёллера ван ден Брука «Право молодого народа» «является одним из ключевых произведений для всей «Консервативной революции» как интеллектуального движения» [С.62]. Текст возник в период начала Парижской мирной конференции и имел четкую политическую задачу – получение Германией максимально лучшие условий мира от стран-победительниц. Также требует пояснения утверждение автора о том, что судьба Э.Ю. Юнга, Мёллера ван ден Брука (Г. Сипливый позволяет себе чрезмерную вольность с использованием его фамилии, называя его то Артуром Мёллером

ван ден Бруком, то просто Мёллером. Автору не лишним будет знать, что Мёллер ван ден Брук никогда не подписывался своим именем Артур, и всегда указывал полную фамилию – Мёллер ван ден Брук, что делает недопустимым любые авторские вольности) и О. Шпенглера «закончилось трагично»[4. С. 89] Относительно первых двух подобное определение допустимо: Мёллер ван ден Брук покончил с собой в момент душевного кризиса в психиатрической больнице, но не в 1926 г., как считает автор, а в 1925 г.; Эдгар Юлиус Юнг был убит в ходе «ночи длинных ножей», в то время как О. Шпенглер умер во сне, и утверждения Г. Сипливого о туманности обстоятельств его смерти являются туманными для него самого. Автору было бы неплохо знать, что Отмар Шпанн был австрийцем, и хотя его исследование государства оказало воздействие на сторонников сильного государства, все же его круг влияния австрийский, а не германский [4. С.223]. Также ошибочно Г. Сипливый относит Фридриха Хильшера к «фронтальному поколению» не замечая, что он как раз принадлежит к поколению 1902 г. - «не успешшему». [4.С.267].

Шестая глава книги как раз и представляет собой анализ гештальтов, заявленных авторов в начале работы. Можно сказать, что все предшествующие 300 страниц представляли собой стрельбу по площади, а шестая глава являет собой конкретную цель. Какие же политические гештальты определяет Г. Сипливый? К ним он относит: рейх, революция справа, антирадикализм, третий путь и восточную ориентацию внешней политики. За исключением первого, имевшего отношение к образам консервативной революции, все остальное по меньшей степени дискуссионно. Да и понятие «рейх» следует понимать и прочувствовать в германском, а не государственно–правовом смысле. Консервативные революционеры мыслили *das Reich* как духовно–мистическое понятие общности, а не как структуру государства, как это делает Г. Сипливый. Следует отметить, что утверждение Г. Сипливого об основательном изучении политических гештальтов не опирается на материал книги и носит произвольно–поверхностный характер смешения идей и образов. Здесь следует отметить, что автору необходимо знать, что отличительной чертой консервативной революции был ее националистический характер как противоположность либерально–демократическому и монархическому варианту. Подходя к финалу, не могу пройти мимо фигуры Эрнста Юнгера, которого Г. Сипливый называет «эсхатологическим жрецом» и «индустриальным поэтом». Необходимо понимать, что Э. Юнгер не писал стихи и поэтом не был. Он прозаик и философский эссеист. Относительно «эсхатологического жреца» даже добавить нечего. Стремление к эпатажности фраз лишает сочинение строгой исследовательской логики.

Таким образом, книга Г. Сипливого во многом является смешением понятий и групп. Заявка на анализ текстов не имеет должной глубины и основательности. Поэтически завершая свои размышления, на ум приходят строчки М.Ю. Лермонтова: «смешались в кучу кони, люди». Детализация и углубленный анализ текстов является гарантией от поверхностного взгляда на серьезное интеллектуальное течение германской мысли первой половины XX века.

Библиографический список

1. Артамошин С.В. Интеллектуальное течение "консервативной революции" в политической жизни Веймарской республики. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Брянск, 2011.
2. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение консервативной революции в политической жизни Веймарской республики. – Брянск, 2011.
3. Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. – СПб., 2018.
4. Сипливый Г.Н. Гештальты «Консервативной революции». – М., 2022.

5. Терехов О.Э. Германская историография идеологии "консервативной революции" как феномена интеллектуальной истории Веймарской республики: Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Томск, 2013.
6. .

Сведения об авторах:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия); e-mail: artamoshinsv@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru